

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2018. Т. 13

№2 (176)

IZVESTIA

Ural Federal University

Journal

Series 3

Social and Political Sciences

2018. T. 13

№ 2 (176)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- Э. Э. Сыманюк**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнёв**, чл.-корр. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- К. Кроо**, проф. (Венгрия)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов,
канд. филос. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

А. С. Меньшиков,
канд. филос. наук, доц.

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Философия

А. Г. Кислов,
канд. филос. наук, доц.

Т. А. Круглова,
докт. филос. наук, проф.

Е. Г. Трубина,
докт. филос. наук, проф.

Д. М. Федяев (Омск),
докт. филос. наук, проф.

Е. С. Черепанова,
докт. филос. наук, проф.

Социология

Н. Л. Антонова,
докт. социол. наук, проф.

Е. В. Грунт,
докт. филос. наук, проф.

Я. В. Дидковская,
докт. социол. наук, доц.

А. В. Меренков,
докт. филос. наук, проф.

А. В. Старшинова,
докт. социол. наук, проф.

Политология

В. Д. Камынин,
докт. ист. наук, проф.

А. А. Керимов,
канд. полит. наук., доц.

Н. А. Комлева,
докт. полит. наук, проф.

В. И. Михайленко,
докт. ист. наук, проф.

О. Ф. Русакова,
докт. полит. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЕВРОПЕЙСКИЙ ИНТЕРРЕГИОНАЛИЗМ И БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ»

<i>Михайленко Е. Б., Михайленко В. И.</i> Европейский интеррегионализм в Латинско-Карибской Америке	5
<i>Савкович Е. В., Маркова Д. С.</i> Инвестиционное сотрудничество России и Китая в рамках инициативы «Один пояс и один путь»	18
<i>Ишуков А. А.</i> Проблемы и перспективы развития экономического потенциала населения в регионах стран ЕАЭС при формировании Большого евразийского партнерства	28
<i>Абильмаликов К. К.</i> Французская энергетическая политика в Каспийском регионе	35

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

<i>Кемеров В. Е.</i> Философия — плывущий континент	42
<i>Либерман С. А.</i> Виртуальность — возможность социального	51
<i>Метелев А. В., Сердюк Т. Г.</i> Концепция типов индивидуального приспособления и теория «аномии» Р. Мертона (критика оснований и направление развития)	61

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Гузикова М. О., Кочева О. Л.</i> Поликультурная и полиязычная образовательная среда как контекст обучения иностранным языкам	74
<i>Бобылю А. М.</i> Интернационализация образования в странах АТР: теоретические модели и национальные практики	83

<i>Табаринцева-Романова К. М., Пашкевич О. Ю.</i> Стратегии хеджинга в политическом дискурсе (на примере заседания Совета Безопасности ООН по вопросу гражданской войны в Ливии 2011 г.)	93
--	----

<i>Рабайя Ф.</i> Концептуальные подходы к изучению международного терроризма	99
--	----

<i>Михайленко Е. Б., Чернавских В. Д.</i> Северокорейский ядерный кризис: возможные стратегии администрации Д. Трампа (policy analysis)	106
---	-----

<i>Ковалев Ю. Ю., Степанов А. В.</i> Переосмысление социального развития в антропоцене: экономический рост и экологическая трансформация Китая	121
--	-----

<i>Гумбатов З. Э., Камынин В. Д.</i> Особенности федерализма в современном Ираке	135
--	-----

<i>Таномсакчай П.</i> Влияние военных на политическую жизнь Таиланда	142
--	-----

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Голуб Е. А., Пургин С. П.</i> «Универсум времени» в искусстве Пауля Клее: философская рефлексия и художественное воплощение	152
--	-----

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Иванова Е. В., Рачитских Д. О.</i> Сравнительный анализ философских школ индийского, китайского и японского буддизма в свете аберрации ориенталистских мотивов религиозной философии постмодерна	165
---	-----

<i>Шестовских Н. А.</i> Проблема частной собственности в трудах русских религиозных философов (конец XIX — начало XX в.)	175
--	-----

Авторы номера	185
---------------------	-----

Summa	188
-------------	-----

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЕВРОПЕЙСКИЙ ИНТЕРРЕГИОНАЛИЗМ И БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ»

20–21 апреля 2018 г. в нашем университете при поддержке программы Европейского союза «ERASMUS + Jean Monnet» прошла международная конференция «Европейский интеррегионализм и Большая Евразия: теория и практика региональной интеграции». В мероприятии приняли участие ученые российских университетов из Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Новосибирска, Перми, Екатеринбургa, Челябинска и Иркутска, а также зарубежные исследователи из Италии, Таиланда, Казахстана, Китая, Румынии и Вьетнама. Ниже мы публикуем статьи, написанные авторами для журнала на основе их докладов на конференции.*

УДК 327.51 + 327.7 + 341.24

Е. Б. Михайленко
В. И. Михайленко

ЕВРОПЕЙСКИЙ ИНТЕРРЕГИОНАЛИЗМ В ЛАТИНСКО-КАРИБСКОЙ АМЕРИКЕ**

В своей внешней региональной политике (европейский интеррегионализм) Европейский союз придает важное значение Латинско-Карибской Америке, учитывая ее огромный экономический, рыночный, человеческий и сырьевой потенциал. Европейский союз развивает сотрудничество с латиноамериканскими странами в острой конкурентной среде, прежде всего с США и Китаем. Традиционное влияние в регионе имеют США. В то время как Китай с 2014 г. потеснил ЕС на третье место по объему экономического сотрудничества со странами Латинско-Карибской Америки. Европейский союз стремится противопоставить США и Китаю в регионе хорошо структурированную политику инвестиций и взаимовыгодного сотрудничества с латиноамериканскими

* Проект 575043-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR.

** Данная статья является продолжением научной работы, выполняемой по изучению теорий регионализма и региональных интеграционных проектов в рамках кафедры Жана Монне «Европейский регионализм и внешняя политика» (номер проекта 575043-EPP-1 2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR).

региональными институтами, учитывающую новые запросы латиноамериканского регионального сообщества. Это придает Европейскому союзу определенные конкурентные преимущества в регионе.

Ключевые слова: Европейский союз, Латинско-Карибская Америка, европейский интеррегионализм, Сообщество латиноамериканских и карибских государств, МЕРКОСУР, УНАСУР, Андское сообщество, группа Сан-Хосе, группа Рио, АЛБА.

В своей внешней региональной политике Европейский союз придает важное значение Латинско-Карибской Америке (ЛКА).

Латинско-Карибская Америка — это пятая экономика в мире, население — более 400 млн человек. Европейский союз выстраивает отношения как с суверенными государствами, так и с латиноамериканскими региональными объединениями. В настоящее время в регионе действуют не менее четырех крупных региональных институтов и десятки субрегиональных проектов. А. А. Канунников обращает внимание на высокий уровень интеграционных процессов в ЛКА [3, 9]. По меткому выражению Л. Линке-Беренс, латиноамериканский ландшафт пересекающихся интеграционных проектов напоминает собой «тарелку спагетти» [28].

Теоретическое обоснование европейского интеррегионализма осуществлено в недавней публикации авторов этой статьи [6, 39–47]. Поэтому представляется возможным сосредоточиться на теоретическом обобщении интеграционных процессов в ЛКА. До недавнего времени интеграционные процессы в ЛКА не привлекали особого внимания со стороны теоретиков регионализма в силу европоцентричности большинства теорий регионализма. Европейский союз рассматривался как интеграционный эталон, на который ориентируются интеграционные проекты в других регионах. В конце 1990-х гг. латиноамериканский регионализм привлек внимание исследователей с точки зрения установления зависимости между безопасностью в регионе и продвижением демократических ценностей и институтов [25, 529–546].

Однако в 2000-х гг. в Южной Америке происходит формирование нового политического климата, основным содержанием которого являются массовая мобилизация левого электората и приход в ряде стран левых правительств с антиамериканской и антилиберальной повесткой. П. Риджироцци отмечает, что латиноамериканский регионализм, как и прежде, имеет экономическую составляющую, однако к ней добавилась совокупность торговых, политических, социальных проектов. Современный регионализм является результатом всеобъемлющих и динамичных отношений между государственными и негосударственными акторами. Другими словами, государства не являются единственным субъектом регионализации. Бизнес и социальные субъекты — активные участники формальных и неформальных региональных взаимосвязей.

Сравнивая региональные проекты, которые имеют различную направленность и архитектуру, альтернативные ценностные основания, П. Риджироцци приходит к выводу о складывании в Латинской Америке «гибридного» регионализма. Граждане региона, общественные движения, политические партии, правящие элиты формируют новое понимание регионального сообщества, идентичности и порядка [31].

П. Риджироцци выделяет три группы региональных интеграционных проектов, исходя из тех задач, которые ставились при их создании. Первая группа ставит во главу угла торговую интеграцию при низкой социально-политической составляющей программ. Это касается прежде всего Андского сообщества и Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА). Вторая группа нацелена на диверсификацию рынков торговли, реализацию политических проектов и поиск партнеров за пределами региона (Центральноамериканский общий рынок, Карибское сообщество, МЕРКОСУР (El Mercado Común del Sur), Андское сообщество, УНАСУР (Unión de Naciones Suramericanas). Третья группа формирует альтернативную антиглобалистскую и антинеолиберальную повестку с акцентированным социальным подтекстом (Боливарианский альянс для народов нашей Америки) [31].

Таким образом, современные региональные конструкторы в Латинской Америке являются следствием взаимодействия экзогенных и эндогенных сил, а также процессов, идущих «сверху вниз и снизу вверх». Имеет место взаимосвязь между макропроцессами регулирования и микропроцессами регионализации. Для определения взаимодействия различных интеграционных тенденций П. Риджироцци использует определения «постгегемонистский» и «overlapping» (перекрывающий) регионализм [Там же]. Другие исследователи оперируют понятиями «постлиберальный», «посткоммерческий» и даже «анархистский» регионализм [28]. Несмотря на различие определений, большинство исследователей латиноамериканского регионализма сходятся в том, что в Южной Америке формируются новые основания для региональной интеграции. Европейский союз, реализуя свою политику сотрудничества с латиноамериканскими интеграционными проектами, должен учитывать антиглобалистские, антиамериканские, антилиберальные, социально-ориентированные основания большинства латиноамериканских региональных проектов.

Региональные организации в Латинской Америке

С середины 1980-х гг. происходит «возвращение» Европы в Латинско-Карибскую Америку. До недавнего времени ЕС являлся вторым по значению торговым партнером стран ЛКА. При оценке взаимоотношений между ЕС и ЛКА необходимо учитывать, что к середине второго десятилетия XXI в. Латинская Америка оказалась в центре конкуренции трех главных акторов мировой политики — США, Китая и ЕС [8, 4].

Первоначально Европейский союз установил отношения с латиноамериканскими региональными сообществами, а именно с МЕРКОСУР (Аргентина, Бразилия, Парагвай и Уругвай), группой «Андское сообщество», или Картахенское соглашение (Боливия, Колумбия, Эквадор, Перу и Венесуэла), группой Сан-Хосе или Центральноамериканской экономической интеграцией (Коста-Рика, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Панама) и группой Рио (все страны Латинской Америки и Карибского бассейна).

В 2007 г. было объявлено о создании региональной политической и экономической организации УНАСУР — Союза южноамериканских наций — в составе

Аргентины, Боливии, Бразилии, Венесуэлы, Гайаны, Колумбии, Парагвая, Перу, Суринама, Уругвая, Чили и Эквадора. Договор вступил в силу 11 марта 2011 г. Этому соглашению предшествовали принятые совместные декларации в Куско в 2004 г., в Бразилии в 2005 г., в Кочабамбе в 2006 г. Следует отметить, что четыре из этих государств входят в МЕРКОСУР и еще пять — в Андское сообщество. Главной задачей УНАСУР является достижение в ближайшие 15 лет интеграции экономик и создание зоны свободной торговли. В перспективе предполагается усиление политической координации и создание наднациональных институтов — совета министров, парламента и институтов правосудия. В декабре 2008 г. на внеочередном саммите УНАСУР был создан совещательный и координационный орган — Южноамериканский совет по обороне [32].

АЛБА — Боливарианский альянс для народов нашей Америки (Bolivarian Alliance for the Peoples of Our America, ALBA) — основан 14 декабря 2004 г. по инициативе лидеров Венесуэлы У. Чавеса и Кубы Ф. Кастро. Согласно подписанной декларации АЛБА является «политическим, экономическим и социальным союзом в защиту независимости, самоопределения и идентичности народов, входящих в него» [11]. На данный момент в АЛБА входят одиннадцать государств Латинской Америки и Карибского бассейна (Венесуэла, Куба, Боливия, Никарагуа, Доминика, Эквадор, Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Люсия, Гренада и Сент-Китс, Невис). Неофициально создание АЛБА рассматривается как противодействие неолиберальной реконструкции в Латинской Америке 1980–1990-х гг. АЛБА выступает против зоны свободной торговли в Северной и Южной Америке, полагая, что она приносит выгоду только крупным державам. Альянс основал собственный банк и ввел региональную валюту, чтобы оградить страны-участницы от негативного воздействия международных валютных организаций. Поощряя внутрирегиональное экономическое сотрудничество, АЛБА содействует диверсификации внешнеторговых партнеров стран региона, учитывает разнообразие позиций своих членов; признание программы альянса не является обязательным условием членства в нем [Там же].

Основные направления сотрудничества ЕС с латиноамериканскими региональными организациями

Сотрудничество ЕС с региональными организациями сосредоточено на соглашениях в областях экономики, технологий и науки [15]. Со второй половины 1980-х гг. появляется гуманитарная составляющая в соглашениях о сотрудничестве, обращенная к проблематике прав человека и институционального регионального строительства (*region-building*).

В 1994 г. ЕС объявила свою флагманскую программу AL-INVEST сотрудничества со странами ЛКА, ориентированную на развитие связей с европейскими партнерами тысяч латиноамериканских малых и средних предприятий. После успешного запуска пилотной программы были утверждены три последующие программы: первая — на 1995–1999 гг., вторая — на 1999–2004 гг., третья — на 2004–2007 гг. Программы финансировали создание операторов интернет-сетей,

подготовку кадров, оказание технической помощи малым и средним предприятиям [26].

В 1995 г. Европейский союз и МЕРКОСУР подписали Межрегиональное рамочное соглашение (Interregional Framework Cooperation Agreement) об усилении сотрудничества между ними. Соглашение предусматривало оказание финансовой и технической поддержки для создания платформы совместного сотрудничества, предполагало постепенную либерализацию внешней торговли на пути к созданию межконтинентальной зоны свободной торговли между двумя интеграционными блоками. Особенностью западноевропейской стратегии стал дифференцированный подход к странам латиноамериканского региона, т. е. проведение отдельных переговоров с каждым субрегиональным интеграционным объединением [15].

В. Тайар выделяет несколько этапов в политике ЕС в Латинской Америке. На *первом этапе* (с 1999 по 2003 г.) было проведено два межрегиональных саммита ЕС — ЛКА (в Рио-де-Жанейро в 1999 г. и Мадриде в 2002 г.), на которых обсуждались вопросы расширения экономического сотрудничества в условиях глобализации. Главной составляющей стал вопрос о создании условий для достижения соглашения о свободной торговле между государствами Евросоюза, Латинской Америки и Карибского бассейна. Предполагалось, что этот процесс будет проходить поэтапно на основе соглашений ЕС как с отдельными странами, так и с субрегиональными экономическими блоками.

Итогом проведения бразильского саммита 1999 г. стало принятие двух документов: Декларации Рио, включающей обязательства участников по формированию межконтинентального политического альянса, и приложения под названием «Приоритетные задачи совместных действий», которое содержало перечень конкретных шагов, направленных на реализацию достигнутых договоренностей в сфере экономического, торгового и культурного сотрудничества, а также на взаимодействие в вопросах экологии. Темы региональных диспаритетов и асимметрии, пути их преодоления в глобализирующемся мире постоянно находились в центре обсуждений. Содержание шести саммитов ЕС — ЛКА представлены в статье И. В. Коневоy [4].

В 2011 г. из ЕС в Бразилию пришло инвестиций на 36 млрд долл. Важно, что при этом положительную динамику показывают и бразильские инвестиции на территории ЕС. По состоянию на конец 2010 г. они составили в общей сложности 80 млрд долл. [2].

В ходе *второго цикла* переговоров (2004–2009), несмотря на то что было проведено три очередных саммита (в Гвадалахаре в 2004 г., в Вене в 2006 г. и в Лиме в 2008 г.), наблюдалось заметное торможение межрегионального диалога между ЕС и отдельными интеграционными блоками Латино-Карибской Америки, обусловленное рядом объективных препятствий экономического, политического и институционального характера. В некоторых из стран произошло «полевение» политического курса [9, 74].

В 2005 г. Европейская комиссия подготовила документ о «Тесном партнерстве между Европейским союзом и Латинской Америкой» (A Stronger partnership between the European Union and Latin). Во введении отмечалось, что

«в современном мире, чреватом новыми угрозами, Европейский союз, как глобальный игрок, заинтересован в укреплении связей со своими ближайшими партнерами, среди которых важными являются страны Латинской Америки. С ними мы разделяем общую приверженность правам человека, демократии и многосторонности отношений. Европа нуждается во всех своих друзьях, чтобы утверждать эти общие ценности» [14]. Документ определил направления сотрудничества.

В 2007 г. был принят Региональный программный документ (Regional Programming Document), определивший основные направления сотрудничества между ЕС и странами ЛКА на период с 2007 по 2013 г. [27], на базе которого была разработана в 2009 г. Четвертая программа сотрудничества. Для ее реализации были привлечены три консорциума, отвечающие за три географические зоны в Латинской Америке: Консорциум стран Центральной Америки (Consortium for Central America, Mexico and Cuba – САМС), Консорциум Андского региона (Andean Region – RA), Консорциум, включающий МЕРКОСУР, Чили и Венесуэлы (Mercosur, Chile and Venezuela – МСV). Каждый из них взаимодействует с крупными финансовыми, торгово-промышленными и сервисными структурами, такими как Мексиканский банк развития (Nacional Financiera – NAFIN), Палата индустрии, сервиса и туризма Санта Крус в Боливии (Santa Cruz Chamber of Industry, Services and Tourism – САINCO), Бразильская национальная конфедерация промышленности (Brazilian National Confederation of Industry – CNI). Со стороны ЕС деятельность латиноамериканских консорциумов поддерживается Ассоциацией европейских торгово-промышленных палат и промышленности (Association of European Chambers of Commerce and Industry – EUROCHAMBRES) в Брюсселе.

В Программе AL INVEST IV участвовали 20 стран ЛКА и почти 60 тыс. малых и средних предприятий.

Об эффективности европейских программ говорят следующие показатели: один вложенный евро в экономику стран ЛКА дает пять евро для нового бизнеса; возникло более 60 тыс. рабочих мест в Боливии, Колумбии, Эквадоре и Перу; в андских странах более 6500 предприятий малого и среднего бизнеса увеличили экспорт продукции, причем более 1000 из них стали экспортерами впервые.

Согласно периодизации, осуществленной В. Тайар, *третий цикл* переговоров между двумя регионами стартовал в 2010 г. и ознаменовался проведением шестого саммита глав правительств в Мадриде во время председательства Испании в ЕС. Очевидным успехом саммита стали подписание договоров об ассоциации и свободной торговле между ЕС и отдельными странами Андского сообщества (с Колумбией и Перу), с Таможенным союзом Центральной Америки, а также разблокирование переговоров между ЕС и общим рынком стран МЕРКОСУР в целях подписания соглашения об ассоциации четвертого поколения. Важным результатом Мадридской встречи также стало создание новых механизмов сотрудничества. Так, были образованы два новых инструмента финансирования: Европейско-латиноамериканский фонд (EUROLAC) со штаб-квартирой в Гамбурге и Механизм инвестиций для Латинской Америки (Latin American Investment Facility – LAIF) с объемом финансирования 125 млн евро на 2009–2013 гг. для разработки инфраструктурных проектов [9, 75]. Всего в течение 2009–2013 гг.

Европейский союз инвестировал более 4 млрд евро в программное развитие сотрудничества со странами Латинской Америки [13].

Новый, *четвертый этап* межрегиональных переговоров ознаменовался проведением в январе 2013 г. седьмой встречи и первого саммита между ЕС и созданным в 2011 г. крупнейшим интеграционным объединением Западного полушария — Сообществом латиноамериканских и карибских государств (Community of Latin American and Caribbean States — CELAC).

С целью координации сотрудничества между ЕС и ЛКА проводятся саммиты раз в два года поочередно в Европе и в одной из латиноамериканских стран. Целью саммитов является укрепление взаимоотношений между ЕС и Латинской Америкой в областях политики, культуры, образования, науки, экономики, устойчивого развития.

Седьмой саммит ЕС и стран Латинской Америки и Карибского бассейна (EU Latin America and the Caribbean Summit) состоялся в январе 2013 г. в Сантьяго (Чили). Его результатами стало принятие Плана действий (Action Plan), в котором нашли отражение вопросы сотрудничества в областях науки, исследований, инноваций, технологий, устойчивого развития, окружающей среды, изменения климата, энергетики, биотехнологий, региональной интеграции, миграции, образования, занятости, гендерной политики, борьбы с распространением наркотиков, инвестиций и предпринимательства в интересах устойчивого развития [20].

В опубликованной по итогам встречи Декларации Сантьяго отмечается углубление стратегического партнерства между ЕС и странами ЛКА (CELAC-EU Dialogue) под лозунгом «Союз за устойчивое развитие: привлечение инвестиций для улучшения качества социальной жизни и окружающей среды» [Там же].

В марте 2014 г. ЕС принимает документ о совершенствовании финансовых инструментов развития сотрудничества на период до 2020 г. [30]. Исходя из этого документа, в августе 2014 г. в ЕС была принята Многолетняя индикативная программа для Латинской Америки (Multiannual indicative programme for Latin America). Общая сумма ассигнований на региональные программы для Латинской Америки в 2014–2020 гг. составила 925 млн евро. Программа финансирования разделена на две части. На реализацию первой выделено 805 млн евро. Она предусматривает финансирование расходов на безопасность, развитие информационных технологий, реализацию институтов «хорошего управления» (good governance), социальное и экологическое устойчивое развитие, содействие обмену в области высшего образования, проведение совместных научных исследований. Кроме того, для латиноамериканских участников открыт доступ к европейской программе «Горизонт-2020», общий бюджет которой составляет 80 млрд евро на семь лет, к программам «Складовская-Кюри», «Эразмус плюс» и др. Вторая часть программы в объеме 120 млн евро финансирует субрегиональную интеграцию латиноамериканских стран в областях экономики, безопасности и правопорядка, прав человека, предотвращения стихийных бедствий и климатических изменений [20].

В январе 2015 г. в Сан-Хосе (Колумбия) прошел третий саммит стран ЛКА. Главными темами встречи стали борьба с бедностью и внедрение институтов «хорошего управления». В саммите приняла участие Верховный представитель

Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини. Для нее эта встреча имела важное значение в налаживании прямых связей с лидерами латиноамериканских государств в преддверии подготовки Диалога (CELAC-EU Dialogue). Встреча прошла в июне 2015 г. в Брюсселе. В повестку включены вопросы безопасности, образования и инноваций [24]. По итогам встречи были подписаны две декларации. В Политической декларации были подведены итоги 16-летнего сотрудничества между ЕС и CELAC и заявлено о стремлении поддерживать двусторонний диалог и развивать сотрудничество. Была принята брюссельская декларация «Формирование нашего общего будущего: совместная работа для процветающих, сплоченных и устойчивых обществ наших граждан» [16]. Последний документ подтверждал взаимную приверженность всех сторон гуманитарным принципам, инициативам ООН и базовым ценностям, которые отстаивает ЕС [29].

Продолжает действовать программа AL INVEST. В 2015 г. была принята пятая программа AL INVEST 5.0. На поддержку предприятий малого и среднего бизнеса, которых насчитывается более 25 тыс., было выделено 25 млн евро [12, 19].

Европейский союз активно использует механизм двусторонних соглашений с отдельными государствами. В ноябре 2014 г. ЕС и Парагвай подписали соглашение о сотрудничестве на 2014–2020 гг. на сумму 168 млн евро [18]. На Мексику и Бразилию приходится около 60 % европейского экспорта в Латинскую Америку и 50 % европейского импорта из региона. Стратегическое партнерство ЕС с Бразилией подкрепляется деятельностью специализированных европейских институтов. Так, действует дипломатическая миссия, которая является частью Европейской службы внешних связей. Основными ее задачами являются развитие политических и экономических отношений между Бразилией и ЕС на основе тесного диалога с бразильским правительством, поддержка в запуске стратегического союза ЕС – Бразилия (EU–Brazil Strategic Partnership), инициированного Европейской комиссией с тем, чтобы содействовать развитию диалога об ассоциации между ЕС и МЕРКОСУР [9].

В октябре 2016 г. в Санто-Доминго прошел очередной саммит ЕС и CELAC с участием Ф. Могерини. Министры иностранных дел подписали соглашение о придании Фонду ЕС – CELAC статуса международной организации с целью усиления партнерских отношений. Европейский союз анонсировал новые программы на поддержку устойчивого развития стран Латинской Америки (30 млн евро) и Карибского бассейна (44,2 млн евро). Кроме того, ЕС выделяет Гайане, Барбадосу и Парагваю 31 млн евро под ранее утвержденные программы [10, 22].

В настоящий момент ЕС использует для финансирования сотрудничества со странами Латинской Америки систему смешивания финансовых источников (blending). Эта форма признается в качестве важного средства для привлечения дополнительных ресурсов. Смешивание означает сочетание грантов ЕС с кредитами государственных и частных финансовых органов. Реализацией финансовой политики ЕС в Латинской Америке занимается Инвестиционный фонд (Latin America Investment Facility, LAIF), решение о создании которого было принято в мае 2010 г. на саммите ЕС – ЛКА. Основной целью LAIF является содействие

дополнительным инвестициям в секторах транспорта, энергетики и окружающей среды, а также поддержка развития частного сектора в регионе. На период 2009–2015 гг. Европейская комиссия выделила LAIF общую сумму в 270 млн евро. Согласно приоритетам сотрудничества с ЛКА, установленным в Многолетней индикаторной программе на 2014–2020 гг., мероприятия LAIF должны ориентироваться на следующие сектора: энергетика, сельское хозяйство, транспорт, окружающая среда, изменение климата, поддержка малых и средних предприятий, информация и коммуникации, социальные услуги [13]. Европейский союз планирует инвестировать в регион в 2014–2020 гг. 3,4 млрд долл. Кроме того, отдельное финансирование направляется в страны региона по другим европейским программам, например, таким, как «Европейский инструмент за демократию и права человека» (European Instrument for Democracy and Human Rights), Программа негосударственных акторов и местных администраций (Non-State Actors and Local Authorities Programme) [21].

Заключение: ЛКА как пространство конкурентной борьбы

«Золотое десятилетие» (2003–2013), в течение которого государства ЛКА добились впечатляющих экономических результатов, закончилось. В 2014–2015 гг. государства ЛКА вступили в полосу рецессии: темпы прироста региональной экономики в 2014 г. составили 0,7 %, а в 2015 г. снизились до минус 0,7 %. В 2016 г. экономический спад усилился. Общий объем ВВП сократился в 2016 г. на 1,3 %. Отмечается резкое ухудшение всех параметров устойчивости [5, 11].

Несмотря на развитую инфраструктуру отношений, наблюдается ряд нерешенных проблем в сотрудничестве между ЕС и ЛКА.

С одной стороны, ЕС полагает, что одна из ведущих латиноамериканских стран — Бразилия — устанавливает высокие таможенные барьеры на пути импорта европейских автомобилей и высокотехнологичного оборудования. Более всего от этого страдает Германия, чья доля составляет 30 % промышленного экспорта ЕС в латиноамериканские страны. В свою очередь, Бразилия предъявляет претензии относительно того, что европейцы субсидируют свою сельскохозяйственную продукцию. Сельхозпроизводители Франции, Ирландии, Польши и еще ряда стран Европы всерьез опасаются конкуренции со стороны южноамериканцев. Эти опасения нельзя назвать беспочвенными, поскольку страны МЕРКОСУР, прежде всего Аргентина и Бразилия, по таким позициям, как мясо, зерновые и бобовые, сахар, этиловый спирт, занимают верхние строки в рейтингах крупнейших мировых производителей. Препятствуют развитию отношений также внутренние противоречия в МЕРКОСУР между латиноамериканскими партнерами, в частности, между Бразилией, с одной стороны, и Аргентиной, Уругваем и Парагваем, с другой. Существующие разногласия тормозят подписание соглашения о свободной торговле между Евросоюзом и странами МЕРКОСУР, где на Бразилию приходится 70 % ВВП [2].

Начиная с 2013 г. европейско-латиноамериканское сотрудничество целесообразно рассматривать в контексте трансформации мирохозяйственных связей.

В июле 2013 г. в Вашингтоне было положено начало официальным переговорам о заключении Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства (Transatlantic Trade and Investment Partnership, ТТИП) между США и ЕС. При реализации этого проекта отдельные страны латиноамериканского региона могут стать «третьей опорой трансатлантического треугольника» [9, 75]. Другим амбициозным мегапроектом с участием в переговорах США, с которым ЕС не может не считаться, является Транстихоокеанское стратегическое экономическое соглашение о партнерстве (Trans-Pacific Strategic Economic Partnership Agreement, ТПП), в которое в числе 13 стран вошли три страны Тихоокеанского альянса — Чили, Мексика, Перу; кроме того, одним из наиболее вероятных кандидатов на вступление в него является Колумбия.

В. Тайар не без оснований полагает, что именно те латиноамериканские страны, которые уже заключили договоры о свободной торговле с США и ЕС и тем самым выразили готовность тесно сотрудничать с Западом, с наибольшей вероятностью будут втянуты в орбиту трансконтинентального партнерства, которое по своему значению имеет не только экономическую, но и ярко выраженную геополитическую направленность [Там же].

В своей политике в ЛКА ЕС сталкивается с конкуренцией со стороны США и Китая. Бразилия является важнейшим партнером США в области энергетики. В последние годы отмечается стремление США включить Венесуэлу и Кубу в НАФТА (Североамериканскую зону свободной торговли), в которую входят США, Мексика и Канада. В отличие от Европейского союза НАФТА не ставит целью создание межгосударственных административных органов и принятие правового регулирования для управления такой системой.

Профессор Панамского университета М. Гандасегуи, опираясь на данные *Wikileaks*, бьет тревогу по поводу секретных переговоров, которые ведутся США с латиноамериканскими государствами с целью заключения Соглашения в области торговли услугами (Trade in Services Agreement — TiSA). Речь идет о сотрудничестве в областях телекоммуникаций, электронной торговли, страхования и транспортных услуг. Автор считает, что Соглашение находится в противоречии с Венской конвенцией о праве международных договоров [23]. С приходом к власти администрации Д. Трампа участие США в мегапроектах приостановлено. Европейский союз не смог воспользоваться ослаблением позиций США в связи с отказом президента Д. Трампа поддержать Транстихоокеанское партнерство. В трех латиноамериканских странах-участницах ТПП, Чили, Перу и Мексике, происходит замещение Китаем утраченных позиций США [17]. Из Белого дома поступают противоречивые сигналы в сторону ЛКА. К примеру, отправленный в отставку государственный секретарь США Р. Тиллерсон намекал на сохраняющуюся актуальность доктрины Монро [Там же].

В 2014 г. КНР вышла на второе место в качестве экономического партнера в ЛКА, оттеснив Европейский союз на третье место. С марта 2013 по март 2014 г. объемы торговли ЛКА с США составили 757 млрд долл., с КНР — 406 млрд долл., а с ЕС — 278 млрд долл. Позиции ведущих стран региона совпадают в вопросах международной повестки дня, в частности, о необходимости формирования более

справедливого политического и экономического порядка, об увеличении представительства латиноамериканских государств в международных организациях. Расширяется сотрудничество Китая со странами региона в военно-технической области и освоении космического пространства. В декабре 2014 г. было объявлено о начале строительства китайской компанией нового межконтинентального канала на территории Никарагуа [1, 37]. С 2010 г. Китай предоставил странам ЛКА кредитов на общую сумму в 123 млрд долл.

Китайская экспансия в Латинскоамериканский регион стремительно развивается не только в цифровом выражении. Китай быстро осваивает опыт программного подхода ЕС к сотрудничеству с международными регионами. В докладе [17], подготовленном Атлантическим советом в 2017 г., обращается внимание на то, что Китай с 2003 г. инвестировал в страны ЛКА порядка 110 млрд долл., значительная часть которых была направлена в добывающие сектора. Заинтересованность Китая в сырьевых ресурсах стран ЛКА сформировала ошибочное мнение в экспертном сообществе, что Китай заинтересован только в извлечении сырья из региона и не имеет определенной модели экономического присутствия в Латинской Америке [33]. Под влиянием современной политики проникновения Китая в ЛКА формируется иная точка зрения. С 2014 г. Китай по примеру ЕС установил механизм сотрудничества по линии СЕЛАС, УНАСУР и АЛБА, проводит множество тематических форумов по различным аспектам экономической и политической повестки (инфраструктура, АПК, финансы, технологии, сектор услуг и др.) [7]. Особенно впечатляющими являются китайские инвестиции и передача технологий в энергетической области (как в возобновляемой, так и ядерной), банковской сфере, развитии телекоммуникаций и сетевого оборудования [17]. Китай использует демпинг в качестве средства конкурентной борьбы и предоставляет более выгодные финансовые условия странам ЛКА, тем самым подрывая позиции североамериканских и европейских компаний.

Учитывая сильные антиглобалистские и антинеолиберальные настроения в ЛКА, Европейский союз должен принимать в расчет последствия идеологического проникновения Китая в страны ЛКА, усиления его влияния на политические процессы в регионе.

Европейский союз проводит последовательную, ориентированную на потребности региона программную политику в Латинской Америке, экспортирует европейские ценности и институты в ЛКА. Несмотря на отдельные успехи, европейский интеррегионализм в Латинской Америке испытывает серьезное противодействие со стороны части латиноамериканского сообщества и растущее давление со стороны внешних конкурентов.

1. Волков К. О. Китайский «прорыв» в Латинскую Америку // Ибероамериканские тетради. 2015. Вып. 1(7).

2. ЕС и МЕРКОСУР: трудности сближения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rodon.org/polit-100723102810> (дата обращения: 28.04.2018).

3. Капунников А. А. Европейский союз — Латинская Америка: экономическое, политическое, социальное сотрудничество. М., 2014.

4. *Конева И. В.* Трансатлантические отношения ЕС — Латинская Америка в конце XX — начале XXI в. // Научный диалог. 2013. Вып. 1.
5. Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов / отв. ред. В. П. Сударев, Л. Н. Симонова. М., 2017.
6. *Михайленко Е. Б., Михайленко В. И.* Европейский интеррегионализм в XXI веке: постановка научной проблемы // Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Ч. 1 : Доклады Института Европы № 340 / отв. ред. Е. А. Маслова, О. Ю. Потемкина. М., 2017.
7. *Разумовский Д.* Китайская экспансия в Латинской Америке: что рекомендует Атлантический совет? [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskaya-ekspansiya-v-latinskoj-amerike-chto-rekomenduet-atlanticheskij-sovet/> (дата обращения: 30.04.2018).
8. *Сударев В. П.* Латинская Америка в геополитическом треугольнике США — Китай — ЕС // Латинская Америка. 2015. № 4.
9. *Тайар В. М.* Евросоюз — Латинская Америка: контуры межрегионального партнерства в XXI веке // Современная Европа. 2015. № 2.
10. Agreement establishing the EU-LAC International Foundation [Electronic resource]. URL: <https://eulacfoundation.org/en/system/files/en.pdf> (accessed: 10.04.2018).
11. ALBA info// <https://albainfo.org/what-is-the-alba/>Hurrell, A. Security in Latin America // International Affairs. 1998. № 74/3.
12. Al-Invest 5.0 [Electronic resource]. URL: http://www.alinvest5.org/index.php?option=com_content&view=featured&Itemid=154&lang=en (accessed: 11.04.2018).
13. ANNEX 3 of the Commission Implementing Decision on the Action Document for the Latin American Investment Facility (LAIF) [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/final_ad_aap_2014_laif.pdf (accessed: 10.03.2018).
14. A stronger partnership between the European Union and Latin America [Electronic resource]. URL: <http://eeas.europa.eu/lac/publication/en.pdf> (accessed: 25.09.2014).
15. *Börzel Tanja A., Risse Thomas.* Diffusing (Inter-) Regionalism. The EU as a Model of Regional Integration. Kolleg-Forschergruppe. The Transformative Power of Europe: The European Union and the Diffusion of Ideas. Working Paper. 2009. № 7. Sept.
16. Brussels Declaration “Shaping our common future: working together for prosperous, cohesive and sustainable societies for our citizens” [Electronic resource]. URL: <http://www.consilium.europa.eu/media/23753/eu-celac-brussels-declaration.pdf> (accessed: 05.04.2018).
17. Chinese FDI in Latin America: News Trends with Global Implications / By R. Avendano, A. Melguizo, S. Miner. Washington, 2017 [Electronic resource]. URL: http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Chinese_FDI_in_Latin_America_web_0626.pdf (accessed: 30.04.2018).
18. El Programa Al-Invest 5.0 [Electronic resource]. URL: <http://www.ucer.camcom.it/Internazionalizzazione/news/pdf-2017/BGtandil.pdf> (accessed: 28.04.2018).
19. Development Cooperation Instrument. 2014-2010. Multiannual Indicative Regional Programme for Latin America [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/dci-multindicativeprogramme-latinamerica-07082014_en.pdf (accessed: 28.07.2015).
20. EU-CELAC Action Plan [Electronic resource]. URL: <http://www.consilium.europa.eu/media/23757/eu-celac-action-plan.pdf> (accessed: 28.04.2018).
21. EU Cooperation with Latin America and the Caribbean [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/13042/eu-celac-relations_en (accessed: 30.07.2017).
22. EU support to the Community of Latin America and Caribbean States (CELAC) [Electronic resource]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-16-3542_en.htm (accessed: 11.04.2018).
23. *Gandasegui M. A.* Wikileaks throws light on an ultra-secret treaty [Electronic resource]. URL: <http://www.alainet.org/es/node/170581> (accessed: 30.07.2015).
24. HR/VP Federica Mogherini participation in 3rd CELAC Summit in San José, Costa Rica [Electronic resource]. URL: http://www.eeas.europa.eu/top_stories/2015/280115_celac_summit_en.htm (accessed: 10.04.2018).

25. *Hurrell A.* Security in Latin America// International Affairs. 1998. № 74/3.
26. Latin America – AL-INVEST – an initiative to support the internationalisation of SMEs [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/europeaid/regions/latin-america/al-invest-regional-aid-programme_en (accessed: 12.04.2018).
27. Latin America. Regional Programming Document. 2007 – 2013 [Electronic resource]. URL: http://eeas.europa.eu/la/rsp/07_13_en.pdf (accessed: 10.07.2014).
28. *Linke-Behrens L.* South American Regionalism: Explaining the Foundation of UNASUR [Electronic resource]. URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/45371/ssoar-2015-linke-behrens-South_American_regionalism_explaining_the.pdf?sequence=1 (accessed: 10.07.2014).
29. Political Declaration “A partnership for the next generation”. Brussels, June 11th, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.consilium.europa.eu/media/23749/eu-celac-political-declaration.pdf> (accessed: 10.04.2018).
30. Regulation (EU) No 233/2014 of the European Parliament and of the Council of 11 March 2014 establishing a financing instrument for development cooperation for the period 2014–2020 [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/regulation_eu_no_2332014_of_the_ep_and_the_council_establishing_a_financing_instrument_for_development_cooperation_2014-2020_0.pdf (accessed: 10.04.2018).
31. *Riggirozzi P.* Region, Regionness and Regionalism in Latin America: Towards a New Synthesis [Electronic resource]. URL: <http://www20.iadb.org/intal/catalogo/PE/2012/10382.pdf> (accessed: 10.04.2018).
32. UNASUR [Electronic resource]. URL: <https://www.unasursg.org/en/node/179> (accessed: 11.04.2018).
33. *Vasques P.* China, Oil, and Latin America: Myth vs. Reality. Atlantic Council, 2018 [Electronic resource]. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/china-oil-latam-final.pdf> (accessed: 30.04.2018).

Рукопись поступила в редакцию 04 мая 2018 г.

УДК 330(470:510) + 327.7:330.322.013

Е. В. Савкович
Д. С. Маркова

ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ»

В статье кратко рассматривается предложенная китайской стороной инициатива «Один пояс и один путь». Особое внимание уделяется российско-китайскому инвестиционному сотрудничеству в проекте, наиболее полно представлены двусторонние соглашения, анализируются основные потоки инвестиций и действующие инвестиционные механизмы. Также в работе исследуются сопряжение «Одного пояса и одного пути» с Евразийским экономическим союзом, открывающиеся для стран-членов инвестиционные возможности и трудности в ходе кооперации. В исследовании были использованы общенаучные и специальные методы (например, контент-анализ и статистический анализ). При изучении проблемы были сделаны следующие выводы: Россия и Китай активно развивают инвестиционное сотрудничество в рамках «Одного пояса и одного пути», в том числе через Фонд Шелкового пути; основные отрасли кооперации — транспортная, добывающая и перерабатывающая.

Ключевые слова: Россия, Китай, «Один пояс и один путь», инвестиционное сотрудничество.

Россия и Китай являются стратегическими партнерами, 51 субъект Российской Федерации (РФ) сотрудничает с регионами Китайской Народной Республики (КНР), у 91 муниципального образования имеются побратимы или партнеры в Китае [7]. Страны совместно работают на различных международных площадках (ООН, ШОС, БРИКС, АТЭС и т. д.). Россия и Китай активно взаимодействуют в торгово-экономической сфере, существует договоренность между странами о наращивании торгового оборота до 200 млрд долл. США к 2020 г. [13].

Российская Федерация и КНР также предпринимают меры по развитию инвестиционного сотрудничества. С 2012 г. функционирует Российско-Китайский инвестиционный фонд (РКИФ), его капитал составляет 2–4 млрд долл. США. Планируется, что более 70 % капитала фонда будет вложено в проекты на территории России и стран СНГ, до 30 % — в китайские проекты с участием российских компаний [10]. Одним из крупнейших инвестиционных проектов будет строительство железнодорожного моста между РФ и КНР через Амур с общим объемом вложений около 400 млн долл. США [16].

С 2014 г. действует Межправительственная российско-китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству, задачей которой выступают содействие реализации инвестиционных проектов в неэнергетической сфере и снижение административных и торговых барьеров между РФ и КНР. На 2015 г. в рамках комиссии осуществляются 58 совместных инвестиционных проектов с оцениваемым общим объемом частных инвестиций в размере свыше 20 млрд долл. США [4].

Установить объемы российско-китайских инвестиций достаточно трудно, так как обе страны главным образом сотрудничают в инвестиционной сфере с офшорами вроде Багамских и Виргинских островов, Гонконга, Нидерландов, Сингапура, Каймановых островов [5]. Согласно китайским источникам общий объем китайских инвестиций за рубеж составил за 2015 г. 145,67 млрд долл. США, 80 % из них (116,35 млрд долл. США) были сделаны в пять офшорных юрисдикций — Гонконг, Нидерланды, Каймановы острова, Британские Виргинские острова, Бермудские острова. Таким образом, оставшиеся 20 % были инвестированы Китаем в другие страны. В 2015 г. прямые инвестиции в российскую экономику составили около 2,96 млрд долл. США. Накопленные инвестиции — 14,02 млрд долл. США. Из чего следует, что Россия занимает третье место по накопленному объему инвестиций в Европе после Нидерландов и Великобритании и второе (после Нидерландов) место по их привлечению за год [Там же].

Несмотря на сложности подсчета объемов инвестиционной деятельности между Россией и Китаем, соответствующие министерства двух государств заявили о возможности увеличения инвестиций в семь раз к 2020 г. (по сравнению с 2014 г.) [8].

Цель данной статьи — рассмотрение китайской инициативы «Один пояс и один путь» и инвестиционное сотрудничество России и Китая в рамках этой инициативы.

«Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) — инициатива Китая, выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. Идея была озвучена во время выступления главы Китая в Астане в рамках его государственного визита. Цель создания ЭПШП — экономическое развитие Китая и стран Центрально-Азиатского региона. В октябре 2013 г. Председатель КНР предложил дополнительно к ЭПШП создать «Морской Шелковый путь XXI века» (МШП). Две идеи были объединены в одну под названием «Один пояс и один путь». Прообразом «Одного пояса и одного пути» является Великий шелковый путь, основная ценность которого с китайской точки зрения — «мир и сотрудничество, открытость и толерантность, взаимное заимствование и обмен опытом, взаимная выгода и общий выигрыш» [9].

Китайские эксперты подчеркивают, что инициатива представляет собой инновационную модель сотрудничества, направленную на улучшение многосторонней кооперации и налаживание эффективных партнерских отношений, которая не является намерением Китая занять лидирующие позиции или создать формальное сообщество [19, 23].

«Один пояс и один путь» базируется на нескольких принципах, которые описаны в изданном Госкомитетом по делам развития и реформ, Министерством иностранных дел и Министерством коммерции КНР документе «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути XXI века”» [9]. Этими принципами являются следование Уставу ООН, пяти принципам мирного сосуществования (взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, взаимное невмешательство во внутренние дела, равенство

и взаимные выгоды, мирное сосуществование). Кроме того, «Один пояс и один путь» поддерживает принцип открытых дверей для сотрудничества, который означает, что любое государство, международная или региональная организация имеют право присоединиться к проекту Китая. Также основой инициативы при реализации и функционировании проекта выступает опора на рыночные механизмы и общепринятые международные правила. Немаловажным является следование принципу «win-win», что означает взаимную выгоду и выигрыш.

Маршрут ЭПШП на данный момент точно не определен. Предполагается, что ЭПШП будет начинаться в Китае и проходить по территории Азии, Европы и Африки и включать три основные линии: через Центральную Азию в Россию и Европу, через Центральную и Западную Азию в государства Персидского залива и Средиземноморья, в Юго-Восточную и Южную Азию к Индийскому океану. Морской Шелковый путь будет проложен из Китая в Европу через Южно-Китайское море и Индийский океан и в Южную часть Тихого океана через Южно-Китайское море [19, 23] (рис. 1). Будут созданы шесть транспортно-экономических коридоров: «Евразийский сухопутный мост», Китай – Монголия – Россия, Китай – Центральная Азия – Западная Азия, Китай – Пакистан, Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма и Китай – Индокитайский полуостров [22] (рис. 2). Что, по оценкам, будет охватывать 65 стран и 4,4 млрд человек [23]. Тем не менее в вышеуказанном документе подчеркивается, что любая страна

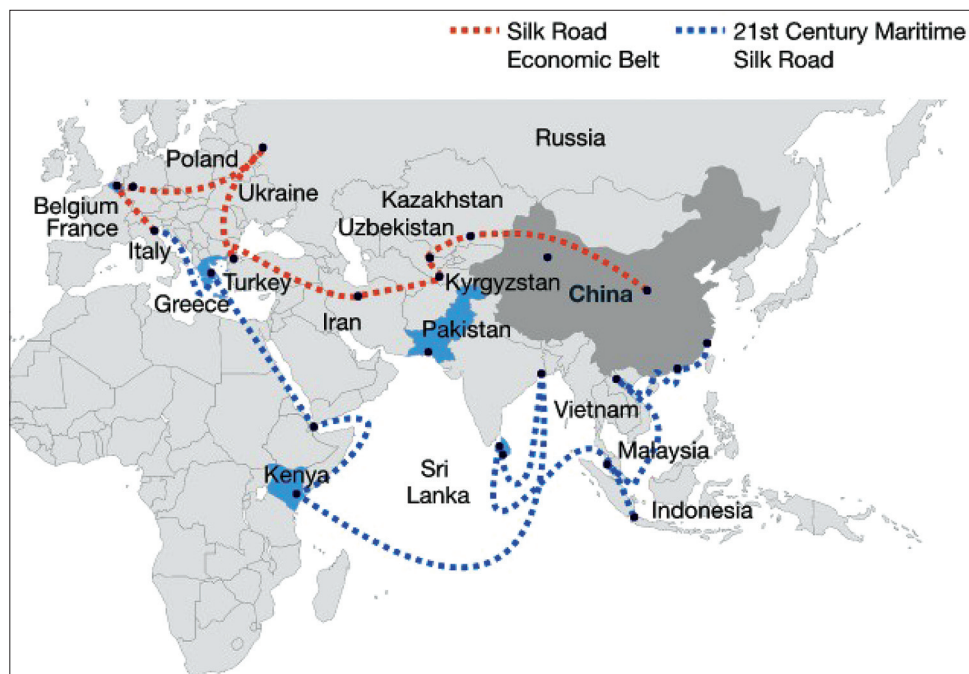

Рис. 1. Предполагаемый маршрут «Один пояс и один путь»

Источник: <https://www.mckinsey.com/industries/capital-projects-and-infrastructure/our-insights/one-belt-and-one-road-connecting-china-and-the-world>

Рис. 2. Транспортно-экономические коридоры

Источник: <https://ria.ru/infografika/20170513/1494173299.html?inj=1>

может присоединиться к инициативе, что делает возможным расширение границ «Одного пояса и одного пути».

Для реализации инициативы Китая необходимо выполнить пять условий, которые должны способствовать сглаживанию экономических различий между странами «Одного пояса и одного пути»:

1) укрепить политическое сотрудничество, что включает в себя обмен информацией о принимаемых экономических мерах, осуществление совместных действий по укреплению регионального сотрудничества, разрешение проблем посредством консультаций;

2) создать единую инфраструктуру, совместить планы инфраструктурного строительства и технологических стандартов, сформировать сети магистралей, соединяющих Азию, Европу и Африку. Инфраструктурные объекты должны быть построены с учетом влияния, оказываемого на природу и климат;

3) сформировать благоприятные условия для торговли и инвестиций, оказать содействие созданию зон свободной торговли, усилить таможенное сотрудничество, проводить переговоры о защите инвестиций и избегании двойного налогообложения, реализовать меры по защите прав и интересов инвесторов;

4) углубить финансовое сотрудничество, обеспечить свободное движение капитала, развитие азиатских фондовых рынков, продвижение Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Банка развития БРИКС, создание финансового учреждения Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Фонда Шелкового пути;

5) расширить культурные, научные, студенческие, молодежные обмены, обмен кадрами; проводить фестивали, ярмарки, мероприятия со странами, включенными в «Один пояс и один путь»; развивать туристические маршруты, укреплять сотрудничество в области здравоохранения, медицины, информации, политики и т. д.

Из представленных мер можно сделать вывод, что инвестиционная деятельность является одной из ключевых сфер кооперации стран ОПОП, «двигателем торговли» [9]. Предполагается, что инвестиции будут охватывать промышленное и аграрное производство.

В рамках «Одного пояса и одного пути» странами с КНР были подписаны двусторонние меморандумы о взаимопонимании (рис. 3). В 2016 г. российской и китайской сторонами был подписан Меморандум о взаимопонимании между Министерством экономического развития Российской Федерации и Министерством коммерции Китайской Народной Республики о координации совместных усилий в рамках международных организаций и объединений, в котором указано намерение продвигать экономическое и инвестиционное сотрудничество двух стран на различных международных площадках, таких как Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), БРИКС, ШОС, форум «Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии» (СВМДА) и др. [15]. Из чего можно сделать вывод, что Россия выражает свою поддержку китайской инициативе.

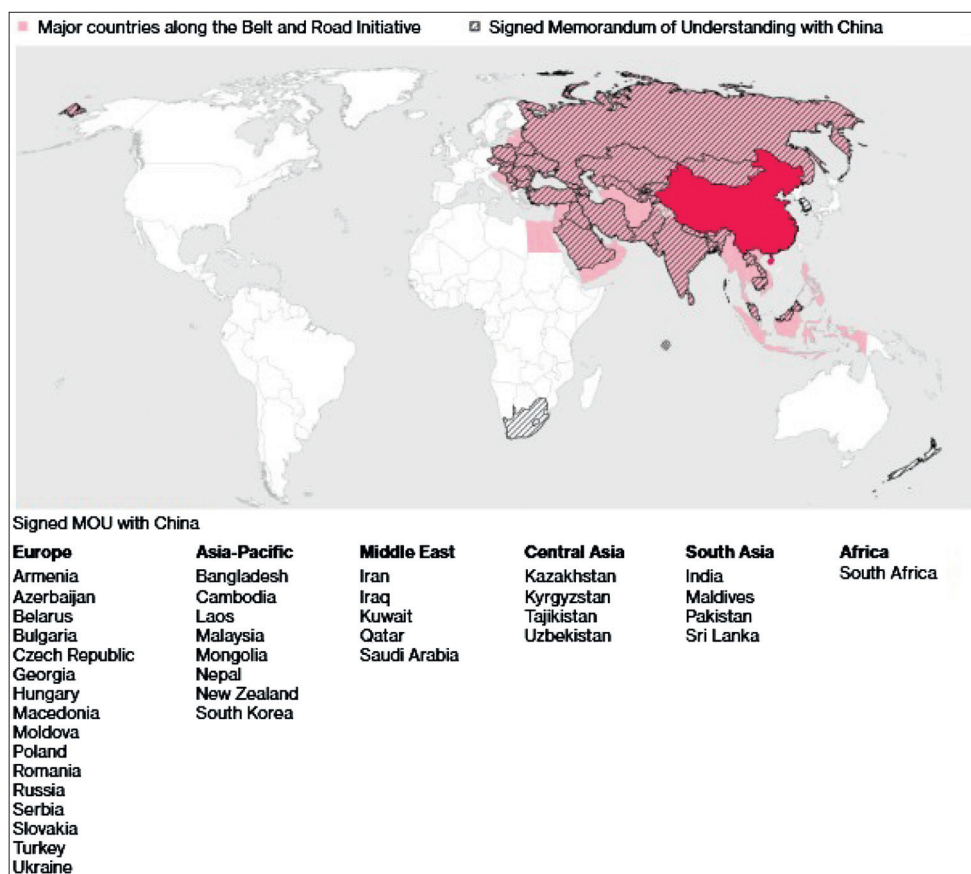

Рис. 3. Страны, подписавшие Меморандум о взаимопонимании с Китаем

Источник: <https://www.bloomberg.com/graphics/2017-china-belt-and-road-initiative/>

Однако стороны не устанавливают перечень конкретных мер, необходимых для реализации «Одного пояса и одного пути».

Российско-китайское сотрудничество в формате «Один пояс и один путь», как отмечают некоторые специалисты [19, 25], началось на 19-й регулярной встрече глав правительств РФ и КНР в 2014 г., на которой были подписаны документы о двустороннем торгово-экономическом сотрудничестве. Что касается инвестиционной деятельности, то были заключены рамочный контракт о реализации инвестиционного проекта по строительству лесохимического комплекса между ООО «Сибирский лес» и ОАО «Китайская корпорация инжиниринга Си-Ай-Эм-Си» и соглашение об инвестициях на территории Липецкой области в сфере реализации инвестиционного проекта по строительству завода по производству транспортных средств между администрацией Липецкой области, ОАО «Особая экономическая зона промышленно-производственного типа “Липецк”» и компанией «Лифань Индастри Групп» [2].

В 2015 г. было подписано соглашение между Россией и Китаем о сопряжении «Экономического пояса Шелкового пути» и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Данное событие означает, что российское евразийское пространство (от Урала до западных и центральноазиатских границ РФ) становится основной зоной не только транзита и экономического сотрудничества, но и инвестиционной деятельности [3, 32]. Для усиления экономической интеграции стороны намерены расширить торгово-инвестиционное взаимодействие, содействовать упрощению взаимного инвестирования, реализации крупных совместных инвестиционных проектов, укреплять транспортное и логистическое взаимодействие, создавать механизмы упрощения торговли с перспективой создания ЗСТ между ЕАЭС и Китаем, способствовать использованию национальных валют в торговле, прямым инвестициям и кредитовании, усиливать кооперацию в сферах экспортного кредитования, страхования, проектного и торгового финансирования, банковских карт [18]. Несмотря на намерения двух сторон, инвестиционное сотрудничество с ЕАЭС представляется для Китая затруднительным, так как государства-члены Союза не сформировали единых правил в сфере инвестиций, а также страны Союза предоставляют различную степень открытости иностранным инвестициям [11, 59].

Созданный в 2014 г. Фонд Шелкового пути (ФШП) с капиталом в 40 млрд долл. США [20] инвестировал в российские компании «Ямал СПГ» и «Сибур». В марте 2016 г. ФШП приобрел 10 % акций в крупнейшей российской газоперерабатывающей и нефтехимической компании «Сибур», что в денежном выражении составляет около 1,338 млрд долл. США [17]. Также в 2016 г. «Новатэк» продал ФШП 9,9 % в проекте «Ямал СПГ», который предполагает строительство завода по производству сжиженного природного газа (СПГ) мощностью 16,5 млн т СПГ в год на ресурсной базе Южно-Тамбейского месторождения [6]. Помимо этого ФШП предоставил Новатэк кредит в размере 792,8 млн долл. США на 15 лет [11, 59]. Учитывая, что количество инвестиционных проектов ФШП как нового финансового учреждения достаточно небольшое, вложение капитала в две российские компании демонстрирует инвестиционную привлекательность российского бизнеса для китайских инвесторов и возможное увеличение масштабов

инвестиционной деятельности ФШП на территории РФ, чему способствуют различные договоренности Китая и России об упрощении инвестиционной деятельности.

Китайские компании также намерены активно инвестировать в международный транспортный коридор (МТК) Европа — Западный Китай, проходящий по территориям России, Казахстана и Китая (рис. 4). Реализация проекта запланирована к 2023 г. На данный момент большинство перевозок из Китая в Европу осуществляется через Суэцкий канал — длительный и по времени, и по расстоянию маршрут. Коридор должен сократить данные издержки. Инвесторы из Китая намерены профинансировать российскую часть транспортного коридора, а также вложить до трети от общего объема инвестиций (около 150 млрд руб.) в МТК. Переговоры по данному вопросу проводились с такими китайскими финансовыми и строительными компаниями, как China Communication Construction

Рис. 4. Международный транспортный коридор Европа–Западный Китай

Источник: <https://www.kommersant.ru/doc/2801505>

Corporation, СЕСС, «Шандунские дороги», Фонд развития Шелкового пути, Банк развития Китая [1].

В рамках «Одного пояса и одного пути» в 2017 г. был учрежден Российско-Китайский инвестиционный фонд регионального развития с капиталом в 100 млрд юаней с целью финансировать проекты на территории РФ. Основными инвесторами фонда являются крупнейшие компании КНР. Приоритетные сферы инвестирования — ядерная энергетика и медицина, а также добыча полезных ископаемых, металлов, сырья, инфраструктура и логистика [12].

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что китайская инициатива «Один пояс и один путь» не предполагает жестких институциональных рамок, направлена на развитие экономического, торгового и инвестиционного сотрудничества стран-членов проекта, а также создание транспортных путей из Китая в Европу, что позволит КНР сократить время поставок и увеличить товарооборот с Европой.

Несмотря на то что реализация инициативы началась недавно, можно уже наблюдать некоторые результаты. Между большинством стран — участников проекта были заключены двусторонние меморандумы о взаимопонимании с Китаем, не исключением является Россия. В меморандуме выражается поддержка китайской инициативы и готовность к сотрудничеству.

Россия и Китай интенсивно взаимодействуют в инвестиционной сфере. Одним из ключевых событий является сопряжение ЕАЭС и «Одного пояса и одного пути», что в долгосрочной перспективе предполагает наращивание инвестиций и создание ЗСТ. Тем не менее инвестиционный климат ЕАЭС является одним из препятствий к кооперации.

Также был создан такой механизм, как Российско-Китайский инвестиционный фонд регионального развития для финансирования проектов на территории РФ. Одной из приоритетных сфер капиталовложения являются ядерная энергетика и медицина, из чего может следовать, что Китай рассматривает «Один пояс и один путь» как проект, сфера деятельности которого будет охватывать не только транспорт и логистику. Это означает, что Россия также может продвигать наиболее интересные, с ее точки зрения, области сотрудничества с целью диверсификации экономики.

Российско-китайские инвестиционные проекты в «Одном поясе и одном пути» включают создание международного транспортного коридора Европа–Западный Китай, российскую часть которого намерены профинансировать китайские компании. В связи с этим возникает вопрос об условиях инвестирования и выгоде для российской стороны. Он является немаловажным, поскольку Китай может создать более благоприятные для себя обстоятельства, например, как при заключении российско-китайской газовой сделки [14].

В целом основные инвестиционные проекты будут реализовываться в сфере инфраструктуры, добывающей и перерабатывающей отраслей. Для России инициатива открывает возможность получения финансовых вложений в развитие

транспортной сети на ее территории, что может увеличить российско-китайский товарооборот. Также в рамках «Одного пояса и одного пути» стороны активно работают над снижением инвестиционных барьеров и формированием благоприятной среды для инвестиций.

Китайский проект «Один пояс и один путь» находится только на начальной стадии своего осуществления. Тем не менее сотрудничество России и Китая в нем способствует укреплению российско-китайского стратегического партнерства, создает условия для развития инвестиционной кооперации.

1. Великий Шелковый путь. Дорога, которая соединит Китай и Запад [Электронный ресурс] // Коммерсант.ru. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2801505> (дата обращения: 20.02.2018).

2. Документы, подписанные в ходе 19-й регулярной встречи глав правительств России и Китая [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/news/15201/> (дата обращения: 20.02.2018).

3. *Лузянин С. Г.* «Один пояс, один путь»: Российская проекция и проблемы сопряжения // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М., 2017. № 22. С. 27–36.

4. Межправительственная российско-китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/investcoop/ruschin/> (дата обращения: 20.02.2018).

5. Много ли Китай инвестирует в Россию? [Электронный ресурс] // Валдай. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/mnogo-li-kitay-investiruet-v-rossiyu/> (дата обращения: 20.02.2018).

6. «Новатэк» продал 9,9% в «Ямал СПГ» китайскому Фонду Шелкового пути [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/03/15/633666-novatek-yamal> (дата обращения: 22.02.2018).

7. О российско-китайских отношениях стратегического партнерства [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/strategiceskoe-partnerstvo-s-kitaem> (дата обращения: 20.02.2018).

8. Объем прямых инвестиций Китая в российскую экономику вырастет в 7 раз к 2020 году [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://economy.gov.ru/minec/press/news/2014051617> (дата обращения: 20.02.2018).

9. «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml> (дата обращения: 20.02.2018).

10. Российский Фонд прямых инвестиций и Китайская инвестиционная корпорация создали Российско-китайский инвестиционный фонд [Электронный ресурс] // Российский фонд прямых инвестиций. URL: <https://rdif.ru/fullNews/136/> (дата обращения: 20.02.2018).

11. Российско-китайский диалог: модель 2017 / С. Г. Лузянин, Х. Чжао и др. М., 2017. 167 с.

12. Российско-Китайский инвестиционный фонд регионального развития [Электронный ресурс] // Российско-Китайский инвестиционный фонд регионального развития. URL: <http://ifrd.ru/ru/> (дата обращения: 20.02.2018).

13. Россия и Китай запустили диалог по инновациям [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depino/ru-cn-innovations-dialogue> (дата обращения: 20.02.2018).

14. Россия и Китай подписали контракт на поставку газа [Электронный ресурс] // BBC Русская служба. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2014/05/140521_russia_china_gas_contract (дата обращения: 24.02.2018).

15. Россия и Китай усиливают сотрудничество в рамках международных организаций и объединений [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://economy.gov.ru/mines/press/news/2016250606> (дата обращения: 20.02.2018).

16. Россия поможет китайским инвесторам перевести доллары в активы [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/05/2014/57041ce19a794761c0ce9e78> (дата обращения: 20.02.2018).

17. «Сибур» подтвердил продажу 10 % Фонду «Шелкового пути» [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2016/12/14/669580-sibur-shelkovogo-puti> (дата обращения: 22.02.2018).

18. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 20.02.2018).

19. Уянаев С. В. Инициатива КНР «Один пояс, один путь»: эволюция, документы, взгляд из России // Новый Шелковый путь и его значение для России. М., 2016. С. 11–37.

20. Шелковый путь в никуда [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/05/15/689763-shelkovii-put> (дата обращения: 20.02.2018).

21. How Putin Plans to Cash In on The One Belt One Road Initiative [Electronic resource] // CARNEGIE MOSCOW CENTER. URL: <http://carnegie.ru/2017/05/16/how-putin-plans-to-cash-in-on-one-belt-one-road-initiative-pub-69998> (accessed: 20.02.2018).

22. «One Belt and One Road»: Connecting China and the world [Electronic resource] // McKinsey&Company. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/capital-projects-and-infrastructure/our-insights/one-belt-and-one-road-connecting-china-and-the-world> (accessed: 23.02.2018).

23. «One Belt and One Road», Far-reaching Initiative [Electronic resource] // China-US Focus. URL: <https://www.chinausfocus.com/finance-economy/one-belt-and-one-road-far-reaching-initiative> (accessed: 24.02.2018).

Рукопись поступила в редакцию 16 апреля 2018 г.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ СТРАН ЕАЭС ПРИ ФОРМИРОВАНИИ БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА*

Статья посвящена исследованию экономического потенциала населения регионов стран ЕАЭС в контексте формирования Большого евразийского партнерства. На основе анализа ключевых статистических показателей были выделены регионы с наибольшим и наименьшим экономическим потенциалом населения, где в последней категории выделены проблемы и дана оценка перспективам развития регионов. В частности, доля трудовых ресурсов, занятых в сельскохозяйственном секторе, в них достаточно велика. В то же время для предприятий аграрных регионов характерны устаревшие технологии и слабо развитая инфраструктура. Однако такие регионы ЕАЭС, как правило, обладают большим количеством природных и минерально-сырьевых ресурсов, которые население регионов может использовать для получения конкурентного преимущества при развитии туризма и промышленности.

Ключевые слова: Большое евразийское партнерство, регионы ЕАЭС, экономический потенциал населения.

В 2016 г. была озвучена идея создания Большого евразийского партнерства во главе с Евразийским экономическим союзом в партнерстве с Китаем, Индией и другими странами, что может в перспективе являться основным вектором развития торгово-экономических отношений с участием Российской Федерации.

Интеграционные процессы в евразийском пространстве существовали давно. Первыми своеобразными предпосылками интеграционных процессов можно назвать взаимодействие республик в рамках СССР. Разделение труда и кооперация позволяли им эффективно взаимодействовать друг с другом. С точки зрения структуры производства наиболее экономически развитыми республиками были прибалтийские республики, Белоруссия, Украина и Россия, наименее развитыми — республики Средней Азии, такие как Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан и Туркменистан. Такая экономическая диспропорция сохранилась и после распада Советского Союза. Исключением в регионе Средней Азии является Казахстан, который в настоящее время по некоторым экономическим параметрам опережает Россию, в частности, он имеет более высокий ВВП на душу населения, темп роста ВВП и более низкий уровень безработицы.

Главной особенностью интеграционных процессов в рамках СНГ, ЕврАзЭС и ЕАЭС является явное доминирование Российской Федерации по ряду показателей, в том числе по количеству населения, площади территории, долям экспорта и импорта, привлечению прямых зарубежных инвестиций, трудовых ресурсов и т. д. Во взаимной торговле стран-участниц ЕАЭС основная масса расчетов

* Статья подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики УрО РАН, тема № 0404-2015-0021 в ИСГЗ ФАНО.

производится в российских рублях. К примеру, на их долю в 2016 г. приходилось 64,2 % платежей, на валюты других членов Союза — 1,1 % [3]. Это обеспечивает сильные позиции Российской Федерации в интеграционном объединении.

На постсоветском пространстве интеграция с Россией дает определенные преимущества для постсоциалистических стран, в том числе возможность получить кредит на льготных условиях и преференции в торговле. Интеграция на постсоветском пространстве позволяет России сохранить сферу политических интересов и оказывать влияние на соседние регионы.

Евразийский экономический союз безусловно может являться ключевым ядром Большого евразийского партнерства по многим причинам. Во-первых, ЕАЭС занимает обширную площадь с высокой численностью населения — 180,1 млн человек за 2015 г. при среднем росте населения по странам-членам 0,38 % [1, 14]. Территория интеграционного объединения имеет протяженную границу с крупнейшими экономиками мира — странами ЕС и Китаем. Кроме того, ЕАЭС богат разнообразными природными ресурсами: обладает 1/5 всех мировых запасов природного газа, экспорт которого из ЕАЭС составляет более половины его мирового экспорта; имеет 1/5 всех мировых запасов угля, добыча которого в ЕАЭС составляет 4,9 % его мировой добычи. Также ЕАЭС владеет 7,8 % и добывает 14,2 % мировых запасов нефти [9].

Что касается возможностей ЕАЭС, то, во-первых, данное объединение может быть привлекательным для инвестирования, так как страны, входящие в него, как уже отмечалось ранее, обладают большим количеством природных ресурсов, а также имеют большой потребительский рынок. Во-вторых, интеграция способствует увеличению взаимной торговли, в частности, на данный момент утверждены совместные планы по формированию общих рынков электроэнергии, нефти, нефтепродуктов и газа к 2025 г. [7]. В-третьих, интеграция благоприятствует появлению новых рабочих мест и увеличению числа квалифицированных сотрудников [2]. И наконец, происходит усиление международной позиции стран-участниц при принятии экономических и политических решений.

По данным 2015 г., ЕАЭС имеет уровень «выше среднего» по глобальному индексу инноваций, индексу глобализации и индексу процветания; по данным 2014 г. — по индексу человеческого развития и индикатору эффективности государственного управления. Однако ЕАЭС находится на позиции «ниже среднего» по восприятию коррупции и контролю над ней, эффективности логистики и качеству регулирования [6].

Для исследования экономического потенциала населения регионов стран Евразийского экономического союза были использованы следующие показатели: валовой региональный продукт на душу населения, доля безработицы, среднемесячная заработная плата работников и инвестиции в основной капитал. Данные показатели рассматриваются по всем регионам Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана и России. Статистическая информация по регионам Армении в ходе исследования не была обнаружена.

За 2014 г. средний валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения по рассматриваемым странам составил 8574,87 долл. США. Интересно, что

только в 36 из 114 регионов четырех стран данный показатель превышает среднее значение [10–13]. В это число попали 27 регионов России, 8 регионов Казахстана и город Минск Республики Беларусь. Возглавляют рейтинг Сахалинская и Тюменская области России и Атырауская область Казахстана. В десять стран с наиболее высоким показателем ВРП на душу населения вошли 6 российских и 4 казахстанских региона; 6 из 7 региональных субъектов Белоруссии и все 9 региональных субъектов Кыргызстана имеют валовой региональный продукт на душу населения ниже среднего показателя, причем 7 регионов Киргизии замыкают рейтинг. Рейтинг российских регионов замыкают 4 республики Северокавказского федерального округа и новые российские территории — Крым и Севастополь.

В Казахстане и России разница между регионами сильно ощутима. В Казахстане ВРП на душу населения в Южно-Казахстанской области почти в 9 раз ниже, чем в Атырауской области. В Российской Федерации ВРП на душу населения в г. Севастополе в 24 раза ниже, чем в Сахалинской области. В Белоруссии и Кыргызстане неравенство в показателях по регионам менее ощутимо, однако средние значения ниже, чем в Казахстане и России, причем значительно ниже в Кыргызстане.

Если рассматривать статистические данные по Европейскому союзу, то можно прийти к выводу, что здесь половина всех бюджетных средств поддержки приходится на регионы с валовым региональным продуктом ниже 75 % от среднего значения по интеграционному объединению. В Евразийском экономическом союзе 51 регион объединения имеют ВРП на душу ниже 75 % от среднего значения, это почти 45 % всех регионов. В данную категорию попадают все регионы Кыргызстана.

Доля безработицы показывает процент населения трудоспособного возраста, не имеющего работу. За 2014 год уровень безработицы по регионам России варьируется от 1,4 % в Санкт-Петербурге до 29,8 % в Республике Ингушетия; 29 регионов имеют уровень безработицы ниже 5 %, 7 регионов — выше 10 % [10]. Разница в уровне безработицы в регионах Казахстана незначительная — от 4,7 % в Астане до 5,3 % в г. Алматы [11]. За 2014 г. уровень безработицы в Кыргызстане колеблется от 3,9 % в Таласской области до 12,6 % в Баткенской [13].

Среднемесячная заработная плата показывает уровень доходов населения региона. Высокая среднемесячная заработная плата говорит о привлекательности данного региона для миграции квалифицированной рабочей силы с высоким уровнем человеческого капитала. Это оказывает положительное влияние на производительность и, следовательно, на реальную заработную плату других работников, что в целом приводит к росту благосостояния во всем регионе [15, 100]. За 2014 г. средняя заработная плата в России составила от 1983,44 долл. в Чукотском автономном округе до 504,52 долл. в Республике Калмыкия. В 11 регионах средняя заработная плата превысила 1000 долл. [10]. В Республике Беларусь средняя заработная плата от 868,53 долл. в Минске до 563,55 в Брестской области; 5 из 7 регионов имеют среднюю заработную плату ниже 600 долл. [12]. В Казахстане средняя заработная плата в регионах варьируется

от 1002,54 долл. в Мангистауской области до 365,59 долл. в Северо-Казахстанской области [11]. Наименьшая заработная плата в регионах Кыргызстана: от 340,17 до 161,08 долл. [13].

Инвестиции в основной капитал показывают, насколько привлекателен регион для инвесторов, что также может говорить об экономическом потенциале населения. Показатели по регионам России очень неравномерны. Абсолютные лидеры — Тюменская область и Москва: 45 191,15 и 40 132,34 млн долл. соответственно. Меньше всего инвестиций в основной капитал поступают в Еврейскую АО и Чукотский АО: 267,78 и 218,28 млн долл. [10]. В Белоруссии показатель составляет от 4282,73 до 1728,04; в Казахстане — от 5094,61 до 527,41 [11, 12]. Заметно ниже показатели в Кыргызстане — от 527,84 до 21,84 млн долл. [13].

Сначала рассматриваются полученные результаты по регионам России. По всем четырем показателям наилучшие значения в Москве, Санкт-Петербурге и Московской области. Автором были выделены регионы с наихудшими показателями: Республика Адыгея, Республика Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Калмыкия и Карачаево-Черкесская Республика. Необходимо обратить внимание и на Чеченскую Республику. Этот регион с долей безработицы 21,5 % входил в тройку регионов с самым низким ВРП на душу населения среди российских регионов. По показателям заработной платы и инвестициям регион занимает 58-е и 56-е место из 80 соответственно.

Теперь рассмотрим показатели по Республике Беларусь. Стоит отметить, что региональное неравенство в этой стране ниже, чем в России, — экономические показатели несущественно отличаются друг от друга. Уровень безработицы по регионам гораздо ниже, чем в России, тем не менее по другим показателям республика ей уступает, например, по инвестиционным потокам — в 1,5 раза. Но, несмотря на несущественную разницу в показателях между регионами, здесь все-таки можно выделить лидирующие и отстающие регионы. Самые лучшие показатели — по Минску и Минской области, наихудшие — по Могилевской и Витебской областям, именно эти регионы обладают наименьшим экономическим потенциалом населения в стране.

Далее рассмотрим показатели по Казахстану. Уровень безработицы примерно одинаковый по всем регионам, но показатели «средняя заработная плата» и «инвестиции в основной капитал» достаточно варьированы. Определены безусловные лидеры по Казахстану — город Астана, Атырауская область и Мангистауская область, а также регионы с наиболее низкими показателями — Костанайская область, Акмолинская область, Жамбылская область, Северо-Казахстанская область и Южно-Казахстанская область.

Показатели по регионам Кыргызстана различаются, особенно по инвестиционным потокам. Наиболее благоприятные регионы — Джалал-Абадская область, город Бишкек и Иссык-Кульская область, наименее благоприятные регионы — Баткенская область, Таласская область (но имеет самый низкий уровень безработицы среди всех регионов) и Ошская область.

Результаты исследования по регионам Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана и Российской Федерации обобщены в таблице.

Регионы стран–участниц ЕАЭС на 2014 г., обладающие наибольшим и наименьшим экономическим потенциалом населения [10–13]

Страна	Регионы, обладающие наибольшим экономическим потенциалом населения	Регионы, обладающие наименьшим экономическим потенциалом населения
Белоруссия	Минск, Минская область	Витебская область, Могилевская область
Казахстан	Астана, Атырауская область, Мангистауская область	Акмолинская область, Жамбылская область, Костанайская область, Северо-Казахстанская область, Южно-Казахстанская область
Кыргызстан	Бишкек, Джалал-Абадская область, Иссык-Кульская область	Баткенская область, Ошская область, Таласская область
Россия	Москва, Московская область, Санкт-Петербург	Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Республика Северная Осетия-Алания

По регионам России автором также представлен коэффициент Джини. За 2015 г. только в пяти российских регионах показатель был ниже 35 %: г. Севастополь, Республика Крым, Республика Карелия, Тверская и Псковская области. В данных регионах разница доходов достаточно низкая. В 17 российских регионах показатель превышает 40 % [10]. Более высокий коэффициент – в наиболее развитых регионах: Тюменской области, Москве, Пермском крае, Республике Татарстан и Санкт-Петербурге.

Далее представлены перспективы и проблемы развития экономического потенциала населения Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана и России.

В Республике Беларусь регионами, обладающими наименьшим экономическим потенциалом населения, автором были названы Витебская и Могилевская области. Это небольшие по площади регионы. Витебская область не богата минерально-сырьевыми ресурсами, исключая торф и сырье для производства строительных материалов. В сельском хозяйстве специализируются преимущественно на выращивании льна и молочно-мясном скотоводстве. Витебская область характеризуется самым высоким показателем снижения численности населения среди регионов страны. Отмечается преимущество региона в нефтепереработке. В Могилевской области неблагоприятная экологическая ситуация вызвана последствиями аварии на Чернобыльской АЭС. Данная ситуация негативно повлияла главным образом на развитие сельского хозяйства. Преимущество – химическая промышленность. Более того, в Витебской и Могилевской областях в 2015 г. самые большие доли населения старше трудоспособного возраста в республике (27 и 25,4 % соответственно) [12].

В Республике Казахстан регионами, обладающими наименьшим экономическим потенциалом населения, являются Акмолинская область, Жамбылская

область, Костанайская область, Северо-Казахстанская область, Южно-Казахстанская область. Все эти регионы, за исключением Южно-Казахстанской области, имеют достаточно низкий удельный вес в ВВП страны (ниже 4 %), низкую долю занятого населения с высшим образованием, обладают также низким уровнем человеческого развития [11]. Перечисленные регионы преимущественно сельскохозяйственные, имеют невысокую долю занятости в секторе промышленности. В Акмолинской области климат достаточно засушливый (так же как и в Жамбылской области), но при этом регион обладает такими природными ресурсами, как золото, серебро, уран, молибден. Промышленность в основном представлена горнодобывающей отраслью. Регион имеет возможности для развития туризма. Костанайская область обладает наибольшим среди отстающих регионов Казахстана экономическим потенциалом, в ней развита обрабатывающая и горнодобывающая промышленность, прежде всего связанная с железной рудой и производством продуктов питания.

В Республике Кыргызстан наименее развитыми регионами являются Баткенская область, Ошская область и Таласская область. Сельское хозяйство является основным сектором экономики Баткенской области, но при этом сельскохозяйственная техника сильно изношена. Ошская область является аграрно-сырьевым регионом, хотя здесь есть возможность развивать промышленность; обладает различными природными ресурсами — ртутью, сурьмой, углем и т. д. В Таласской области наиболее высокий уровень бедности, но при этом в регионе существуют достаточно благоприятные природные условия, а также предпосылки для развития цветной металлургии.

В Российской Федерации регионами, обладающими наименьшим экономическим потенциалом населения, автором были признаны три региона Северо-Кавказского федерального округа — Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, а также близлежащие регионы округа — Республика Адыгея и Республика Калмыкия. Экономика регионов является наименее конкурентоспособной на территории страны и обладает низкой эффективностью использования природных ресурсов и собственного сырья, так как добыча ресурсов в горах затруднена. Данные регионы являются высокодотационными. Например, в 2008–2012 гг. в Карачаево-Черкесской Республике федеральные трансферты занимали около 70 % бюджета [5, 12]. Развитие туристического сектора ограничивается отсутствием качественной инфраструктуры и низким уровнем сервиса [Там же, 13]. Некоторые из перечисленных регионов относятся к регионам с высокой демографической нагрузкой. Например, в Республике Адыгея население старше трудоспособного населения составляет 29,9 %, что в 1,1 раза выше, чем по Северо-Кавказскому округу [8, 1]. Данные регионы характеризуются высокой долей сельского населения. В Южном федеральном округе и Северо-Кавказском федеральном округе проживает 27 % сельского населения России [4, 12].

Рассмотренные регионы Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана и России с низкими статистическими показателями обладают общими перспективами и проблемами развития экономического потенциала населения. Во-первых, доля

сельскохозяйственного сектора в данных регионах достаточно велика (особенно в Кыргызстане). Во-вторых, состав населения характеризуется высокой долей сельского населения и высокой долей населения старше трудоспособного возраста. Эти регионы также характеризуются слаборазвитой транспортной инфраструктурой, устаревшими технологиями, изношенным оборудованием; климат засушливый. Однако эти регионы обладают большим количеством природных и минерально-сырьевых ресурсов, что можно использовать как конкурентное преимущество при развитии промышленности и туризма и что может в дальнейшем привести к росту экономического потенциала населения регионов. Таким образом, существующие диспропорции в экономических показателях регионов Евразийского экономического союза имеют тенденции к сокращению, что является весомым благоприятным фактором для расширения интеграции в рамках Большого евразийского партнерства.

1. Всемирный банк [Электронный ресурс]. URL: www.databank.worldbank.org (дата обращения: 16.02.2018).

2. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29.05.2014) [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 05.02.2018).

3. Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 07.02.2018).

4. *Зубаревич Н. В.* Развитие сельских территорий России, социальные и гендерные проблемы // *Международ. с.-х. журн.* 2017. № 2. С. 12–14.

5. *Кочетов В. С.* Карачаево-Черкесская Республика. Устойчивое развитие: опыт, проблемы, перспективы. М., 2013.

6. Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года: сб. С. 45 [Электронный ресурс]. URL: www.eurasiancommission.org (дата обращения: 10.02.2018).

7. Распоряжение «О состоянии взаимной торговли между государствами–членами Евразийского экономического союза в 2015–2016 годах» от 07.03.2017 [Электронный ресурс]. URL: www.docs.cntd.ru (дата обращения: 08.02.2018).

8. *Реунова Л. В.* Социальное развитие Республики Адыгея // *Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы.* 2011. № 4. С. 1–6.

9. *Саркисян Т. С.* Создание общих рынков энергетических ресурсов в ЕАЭС: этапы и содержание // *Изв. Санкт-Петербург. гос. ун-та.* 2017. № 1-1(103). С. 65–69.

10. Статистическая база данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 10.02.2018).

11. Статистический сборник «Регионы Казахстана в 2015 году» [Электронный ресурс]. URL: www.stat.gov.kz (дата обращения: 10.02.2018).

12. Статистический сборник «Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели-2016. Т. 1» [Электронный ресурс]. URL: www.belstat.gov.by (дата обращения: 10.02.2018).

13. Статистический сборник «Статистический ежегодник Кыргызской Республики 2010–2014» [Электронный ресурс]. URL: www.stat.kg (дата обращения: 10.02.2018).

14. Human Development Report 2016 [Electronic resource]. URL: www.hdr.undp.org (accessed: 16.02.2018).

15. *Melitz M.* The Impact of Trade on Intra-industry Reallocations and Aggregate Industry Productivity // *Econometrics.* 2003. Vol. 71, № 6. P. 1695–1725.

Рукопись поступила в редакцию 16 апреля 2018 г.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Французская энергетическая политика на Каспии российскими экспертами изучается с позиции существования определенных трудностей и препятствий для деятельности в регионе французских энергетических компаний, таких как «Тоталь» и «Газ де Франс». Взаимоотношения между Францией и странами Каспия в сфере энергетики не стали объектом пристального изучения среди научного сообщества. В данной статье делается попытка рассмотреть жизненно важные экономические интересы Франции в Каспийском регионе. Значение Каспийского региона в политике Парижа увеличивается в геометрической прогрессии. Франция занимает здесь первые позиции, вытесняя в каспийских странах даже американских и британских нефтегазовых гигантов — «Бритиш Газ», «Эксон Мобил». К 2020 г. акцент энергетической политики Франции постепенно сдвигается к двум странам региона — Ирану и Туркменистану, что может стать угрозой экспорту российского газа, вследствие чего Каспий может превратиться в арену для вооруженных конфликтов в битве за контроль над каспийскими ресурсами.

К л ю ч е в ы е с л о в а: энергетика, политика, Каспийский регион, «Тоталь», углеводороды.

Каспийский регион — пространство, где развернулась «большая игра» между внерегиональными и региональными субъектами мировой политики, такими как Китай, Россия, США, Европейский союз, Индия, Иран, Турция. Главной целью геополитической борьбы является контроль над энергетическими ресурсами моря. Министр финансов Франции Тьерри Бретон 25 июля 2006 г. заявил, что мир втянут в подобие энергетической войны из-за резко выросших за последние два года цен на нефть. «Мы практически находимся в состоянии энергетической войны. Цена барреля бензина увеличилась втрое», — заявил Бретон в интервью радиостанции Еurore 1. Данное заявление министра финансов Франции подчеркивает обеспокоенность французской политической и бизнес-элиты ростом конкуренции за обладание углеводородными энергоресурсами.

Часто мирная конкурентная борьба за контроль над нефтью и природным газом переходит в стадию военных столкновений и конфликтов. Так, контроль над каспийскими ресурсами вылился в вооруженный конфликт между Южной Осетией, Россией, Грузией, активно поддерживаемой ЕС и США в 2008 г. Франция не обладает собственными запасами традиционных углеводородных ресурсов и уступает Великобритании, Норвегии, Голландии, Германии как в плане наличия природных ресурсов, так и в плане эффективной энергетической политики в странах-производителях нефти и газа. Французская политическая элита в поисках источников углеводородов действует в консорциуме европейских стран в рамках единой энергетической стратегии. Во втором десятилетии XXI в. Франция согласовывает свою энергетическую политику с единой стратегией ЕС в сфере энергетики, которая была сформирована в 1990–2000-х гг., когда были

приняты внутренние директивы в 1996, 2003, 2009 гг. по газу, электроэнергии. При этом на воплощение в жизнь энергетической стратегии ЕС влияют целевые установки Зеленой книги под названием «Европейская стратегия для устойчивой, конкурентной и надежной энергетики», принятой Европейской комиссией в марте 2006 г.

Единая энергетическая стратегия стран ЕС в столкновении за углеводороды уделяет важную роль Каспийскому региону как одному из источников по диверсификации импорта энергоресурсов для снижения уровня зависимости европейского энергетического рынка от поставок российского и норвежского природного газа, который поступает в 20 из 27 стран Европейского союза. В Каспийском регионе Франция выступает в качестве субъекта энергетической политики, который стремится защитить национальные государственные интересы — обеспечение и диверсификацию поставок стратегических ресурсов, а также реализовать одновременно единую энергетическую политику ЕС — создание единого европейского энергетического рынка и выступление единым фронтом при заключении контрактов о добыче, производстве и доставке углеводородов со странами-экспортерами.

Российский природный газ на французском рынке занимает до 20 % внутреннего потребления; по оценкам экспертов, к 2020 г. его потребление может дойти до 30–40 % [4]. Снижая зависимость от природного газа из России, Франция постепенно переходит к использованию сжиженного природного газа, дорогого по себестоимости, но с высоким коэффициентом теплоотдачи. В целом рынок сжиженного природного газа в ЕС с первой половины 2000-х гг. начинает развиваться очень быстрыми темпами и становится альтернативой нефти как углеводородному источнику. Лидерами по потреблению в ЕС сжиженного природного газа являются Испания, Португалия и Италия. Во Франции рынок сжиженного природного газа (СПГ) только начинает развиваться. Причиной этому является развитие атомной энергетики в стране, которая производит более 76 % электроэнергии. Развитие атомной энергетики, отсутствие крупных газовых месторождений во Франции не ставили вопрос о широком применении СПГ для внутренних потребностей страны, поэтому до 2010 г. во Франции был построен только один терминал по перекачке СПГ для промышленных предприятий. Испания, Португалия, Италия в своих потребностях в производстве электроэнергии зависят на 92 % от внешних поставок, где главную роль играет экспорт СПГ из США, Алжира, Катара.

Из двух экономически сильных государств ЕС — Германии и Франции — наименее зависимой от поставок российского газа и нефти является Франция. Германия обладает запасами бурого угля, который используется в промышленности и домашних хозяйствах. Но использование его приводит к большому количеству выбросов углекислого газа в атмосферу при сжигании. Переход на менее загрязняющий вид топлива, природный газ, ставит Германию в положение зависимого от российского экспорта газа. В 2015 г. Газпром поставил во Францию 9,7 млрд куб. м газа, в Германию экспорт газа составил 45,3 млрд куб. м. В рамках ЕС зависимость от экспорта российской нефти и природного газа еще выше: восемь лет назад, в 2010 г., поставки нефти из России составляли 32,9 %, а природного

газа — 40,4 %. К 2020 г. уровень зависимости Франции и Германии от экспорта российского газа, по оценкам экспертов Российского совета по международным делам (РСМД), достигнет 50 %, в странах Восточной Европы — 70 % [2]. Такое соотношение поставок энергоресурсов противоречит единой европейской энергетической политике ЕС, согласно которой импорт энергоресурсов не должен превышать более трети всех поставок от одной страны-производителя. Энергетические конфликты, «трубопроводные» и «газовые войны» России с Украиной, Беларуссией и Туркменистаном с 2003 по 2010 г. укрепили европейских лидеров в мысли о том, что Россия будет использовать экспорт своего природного газа в качестве политического инструмента влияния и давления на страны бывшего советского блока и ЕС.

Разнообразие производства электроэнергии во Франции делает ее независимым субъектом в мировой энергетической политике и позволяет поддерживать санкции против России. Французские власти учитывают, что французский энергетический рынок очень важен для российского экспорта природного газа. Даже под давлением санкций Россия не откажется от поставок в страну природного газа.

Франция занимает первое место в мире по производству электроэнергии с использованием мирного атома. Даже катастрофа Фукусимы-1 в 2011 г. не заставила ее отказаться от использования атомной энергии, которая, по мнению французского правительства, позволяет реализовать один из главных приоритетов энергетической политики ЕС — сокращение выбросов углекислых парниковых газов в атмосферу. Но к 2050 г., несмотря на преимущество атомной энергетики, Франция намерена сократить ее использование в производстве электроэнергии согласно общим законодательным нормативам и энергетическим директивам ЕС. В рамках ЕС сокращение использования атомной энергии планируется с 15 до 6 % к 2050 г. Какой вид источника энергии будет наиболее актуален для французской экономики к рубежу 2020 г.? Им станет дешевый российский природный газ, в экспорте которого будет присутствовать и сжиженный природный газ, производимый по французским технологиям на заводе «Ямал — СПГ».

Согласно прогнозу Международного энергетического агентства и Академии наук Франции роль традиционных источников энергии не будет снижаться до 2050 г. Это рубеж, когда до 29 % должна увеличиться доля использования возобновляемых источников энергии — солнечной, ветровой, а также биологического топлива на основе биоэтанола. Европейские эксперты прогнозируют рост потребления традиционных энергоресурсов к 2030 г. на 35–40 % в странах ЕС, во Франции рост потребления нефти и в особенности природного газа может вырасти до 50–70 % уже к 2030 г. Поэтому сегодня Франция не делает определенных акцентов только на одном виде топлива, она использует как традиционные (уголь, нефть, природный газ, атомная энергия), так и нетрадиционные (сжиженный природный газ, солнечная, ветровая энергия, биотопливо) источники энергии.

Прогнозируемое увеличение потребления природного газа во Франции к 2020 г. примерно на 30–40 % становится стимулом поиска энергетического диалога со странами Каспийского региона, нуждающимися в новых рынках

потребления энергоресурсов. И в Каспийском регионе Францию, как внерегионального субъекта энергетической политики, следует рассматривать с нескольких позиций:

1) как активного сторонника Европейской энергетической хартии, продвигающего европейские законы, касающиеся энергетики, за территориальные границы ЕС с целью объединения стран производителей, транзитеров и потребителей. Формирование единого евразийского энергетического рынка — главная цель Европейской комиссии;

2) как главный инструмент обеспечения коллективных интересов стран ЕС в сфере энергетики по обеспечению стабильных и долгосрочных поставок нефти и природного газа. Франция поставляет с помощью своих энергетических компаний энергоресурсы в страны Восточной Европы;

3) как активного проводника реализации единой энергетической стратегии ЕС по созданию единого энергетического рынка Европы, соблюдения соглашений Киотского протокола 1997 г.;

4) как члена ЕС, поставившего в основу своей энергетической политики охрану окружающей среды, снижение выбросов парниковых газов в атмосферу, переход от использования мазута, дизельного топлива к экологически чистым возобновляемым источникам энергии;

5) как экономического партнера стран Каспийского региона, инвестирующего в разведку, разработку и добычу ресурсов. В странах Каспийского региона французские энергетические компании используют технологии для производства солнечной энергии, добычи урана с использованием инновационных технологий.

К 2018 г. страны Каспийского региона в энергетическом балансе Франции занимают третье место после Ближнего Востока и Африканского континента. Значительную долю в импорте газа и нефти для «каспийской четверки» (Азербайджан, Туркменистан, Казахстан, Иран) занимает по-прежнему Франция. На Каспии находятся ресурсы, принадлежащие Азербайджану, Казахстану, Туркменистану и Ирану. Франция стремится противопоставить «каспийскую четверку» экспорту российского природного газа. Одновременно выход к Каспию и каспийским месторождениям позволит французским энергетическим компаниям проникнуть в страны Центральной Азии — Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан.

Каспийский регион с момента появления здесь французских энергетических компаний имеет ряд особенностей, которые рассматриваются во французской энергетической дипломатии в качестве определенных трудностей и препятствий для закрепления своих интересов в регионе. Во-первых, Каспий — это наиболее малоисследованное на наличие углеводородных ресурсов море. Активное освоение Каспия началось в 1990-х гг., наиболее разрабатываемым тогда был только азербайджанский сектор Каспия. В 1970-х гг. были открыты нефтеносная структура «Азери–Чераг–Гюнешли» и нефтяное месторождение «Тенгиз» [1]. Малоисследованными на сегодня являются иранский и туркменский сектора Каспийского моря. Во-вторых, с точки зрения транспортировки природных ресурсов в Европу Каспий — это достаточно труднодоступный регион, не имеющий выхода к открытому морю, закрытый с запада и юга высокими системами Кавказа и Иранского

нагорья, что затрудняет строительство трубопроводных систем. Экспорт нефти и природного газа из Африки или Ближнего Востока морским путем наиболее экономичен, безопасен, не предполагает строительства трубопроводов, необходимость в которых позднее может отпасть. Доставка природного газа из Туркменистана или Казахстана будет дорогой по своей стоимости. Строительство газопровода «Набукко», например, оценивается в 10 млрд долл. В-третьих, правовой статус Каспия, его определение в качестве внутреннего озера или моря не позволяет заключать соглашения между странами о строительстве трубопроводных систем по дну водоема, определить прибрежную зону государств. В-четвертых, наличие длительных вооруженных конфликтов на юге Кавказа (Нагорный Карабах, грузино-осетинский конфликт) может угрожать безопасности транспортировки углеводородов по нефте- и газопроводам Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД), Баку–Тбилиси–Эрзурум (БТЭ), будущему функционированию Транскаспийского газопровода. В-пятых, в странах Каспийского региона сильны позиции азиатских энергетических компаний, главным образом китайских, — CNPC, Sinopet в Туркменистане и Казахстане. Национальные компании каспийских стран также претендуют на доминирующее положение в нефтегазовых проектах.

За более чем четверть века присутствия французских нефтегазовых компаний энергетическая политика Франции менялась несколько раз в зависимости от политической ситуации, а затем и от экономической конъюнктуры. На Каспии энергетическая политика Франции связана с нефтегазовой компанией «Тоталь», которая после объединения с «Компани Франсез де Петроль» в 1986 г. стала отражать национальные интересы страны. В 1990-х гг. и до 2000 г. на Каспии «Тоталь» преследовала общегосударственные интересы, заключающиеся в стремлении диверсифицировать источники поставок углеводородов, избегая угроз энергетической безопасности, и обеспечить французскую промышленную индустрию энергоресурсами.

По словам З. Бжезинского, «пробкой от сосуда с каспийскими энергоресурсами» для Франции стал Азербайджан, первая каспийская страна, сотрудничество с которой началось в 1996 г. с освоения месторождения «Шах-Дениз» в составе консорциума иностранных компаний. Позднее активы «Тоталь»полнились на 10 % акций в «Южно-Кавказском трубопроводном консорциуме», на 5 % — в нефтепроводном консорциуме «БТД». В 2016 г. «Тоталь» подписала с азербайджанской «Socar» рамочное соглашение о разработке газового месторождения «Абшерон», открытого в 2011 г.

Азербайджанские власти из всех европейских компаний выбирают «Тоталь» как надежного партнера. В интервью с директором бакинского центра нефтяных исследований Caspian Barrel Ильхамом Шабаном подчеркивается, что «Тоталь» — наиболее предпочтительная компания на Каспии из всех западных нефтегазовых ТНК: «Если сравнивать работающие долгое время в Азербайджане компании “БП” и “Тоталь”, то “Тоталь” более квалифицирована в технологиях добычи газа, чем нефть. Появление в азербайджанском секторе такой технологической компании, как “Тоталь”, усиливает конкуренцию между компаниями и гарантирует надежность добычи газа, ведь месторождение “Абшерон”... геологически... очень

сложное месторождение с высоким давлением. «Тоталь» будет здесь использовать ту же систему разработки с применением роботов, которая будет работать на «Шах-Денизе» с 2018 года. Дело в том, что на такой глубине невозможно ставить платформы для газодобычи, никакие традиционные технологические системы, которые прежде были на Каспии, здесь неприменимы, нужны новейшие технологии, которыми владеет «Тоталь» [1]. В 2011 г. именно «Тоталь» открыла месторождение «Абшерон», после того как в 1998 г. компания «Эксон Мобил» не нашла здесь крупных запасов природного газа.

Следующим акцентом в энергетической политике Парижа стал Казахстан, тесное сотрудничество с которым началось в 1997 г. с Соглашения о разведке дна моря Северного Каспия и открытия «Кашагана» в 2000 г. Добыча нефти на «Кашагане» началась только в сентябре 2017 г. и отвечала основному требованию французской политики — обеспечению стабильных поставок за счет долгосрочных контрактов. В первом десятилетии французские компании действовали в границах своих собственных экономических интересов. Сыграло роль и объединение государственной компании «Тоталь» с частной французской «Эльф Аквитания» и бельгийской «Петрофина». С 2000 г. «Тоталь Фина Эльф» представляет энергетические интересы не только Франции, но и Бельгии.

К 2007 г. акцент энергетической политики Франции стал меняться. Энергетические конфликты России с Белоруссией, а затем с Украиной заставили Париж переключить свое внимание сначала на Иран как конкурента России в регионе, а затем и на Туркменистан. В Туркменистане французские компании стали работать с 2007 г., проводя разведку в туркменском секторе Каспия. Трубопроводный конфликт Туркменистана с Россией в 2009–2010 гг. позволил европейским лидерам наладить активный диалог с Ашхабадом. В 2010 г. вице-президент «Тоталь» Патрик Пуяне совершил официальный визит в Ашхабад. Строительство газопровода ТАПИ (Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия) привело к замораживанию отношений с Россией и усилило взаимодействие туркменских властей с европейскими компаниями. Что касается Ирана, то после введения санкций в 2012 г. США и ЕС, которые поддержала и Франция, направленных против нефтегазового сектора исламской страны, «Тоталь» вынужденно ушла оттуда. При том что такая мера, как санкции, обсуждалась французской элитой еще в 2007 г.: кандидаты в президенты Сеголен Руаяль, Николя Саркози, Франсуа Байру в интервью газете «Ле Монд» рассматривали экономические меры в качестве давления на Иран из-за его ядерной программы. После отмены санкций в 2016 г. Франция самой первой из европейских стран подписала соглашение с Тегераном о добыче газа на месторождении «Южный Парс». Определенного интереса к иранскому сектору Каспия французская «Тоталь» еще не проявляет [3, 165].

Французская энергетическая политика является наиболее действенной в странах Каспийского региона, потому что нацелена на долгосрочное сотрудничество. У французских компаний преимущество в использовании так называемой «мягкой силы», умении использовать конкурентную борьбу между каспийскими странами, даже геополитическое противостояние России и американо-британского альянса. Для России и Ирана Франция является нейтральным игроком на энергетической

арене, в отличие от США и Великобритании, которые подпитывают свои экономические интересы расширением геополитического влияния. На данный момент на Каспии главной целью для Франции и большинства стран ЕС является строительство Транскаспийского газопровода из Туркменистана и Казахстана, против которого выступают Иран и Россия, самые крупные производители природного газа в мире. Франция, не желая портить взаимовыгодные отношения с Россией и Ираном, предпочитает действовать через наднациональные европейские органы путем санкций, отмены газопровода «Южный поток», попыток помешать строительству «Северного потока-2», чтобы заставить российские и иранские власти не использовать политическое и военное давление на Азербайджан, Казахстан и Туркменистан в вопросе строительства Транскаспийского газопровода. Можно с уверенностью сказать, что Франция прочно закрепила свои позиции в странах Каспия и Центральной Азии, например, в Таджикистане, где с 2012 г. «Тоталь» ведет разработку месторождения «Боктар».

1. *Ильхам Шабан*: «Контракт с Total по “Абшерону” открыл новую эпоху в газовой отрасли Азербайджана» // Вести Кавказа [Электронный ресурс]. URL: <http://vestikavkaza.ru/interview/Ilkham-SHaban-Kontrakt-s-Totalpo-Absheronu-otkryl-novuyu-epokhu-v-gazovoy-otrasli-Azerbaydzhana.html> (дата обращения: 10.04.2018).

2. *Пустовайтова Е.* Битва за Каспий : информ.-аналит. журн. «Столетие» от 3 ноября 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.stoletie.ru/geopolitika/bitva_za_kaspij_2011-11-03.htm (дата обращения: 21.03.2018).

3. *Friedemann Müller.* Le nouveau «Grand jeu» // *Outre-terre*. 2006. P. 163–176. DOI : 10.3917/oute.016.0163

4. Document de references 2016. Rapport annuels. Total C.A. Company [Electronic resource]. URL: <https://www.total.com/fr/info/nos-sites-web> (accessed: 21.03.2018).

Рукопись поступила в редакцию 24 апреля 2018 г.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 101.1 + 101.3 + 101.8 + 140 + 111.62

В. Е. Кемеров

ФИЛОСОФИЯ – ПЛЫВУЩИЙ КОНТИНЕНТ

В широком контексте изменений общества история философии обнаруживает свою обусловленность рядом стимулов и причин, вырастающих на почве практических сдвигов, в контактах практики и науки, в процессах разделения и попытках интеграции наук, в потребности менять отношение к повседневному опыту людей. Возникают новые способы включения философии в постановку и решение научных и практических проблем. Это неизбежно меняет задачи и функции философии, ее статус, воздействует на ее перспективы. На современном этапе решающей является попытка преодоления сложившейся системы стихийного разделения труда и выработки особых способов интеграции деятельности людей, новых системных подходов понимания природы, общества и технологий. Это движение включает и вопросы взаимодействия разных социальных субъектов, и проблемы кооперации различных научных дисциплин и способов освоения сложных природных и технических систем. Методологический акцент переносится с работы по проведению границ на практику операций по их преодолению. Эта деятельность предполагает не разграничение социальных пространств, а проектирование процессов их взаимодействия и синтеза. Сама возможность общего социального пространства теперь базируется на способности общества к определению путей его связывающих и стабилизирующих. Философия и призвана обеспечивать эту динамику, а стало быть, и соответствующее определение перспектив.

Ключевые слова: динамика философии, философия традиции и философия трансформаций, сдвиги в интеграции дисциплин общественнознания, эволюция основ и стимулов философии, кризисы XX в. и динамика современной философии.

Проблема определений

На вопрос «что такое философия?» сложнее отвечать самим философам. Люди, дистанцированные от профессиональных исследований и преподавания, по привычке скажут: это некое обобщенное знание, которое учит уму-разуму и ученых, и неученых. При этом они, разумеется, не станут вникать в перипетии научных и вненаучных сюжетов философской эволюции.

Профессионалы в своих ответах будут осторожнее, ибо они знают, как философия работала на науку и как она оказывалась угрожающим айсбергом на пути движения науки. Скрытый, но важный вопрос: а современная философия — она какая?.. Кто-то заметит: это, скорее всего, аналитическая философия, очищенная от всяких посторонних примесей [6]. Кто-то возразит, скупно ссылаясь на Р. Киплинга: Запад есть Запад, Восток — Восток, пути их, стало быть, не совпадут, а значит, у каждой культуры может быть своя философия.

Проблема, выходящая за границы философии, заключается в том, что мы не можем определить черты современности, не определив особенности современной философии, и, конечно, не сможем охарактеризовать современную философию, не очертив контуры современности. Как сказали бы классики, мы попадаем в ситуацию круга. Логически из этой ситуации выйти нельзя. Но, может быть, есть другие возможности?

Обратимся опять к современной философии. Только попытаемся представить ее не как жестко ограниченную область с форпостами и блокпостами, а как особого рода работу с человеческими проблемами, как научными, так и ненаучными.

Что такое — современность

Вчерне эта работа заключается в том, что философии приходится изменять привычные представления и в частных науках, и в повседневном опыте людей, и в себе самой. Прежде такого не было. Что же заставляет философию приступить к такой нетрадиционной и, на первый взгляд, неблагородной деятельности? Как философия становится Золушкой и при этом затмевает бывшую царицу наук?

Каким образом философия может определять современность, в том числе и свое современное состояние?.. Первый и достаточно прямой ответ: она вынуждена подходить к ситуации исторически. Далее вопрос (и ответ) усложняется. Какая история имеется в виду? История философии как история идей и выдающихся персонажей? Нет. История — науки?.. Отчасти. История повседневной жизни?.. Тоже отчасти. История общества? Ответ правильный, но слишком сложный.

Проблема состоит именно в сложности вопроса. Ответы мы можем получить только на границах взаимодействий философии, отдельных наук, изменений в формах повседневности и сдвигов общественной практики.

Формируется область *истории взаимодействия* философии и других форм человеческого опыта.

Там, где взаимодействие, там — поле произрастания новых форм деятельности.

Значит, на философию возлагается новая функция — историко-методологическая. Можно спорить, насколько она новая. Можно рассуждать, насколько философия с ней справляется. Важно главное: если философия не берет на себя эту миссию, ее смысл становится малозаметным или попросту утрачивается.

Итак, функции философии сдвигаются в сторону историко-методологического анализа динамики человеческого бытия. Теперь возникает следующий вопрос: а каковы стимулы и мотивы этого исторического сюжета? В рамках статьи на это ответить трудно [7].

Сдвиги и их условия

Если кратко наметить узловые точки истории, приведшей к современному состоянию философии, следует вернуться в девятнадцатое столетие.

Таких точек две. Первая — кризис классической философии. Внешние причины кризиса: философия перестала реагировать на изменения и потребности развивающегося индустриального общества. Как следствие, она утратила вершинную позицию в пирамиде европейской культуры.

Вторая причина — общие определения бытия и познания, которые предлагала философия, ее рассуждения об объекте и субъекте перестали привлекать интерес научного и обыденного сознания общества. Формирующиеся общественные науки выстраивали собственные представления о том, как следует понимать бытие людей.

Вторая точка этого исторического перехода может быть помечена серединой девятнадцатого века. Наряду с уже определившейся экономической наукой оформляются социология, психология, научные дисциплины исторического познания, новые антропологии. Они определяют собственные социальные и методологические установки и устанавливают жесткие границы между собой. Главное — они отмежевываются от классической философии. У них совершенно другие связи с практикой общества, другие источники существования.

По сути, это один и тот же процесс. В центре — научное обществознание со всеми его претензиями и издержками. А философия сдвигается на второй, а может быть, и на третий план.

Следует отметить особую роль позитивизма. Это неклассическая философия, то есть отталкивающаяся от классики. Позиция позитивизма двусмысленна. С одной стороны, он запрещает классику как метафизику, то есть как знание, не основанное на непосредственном опыте. С другой стороны, он пользуется методологией классического эмпиризма и декларирует необходимость опираться на изучение вещей и их отношений. Показательны установки Э. Дюркгейма, а потом и В. Ленина на исследование отношений между людьми как отношений между вещами. Эти установки приведут впоследствии к кризису «первого» позитивизма и породят большую драму обществознания XX в.

Наступление позитивизма свидетельствовало о сдвигах в постановке вопроса об источниках философствования. Теперь этот вопрос перемещается из области установления авторства и преимуществ тех или иных концепций в область методологических обоснований схем описания бытия и мышления.

Выясняется, что классическая философия этим вопросом особо не занималась.

Проще говоря, картина мира, ею предлагаемая, не строилась, а постулировалась. Но теперь, поскольку вопрос о построении такой картины методологически востребован, возникает потребность охарактеризовать материал и средства осуществления этого *построения*.

Классическая философия удовлетворить эту потребность не может. Неизбежно обращение к методологии естествознания (которое, заметим, остается классическим, то есть ориентированным на классическую механику). Важными оказываются и установки экономической и социологической науки, уже освоившие подобную методологию.

Эта тенденция нарастает к третьей четверти девятнадцатого века, она во многом определяет доминирующее мировоззрение. Но это мировоззрение лишь отчасти остается философским, ибо у него методологическая база, чуждая классической философской ориентации. Говоря просто, почва уходит у классической философии из-под ног, и ей приходится плыть по течению, определенному отнюдь не философскими силами.

В этом случае заслуга позитивизма не в том, что он предложил принципиально новую программу, а в том, что он потребовал твердых обоснований философских схем. А вот тут таилась ловушка, которой никто не ожидал.

Кризисы развития

Постепенно в обществе ослабевает тяга к позитивизму и натурализму. Возникают концепции философии, подвергающие сомнению позитивистскую претензию на постулаты единой научной методологии.

В. Дильтей декларирует необходимость разделения научного познания на науки о природе и науки о духе: у них, как он считает, разные предметы исследования. Далее, кажется сходным образом рассуждает Г. Риккерт. Но он, в отличие от Дильтея, утверждает, что разделение осуществляется не по предмету, а по методу. Идиографический (индивидуализирующий) метод работает в науках о культуре, а номотетический (обобщающий) определяет науки о природе. Методологическое различие оказывается важнее предметного. Жесткое проведение этого подхода означает: не предмет определяет метод, а метод определяет предмет. Значит, возможен вариант, при котором один и тот же объект (например, человек) характеризуется и как предмет природы, и как предмет культуры. Возможно и разделение одной и той же области исследований (скажем, биологии) на науку о природе и на науку о культуре. Г. Риккерт считал, что биологию следует рассматривать как смешанный вид познания [9]. А В. Виндельбанд замечает, что биология как систематика может трактоваться в номотетическом, а как теория эволюции — в идиографическом смысле [2].

В плане нашего анализа это означает замену классического постулата о единстве знания на гипотезы методологического дуализма, а потом — и плюрализма. Границы между научными дисциплинами сдвигаются, и это не следствие философского диктата, а результат того, что данные для формирования картины мира (и социального бытия) поступают из совершенно разных источников; и еще важнее то, что они включаются в обоснование философской работы [15]. Философия сдвигает границы, но не по стандартам определения бытия, а в зависимости от данных, поступающих из все новых источников.

В конце девятнадцатого столетия происходит череда событий, стимулирующих дальнейшие сдвиги в пространстве философствования, обусловивших появление новых стимулов и кризис «первого» позитивизма [10]. Это открытие неклассических объектов. Исследуются объекты, не являющиеся вещами в традиционном смысле: поля, частицы, волны, не подлежащие непосредственному наблюдению. Существование их не подвергается сомнению, ибо уже начинается практическое

их использование. Но работа с ними опирается не на данности непосредственного опыта и эксперимента, а на создание и использование специальных устройств.

Принцип позитивизма, ориентирующий на исследование данных в опыте взаимодействий между вещами, становится все более сомнительным. Тем более позитивистская установка на изучение взаимодействий между людьми как взаимодействий между вещами представляется затрудняющей дальнейшее развитие общественных наук.

Традиционные представления об объекте познания оказываются слишком узкими. Но из этого следует, что и классические представления о субъекте утрачивают перспективу. Под вопросом — понятия непосредственного опыта, очевидности, вещиности, сознания как отражения. Под вопросом вся традиционная гносеология, а стало быть, позитивизм с его приверженностью к темам классического эмпиризма. Сдвигаются границы философии, связанные не только с ее источниками и обоснованиями, но и с ее основными категориями, как будто удерживавшими ее суверенитет и особое положение в обществе. Теперь уже не философия определяет свои собственные границы, а ее работа с новыми стимулами, ее взаимодействия с другими сферами человеческого бытия. Иначе говоря, философия далее не определяет другим формам деятельности их место, а сама вынуждена определяться в порядках этих деятельностей, исходя из логики взаимодействия с ними и ее изменений.

В определениях природы философия уступает свою роль физике, но уже не классической физике, а той, что работает с неклассическими объектами и особыми природными системами. Меняются логика и методология традиционных характеристик природы. Дильтеевские и риккертговские гипотезы запаздывают. Современные науки о природе не опираются далее на обобщенное представление о природе. Традиционная логика общего, особенного и единичного далее оказывается малопродуктивной. Актуальными оказываются методология и технология работы с особыми объектами. Формируется системный подход нового типа, когда образующими становятся не философские определения системы, а гипотезы о факторах, определяющих особое ее бытие.

В обществознании первой четверти двадцатого столетия происходят существенные изменения: социология, психология, историческая и экономическая наука проводят четкие границы между собой: они делят социальное бытие на предметы, которые соприкасаются, но не образуют единого живого организма. На некоторое время возникает представление о том, что лидером обществознания становится социология, а остальные науки об обществе должны подстраиваться под схемы социологии, по сути, под схемы структурно-функционального анализа (Т. Парсонс). Как сказал бы Томас Кун, социология претендует на роль лидера, как ранее на эту роль претендовала в естествознании классическая механика. Но он этого не сказал [18].

Формируется своеобразная логика интеграции, которую можно назвать логикой взаимоисключающей дополнительности. Говоря попросту, это логика соседей; она гласит: мы рядом, но ты не вникаешь в предмет моей работы. Соответственно и методы работы у нас разные, в том смысле, что они находятся под полным

контролем нашей дисциплины. Таким образом, разделение социального бытия как особого объекта проводится по принципу взаимоисключающей дополнительности. Но системное представление об обществе из этого не возникает.

К середине двадцатого века философия утратила свою мировоззренческую позицию, позволявшую ей набрасывать свою категориальную сеть на другие области деятельности и описания бытия. Но и общественное знание не обретает центра, интегрирующего разные предметно-методологические подходы. На смену методологическому дуализму приходит методологический плюрализм.

Традиционные категории, описывающие человеческое бытие, утрачивают свою определенность. Это касается всех главных категорий: общества, истории, культуры, человека, сознания, личности. Остановимся на понятии истории.

Философия процесса — философия времени

В научном обиходе мы имеем дело по крайней мере с двумя понятиями истории: традиционным понятием истории как прошлого и сформировавшимся в немецкой классике XIX в. понятием истории как процесса развития общества, реализуемого в деятельности людей.

Итак, обозначается *возможность двух толкований истории*.

Первое — история в широком смысле *как процесс* деятельности людей, развертывающий во времени социальные и культурные формы их бытия, процесс, совершенный и совершающийся, то есть включающий *прошлое, настоящее и будущее*; второе — *история как завершившееся бытие*, представленное в результатах деятельности людей, в ее следах и памятниках.

Заметим, это имеет не только теоретический, но и серьезный практический смысл. Выявляются три формы исторической ответственности: 1) ответственность перед фактами, 2) ответственность за решения, 3) ответственность за проекты. Ответственность перед прошлым базируется на традиционных представлениях и на научном подходе, сформированном позитивистской методологией общественной науки. Ответственность перед историей как процессом включает в себя сложную методологическую проблему, ибо она складывается из определений разных областей социально-гуманитарного познания: правоведения, психологии, социологии и из социально-философской установки на определения конкретного субъекта ответственности.

В плане нашего рассмотрения важнее всего то, что история отрывается от пространства, от логики вещей, от географии [12]. Понятие процесса истории выводит на первый план качество деятельности людей и их взаимодействий. С точки зрения такой истории динамика философии определяется не отдельными субъектами и школами, а тем, как философия трансформирует утвердившиеся барьеры между разными видами научной и практической деятельности и создает новые формы их взаимодействия.

Человеческое сообщество образует общее социальное пространство. Причем пространство это замкнулось, то есть исчерпываются возможности к его расширению. Возникает вопрос о том, как далее история будет развиваться? Или она

закончилась, как заявил Френсис Фукуяма [11]? Но до этого уже несколько раз провозглашали смерть человека, субъекта, автора, социальности, философии, однако эти заявления оказались своего рода рекламной кампанией для их авторов, а к работе общества, его повседневной деятельности и мышлению не имели прямого отношения.

Если бы мы вернулись к ситуации 50-х и 60-х гг. двадцатого столетия, когда действовало жесткое разграничение между дисциплинами обществознания [14], заявление о конце истории, может быть, и имело бы какой-то смысл. Но в условиях формирования общего социального пространства оно становится непродуктивным. Эпоха проведения границ становится бесперспективной, она сменяется временем перемещения границ и их преодоления.

История как процесс стимулируется не пространственными построениями, а динамикой человеческой деятельности, ее силами и средствами. Развивается тенденция замены экстенсивного распространения тенденцией интенсивного усиления. На первых порах она фокусируется на энергетике, далее — на информационных технологиях. Следующий шаг — проблема организации интенсивной деятельности людей, их продуктивных взаимодействий.

Силы и способности человеческих субъектов становятся условием реализации других факторов интенсивного развития, а стало быть, и самой истории.

Границы философии опять сдвигаются, но уже не столько в пространстве, сколько во времени. Это может означать, что философия работает с динамикой бытия и познания, значит, не с границами, а с проблемами их сдвига, изменения, преобразования.

Прежде в описании картины бытия определяющим было пространство. Время было дополнительной координатой. Главным было определение объекта в пространстве. А затем уже описывалось его бытие во времени. Время характеризовалось его сведением к пространству: к шагам, переходам, переездам, перелетам и другим путешествиям и траекториям. Главным в данном случае оказывается даже не редукция времени к пространству, а то, что и пространство, и время рассматривались как внешние по отношению к собственному бытию объекта характеристики.

Системные подходы и теории середины XX в. на первый план выдвигают не абстрактное время и пространство, а время собственного бытия сложных систем, их изменения и самоорганизации. Практика освоения таких сложных природных систем, построения социальных и технологических комплексов показывает, что перспективной оказывается ориентация на собственную логику их организации, то есть не на структуру вещей, входящих в их состав, а на взаимодействие функций, обеспечивающих их жизнеспособность, их самоизменение, их продуктивное взаимодействие с другими сложными системами.

В этом смысле сложная система — это хронотопический объект, то есть объект, сам задающий свою временную и пространственную определенность. Но для работы с таким объектом требуется и соответствующий субъект.

Теоретическая модель особого объекта создается исследователем (исследователями) для отображения объекта, то есть для отображения его динамики, организации, специфических «механизмов» самоизменения. Такое отображение

имеет мало сходства с классическим образом объекта как неким «слепком». В постклассической ситуации отображение — это комплекс моделей, воспроизводящих особое бытие объекта, создающих и поддерживающих возможность взаимодействия с ним. Эту совокупность можно (используя терминологию М. А. Розова) назвать «теоретическим конструктором» [3]. Подчеркнем, что такой «конструктор» задает систему социальных программ, обеспечивающих исследование сложного объекта. Это программы образования проектных и исследовательских взаимодействий между учеными (субъект по необходимости тоже оказывается сложным), программы создания «аппарата» (инструментов) исследования, программы финансового обеспечения и т. д.

Вот один из вариантов такой стратегии: «В каждой ситуации следует создавать соответствующие способы показа, изобретать закономерности уникального события, учитывать получателя сообщения — предполагаемого или желаемого и одновременно настаивать на том, что это письмо может оказать на читателя определенное влияние, научить его читать то и “жить” тем, чего он до сих пор ниоткуда больше не мог получить» [5], — писал Деррида.

А В. А. Лекторский пишет: «Понимание и изменение, осмысление того, что есть и построение (“конструирование”) чего-то нового, оказываются взаимосвязаны» [8].

Очевидно, традиционные категории объекта и субъекта заметно меняются. Главным же здесь являются направление и динамика самого изменения. Основными персонажами этой динамики становятся сами люди, в разных случаях это индивидуальные субъекты, невидимые колледжи, коллективные организации, порождающие новые значения и смыслы. Сама связь между ними формируется их распределением во времени и пространстве, то есть она носит хронотопический характер. Ее объектность порождается особенностью работы с особым объектом, например с андронным коллаидером, который сам являет некий синтез объекта и способов его исследования. Субъектность этой связи все меньше зависит от традиционных гносеологических или психологических характеристик и все больше — от сил и компетенций индивидов, от их умения организовывать и выполнять коллективные взаимодействия. В этом типе работы социальность все дальше отходит от стандартов непосредственной коллективности («стадности», «массовости») и все больше опирается на связь сил и способностей людей, которая может иметь как непосредственный, так и опосредованный характер. Разделение деятельности оказывается разделением и связью людей во времени и в пространстве, когда происходит сложение и умножение разных актов, порождающих новые продукты и эффекты [13].

«...Можно принять, что с помощью новых энергий и технологий земное пространство и время теряют все в большей степени свои традиционные физические характеристики и получают новые социальные характеристики, возводя, таким образом, цивилизацию в качественно новое состояние, открывая перед ней новые возможности, а также новые угрозы», — пишет П. Ганчев [4].

Существуют и более радикальные прогнозы. Так, З. Бауман заявляет: «Рассматриваемое изменение — новая неуместность пространства, замаскированная под полное уничтожение времени. В мире “программного обеспечения”

с перемещениями со скоростью света пространство может быть аннулировано. Пространство больше не устанавливает пределы действиям и их последствиям и имеет мало значения, если вообще имеет. Как сказали бы военные эксперты, оно утратило свою «стратегическую важность» [1].

Эти тенденции и соответствующие им толкования относятся прежде всего к философии. Если бы мы перевели метафору картины мира на плоскость и представили ее как подобие географической карты, мы бы не нашли региона, где находится философия. И тут нам не помогут ни история философии, ни классическое распределение философских наук, ни дисциплинарная матрица организации философского образования. Философия как будто отсутствует, и она действует везде, где реализуется изменение человеческих сил и их взаимодействий. Иными словами, везде, где осуществляется «переоткрытие времени» (И. И. Блауберг), где проявляется субъектность истории, социальности, где конкретизируется историчность природы и работы с ней.

Философия становится зримой не в море пространства, а в потоке времени, где она намечает ориентиры развития человеческих сил, состояний, взаимодействий.

-
1. *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008. С. 128.
 2. *Виндельбанд В.* Прелюдии. СПб., 1904. С. 322.
 3. Выступление М. А. Розова на круглом столе, посвященном проблемам конструктивизма в эпистемологии // *Вопр. философии.* 2008. № 3. С. 9–11.
 4. *Ганчев П.* Глобализация цивилизации и необходимость новой формы философии // *Там же.* 2007. № 8. С. 160–161.
 5. *Деррида Ж.* Наконец-то научиться жить (последнее интервью) // *Там же.* 2005. № 4. С. 134.
 6. *Джохадзе Иг.* Аналитическая философия сегодня: кризис идентичности // *Логос.* 2016. Т. 26, № 5. С. 1–18.
 7. *Кемеров В. Е.* Общество, социальность, полисубъектность. М., 2012.
 8. *Лекторский В. А.* Философия как понимание и трансформирование // *Вопр. философии.* 2009. № 1. С. 17.
 9. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911. С. 148–149.
 10. *History of Philosophy, 1870–1945 / Ed. T. Boulduin.* Cambridge University Press, 2003.
 11. *Fukuyama F.* The End of History & The Last Man. Free Press., 1992.
 12. *Levine R.* Geography of Time. N. Y., 1997.
 13. *Lewis D., Weigert A.* The Structure and Meaning of Social Time // *Social Forces.* Oxford University Press. Vol. 60, № 2 (Dec. 1981). P. 432–462.
 14. *Keith Percival W.* The Applicability of Kuhn's Paradigms to the Social Sciences // *The American Sociologist.* Vol. 14, № 1 (Feb. 1979). P. 28–31.
 15. *Science, Community, and the Transformation of American Philosophy, 1860–1930 / Ed. Daniel Wilson,* 1990.
 16. *Southerton D.* Analysis the temporal organization of daily life // *Sociology.* Oxford, 2006. Vol. 40. P. 435–454.
 17. *The transformation of psychology. Influences of 19-century Philowsopy, Technology & Natural WScience / Ed. C. Green, M. Shore & T. Teo.* Washington, 2001.
 18. *Urry J.* Thomas Kuhn as Sociologist of Knowledge // *The British Journal of Sociology.* 1973. Vol. 24, № 4. P. 4.

Рукопись поступила в редакцию 14 марта 2018 г.

УДК 101.1:316 + 004.946 + 004.358

С. А. Либерман

ВИРТУАЛЬНОСТЬ — ВОЗМОЖНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО

Цель данной работы — попытаться найти новые способы построения предмета социальной теории и философии — социального. Автор рассматривает существующие варианты построения социальной философии и социального как ее предмета, объединяя их условно в два проекта — модернистский и постмодернистский. Оба проекта имеют свои особенности, преимущества и недостатки. Однако оба они, с точки зрения автора, не способны в полной мере ухватить суть современных общественных отношений, в частности, виртуальное интернет-пространство. Предпринята попытка создания основ для иного построения социальной философии — в рамках «диалогики» и «виртуалистики».

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальное, модерн, посмодерн, история, виртуальность.

На сегодняшний день в социальной философии можно выделить две противоположные точки зрения относительно ее предмета. Первая так или иначе сводится к утверждению особой надындивидуальной, не-природной реальности — реальности социального. Это позиция классической социальной философии, позиция Маркса, Вебера, Дюркгейма. Вторая позиция, характерная для второй половины XX в., утверждает отсутствие этой особой социальной реальности и наиболее четко сформулирована Бодрийяром в тезисе о смерти социального. Эти позиции можно разделить и иначе, определив первый как модернистский проект философствования, второй — как постмодернистский. Постмодернистский проект социальной философии, несмотря на свою постулируемую вторичность относительно модерна, является методологически самостоятельным и несводимым к своему историческому и логическому предшественнику¹.

Сегодня часто говорят о новом проекте философии и социальной философии — after-post-modern, post-post-modern и т. д. [16, 13–14]. На наш взгляд, наиболее серьезной оппозицией постмодернистскому проекту является виртуалистика, или теория виртуального. Рабочую гипотезу можно сформулировать следующим образом: *виртуальная реальность и как феномен, и как идея одинаково не укладывается ни в рамки модернистского, ни в рамки постмодернистского проекта философии*. Его анализ, на наш взгляд, может стать основой для построения новой социальной теории. Аргументация и раскрытие данного тезиса и являются основной целью настоящей статьи.

Работа разделена на два основных смысловых блока. Первый носит характер предварительных размышлений и посвящен рассмотрению уже имеющихся и довольно четко артикулированных в современной философии парадигм модерна и постмодерна в контексте социального. Второй блок посвящен раскрытию основного тезиса и рассмотрению специфики виртуального как феномена и идеи.

¹ Это также является общим местом всех перечисленных выше исследователей и многих других, разрабатывающих данную проблематику.

От модерна к постмодерну через радикализацию историзма. Отрицание как форма отношений

Отправной точкой для рассмотрения постмодерна и современности нам послужат модерн и его основной принцип — принцип историзма. Заявленное историческое рассмотрение мы вынуждены начать с самого историзма как особого теоретического принципа. Историзм по своей сути представляет собой особую форму соотношения трансцендентного и имманентного. Если в до-модерновой философии отношения между трансцендентным и имманентным были по большому счету статичные (еще со времен Платона), то в модерне эти отношения начинают пониматься диалектически, то есть как отношения отрицания и «снятия». Сам концепт истории подразумевает особую диалектическую связь между трансцендентным и имманентным. Сущности являются, явления существенны — так формулирует это отношение Гегель. Впервые два мира оказываются связаны в один диалектический мир Истории именно этим мыслителем. Затем Маркс развивает и усугубляет этот тезис, объявив гегелевский абсолютный дух мистификацией: трансцендентное стало еще ближе и крепче сшито с имманентным нитью истории². Все последующие мыслители вплоть до сегодняшнего дня идут указанным Марксом путем усугубления и радикализации историзма. Этот процесс в истории философии можно рассматривать более подробно и даже поэтапно, как это делает, например, Д. Э. Гаспарян [8], однако сейчас нам важен только конечный результат, которым и является новый проект философии — философия постмодерна.

Вслед за Гаспарян мы будем считать философию постмодерна результатом последовательного развития принципа историзма, принципа негации, его радикализацией и доведением его до логического предела. Исходное положение философии постмодерна — отказ от самого противопоставления трансцендентного и имманентного³ [9, 106–108] и, как следствие, отказ от различных форм удвоения мира. В сфере социальной философии этот принцип довольно четко проводит Бодрийяр, рассматривая социальное пространство как пространство симулякров и гиперреальность.

² Модерн, как целостный тип рациональности или метод мышления и философствования и, следовательно, модернистский проект социальной философии, имеет в себе внутренние различия, которые, конечно, довольно серьезны. В частности, присутствует условное деление на линию Маркса и линию Вебера, разница между которыми проходит во взгляде на роль индивида в обществе и, в пределе, в понимании источника социального как такового. Примерно этих же авторов и их последователей часто разделяют по политическим позициям и тогда говорят о «левой» философии и «правой». Однако в контексте нашего исследования эти различия не играют серьезной роли. На наш взгляд, тот признак, который мы взяли за основание и суть проекта современной философии, — утверждаемая способность социальных изменений, отрицания существующего положения вещей в обществе. Таким образом, главный признак модернистского проекта социальной философии — утверждение особой, надындивидуальной, неприродной реальности социального — одинаково свойствен и правым, и левым эпохи философии модерна

³ Наиболее основательно и последовательно проводят эту линию Делез и Гваттари в «Капитализме и шизофрении», постулируя новый способ рассмотрения реальности, новый способ мышления — ризому. Тот же логический ход лежит в основании принципа «деконструкции» Деррида. Эту же логику можно проследить в размышлениях Лиотара о «больших нарративах»: главная их опасность, по словам мыслителя, заключается в удвоении мира, в противопоставлении трансцендентного и имманентного.

Один из главных тезисов Бодрийяра вынесен в заглавие его книги «В тени молчаливого большинства, или Конец социального». Согласно Бодрийяру на смену социальному субъекту, активно вступающему в социальные отношения, преследующему и добивающемуся своих личных целей, приходит *масса*, которая своих целей не имеет вовсе, она полностью инертна или импловивна. Главными чертами массы и массового человека являются отсутствие всякого активного начала и неспособность к действию, главной же их силой является сила молчания и поглощения. Бодрийяр называет массу «черной дырой», затягивающей в себя все социальное [5, 8]. Если главной чертой субъекта являются его раздвоенность и отсутствие самоидентичности, он всегда устремлен вовне, к другому, к трансцендентному, то масса вся целиком находится здесь и сейчас. Она полностью равна своему положению во времени и пространстве и лишена всех противоречий. Единственная активность, свойственная массе, — это симуляция.

Понятию симуляции и симулякра посвящена другая книга Бодрийяра, которая так и называется — «Симулякры и симуляция». Под симулякром Бодрийяр подразумевает следующее: «Симулякр — это вовсе не то, что скрывает собой истину, — это истина, скрывающая, что ее нет» [6, 5]. Чуть дальше: «Таковы последовательные фазы развития образа:

1. он отображает фундаментальную реальность;
2. он маскирует и искажает фундаментальную реальность;
3. он маскирует отсутствие фундаментальной реальности;
4. он вообще не имеет отношения к какой бы то ни было реальности» [Там же, 12].

Ключевым в понимании симулякра является именно третий момент — симуляция реального. Симулякр не скрывает от нас искомое, это не шифр и не ключ, он скрывает отсутствие искомого, отсутствие реального. Это копия, только отсылающая к другой копии, которая, в свою очередь, тоже является отсылкой к другой копии. Главной задачей симулякра является не сокрытие оригинала, а сокрытие его отсутствия. Мир симулякров, мир, симулирующий реальное, Бодрийяр называет «гиперреальностью». Самая главная черта гиперреальности — стирание граней между знаком и тем, что он отображает, как следствие — утрата реального⁴. Гиперреальность — пространство, лишенное границ между сказанным и случившимся, между трансцендентным и имманентным. Эта черта является одной из главных черт гиперреальности. В этом положении легко усмотреть радикализацию наследия Гегеля с его тождеством метода и предмета, формы и содержания. Постмодерн суть радикализация и усугубление диалектической логики — логики историзма.

⁴ Сам Бодрийяр поясняет этот феномен в том числе на примере реалити-шоу. Концепт реалити-шоу заключается в том, что шоу выходит за рамки воображаемого или идеального, оно происходит не на съемочной площадке, не на сцене театра и не на страницах книг, оно происходит в реальности: «Вы больше не смотрите телевидение — телевидение смотрит вас... Больше не существует ни субъекта, ни фокальной точки, ни центра или периферии... растворение телевидения в жизни — растворение жизни в телевидении» [6, 45].

Этот переход в рамках теоретического пространства, переход внутри самой философии имеет свое подтверждение и в реальных общественных отношениях: на смену социальному субъекту приходит масса. Историзм, или модерн, является не только и даже не столько теоретическим принципом или парадигмой, сколько реальной формой социальных отношений. Социальный субъект, индивид, вынужден трансцендировать и выстраивать свои отношения со вторым миром — с миром должного, миром идеального и т. д. Социальный субъект — позиция отсутствия самотождественности, позиция раздвоенности. Таким образом, социальное — это особая конкретно-историческая форма общественных отношений. Исторической же предпосылкой социального является, по мнению историков А. Ю. Согомонова и П. Ю. Уварова, распад единого родового тела, характерного для позднего Средневековья [15]⁵. Историзм, как один из моментов диалектики и логики противоречия, не мог бы быть сформулирован Гегелем, если бы противоречие задолго до этого не стало нормой общественных отношений.

Точно так же такие концепты, как «ризом», «гиперреальность», «симулякр» и вся парадигма постмодерна, не смогли бы быть оформлены и сформулированы, если бы описанная выше форма общественных отношений из основной и ведущей не стала маргинальной. Современная мыслителям постмодерна «ситуация» не требует от ее участников исторического отношения и трансценденции. Все противоречия сглажены, конфликты носят поверхностный и сиюминутный характер⁶. Таким образом, парадигме постмодерна, постмодернистскому проекту социальной философии, главной чертой которого является отмена разграничения на трансцендентное и имманентное, соответствует особая форма общественных отношений — гомогенная, импловивная, всепоглощающая масса.

⁵ Общественные отношения оказываются настолько сложными и, что важно, подвижными, что индивид уже не может быть встроен в них автоматически — от рождения или по праву собственности, общественные отношения начинают требовать личного отношения и самоопределения. Классический конфликт греческой трагедии становится повседневным вопросом каждого: «Кто я? Сын или гражданин? Муж или правитель?». Но если в греческой трагедии этот конфликт между чувством и долгом или между семейной традицией и гражданским законом решался однозначно в рамках безусловного примата полисной организации (пусть и меняющейся) над индивидуальным стремлением, то в позднем Средневековье, которое описывают А. Ю. Согомонов и П. Ю. Уваров, регулирование конфликта между индивидом и общинной формой его существования становится вариативным, требует прописанной процедуры и само становится процессом. В марксистской традиции этот процесс описывается и обозначается как переход от сословного общества к классовому.

⁶ Труд больше не противостоит капиталу. Во-первых, просто потому, что производство перестало быть главной составляющей экономики. Масса — это не трудящиеся. Масса — это потребители. Если труд можно представить как овеществление и трансценденцию, порождение нового, то потребление — это интегрирование, поглощение трансцендентного, его «заземление». Во-вторых, дело в специфике самого массового производства, производства копий по образцам: для того чтобы производить или потреблять копии, мне не нужно каждый раз копию опредмечивать или распредмечивать, мне достаточно сделать это один-два раза, овладеть технологией. В результате мы имеем не предметную деятельность, а осуществление технологии. А осуществление технологии не предполагает с необходимостью возникновение индивидуального сознания в его классическом современном варианте.

Уход от логики отрицания и радикализации фигуры виртуального

Качественно новым феноменом относительно парадигмы «модерн–постмодерн» является теория виртуальности, или виртуальной реальности. Однако адепты постмодерна, как современные, так и «классики», также используют в своих работах это понятие. И здесь есть определенная проблема в его определении. Что такое виртуальность? Само понятие, несмотря на всю свою современность и актуальность, уходит корнями в средневековую философию. Возникновение его связано с необходимостью разрешить все то же противоречие платоновского дуализма, что порождает и рассмотренный нами выше диалектический историзм. Словари дают нам перевод этого слова как «возможность или возможную реальность, способную возникнуть в определенных условиях» [1]. В Википедии, со ссылкой на «Беседы на Шестоднев» Василия Великого, о виртуальности говорится буквально следующее: «некая реальность может породить другую реальность, законы существования которой не будут сводиться к законам порождающей реальности» [7].

Таким образом, *термин «виртуальность» имеет как минимум два способа толкования и определения*: либо виртуальность — это *продолжение нашей реальности*, и тогда мы имеем дело с определенной формой монизма, либо она представляет собой *нечто если не противостоящее, то отличное от нее*, и тогда это плюрализм. И именно в этом различии двух значений кроется то, что отличает используемое нами понятие виртуальности от понятия, сформированного в проекте постмодерна.

Если мы будем применять это понятие к области социального, возникает та же проблема. Например, для Бодрийера виртуальность — это основная форма существования единой гиперреальности, где исчезают все различия между сказанным и случившимся, между событием и меседжем. Примерно в том же ключе толкуют виртуальность и современные адепты «медиафилософии», называя ее, правда, «медиареальностью». С таких строк начинается «Антология медиафилософии»: «Согласимся с Маклюэном и сделаем следующий шаг: медиа, сообщение и реальность суть одно и то же. Способ их существования создает новую всеобщность — медиареальность» [3, 5]⁷.

Однако, как нам кажется, виртуальная реальность, современная нам, качественно иная, нежели виртуальная реальность, современная основным работам Бодрийера и Маклюэна, — она перестала претендовать на роль основной реальности, перестала пытаться выйти за рамки телевизора или иного медиума.

Современная виртуальная реальность нарочито искусственная и формализованная. На смену гиперреальным реалити-шоу пришли предельно формализованные социальные сети или онлайн-игры. Появились такие феномены, как аватары, ник-неймы, аккаунты, т. е. феномены конструирования интернет-идентичности. И это качественно новые феномены, которых не существовало ранее.

⁷ Стоит, конечно, отметить, что понимание медиа у Маклюэна и Бодрийера, равно как и у Савчука, имеет серьезные отличия, останавливаться на которых не является нашей основной задачей; здесь мы будем иметь в виду скорее бодрийеровскую трактовку медиа, нежели понимание медиа у самого Маклюэна.

Соответственно появился целый корпус исследований интернет-идентичности, среди которых стоит отметить работы О. В. Тихонова [17], Ю. В. Чепель [18], В. И. Егоровой [11], А. Г. Асмолова [4], Т. В. Аникиной [2] и С. А. Новиковой [14].

Как нам кажется, главное отличие современной виртуальной реальности от виртуальности второй половины XX в. — это качественно иная форма существования коммуникации. Главной формой коммуникации сегодня являются цифровые способы передачи и хранения информации, в частности, интернет-пространство. Появилось целое особое пространство — пространство интерфейса, пространство надындивидуальное и автономное. Телевидение апеллирует к телесности, поэтому индивид уже заранее непосредственно встроен в систему коммуникации, от него не требуется никаких усилий — не только субъектных, но и простейших усилий восприятия и самопрезентации. *Я уже внутри медиа, а медиа — внутри меня.* В этом случае коммуникация действительно разворачивается так, как ее описывают Бодрийяр и Савчук. Однако в случае с цифровой коммуникацией индивид не является априори частью мира цифровых медиа, мое телесное нуждается в «коде доступа», и тогда действительно требуется самопрезентация — имя, фото, графа «о себе» и т. д. Необходимость самопрезентации дает возможность создания образа себя — так называемого аватара. Если боги индуизма с помощью аватаров могли участвовать в мире смертных, то мы с вами с помощью аватара можем включиться в мир цифровых коммуникаций.

Необходимость самопрезентации в интернет-пространстве порождает раздвоенность индивида, подобную раздвоенности на трансцендентное и имманентное, а значит, дает возможность социального, пусть и с некоторыми оговорками⁸.

Главное, что отличает современную нам виртуальную реальность от виртуальности Бодрийяра или «медиареальности», это ее оторванность от мира. Она принципиально по определению не имеет никакого отношения к жизни и реальным жизненным процессам, тогда как виртуальность XX в. — это сама Жизнь или даже Гипержизнь, когда оторванность от средств массовой информации часто трактуется именно как оторванность от мира как такового. Причем это отношение начинает формироваться гораздо раньше, еще в классическом модерне. Вспомним, с каким пиететом человек модерна относится к газете.

Исследователь Тихонов приводит следующие, на его взгляд, определяющие при анализе социальных последствий черты виртуальной реальности: *автономность, порожденность, неполнота и возможность* [17]. И здесь он ухватывает очень важную характеристику виртуального: несмотря на то что действительно виртуальная реальность всегда имеет свой источник в реальном мире (она всегда *порождена* и вторична), она всегда является *автономной*. Ключевым моментом

⁸ Примером социальных последствий появления этой новой формы реальности можно считать такой феномен, как эскапизм. Появилась устойчивая тенденция побега от реальности в интернет-пространство. Что это значит? Это значит, что виртуальная реальность дает возможность уйти от телесности как прибежища гиперреальности в ее плоскости и одномерности. *Мое я не сводится к моей телесной заданности или какой бы то ни было внешней заданности вообще* (вот оно второе рождение декартовского субъекта). На просторах Интернета индивид может быть кем угодно. Виртуальность телевидения не дает такой возможности, невозможно сбегать туда от реальности просто потому, что некуда и не от чего — все является одной большой гиперреальностью.

в определении Тихоновым виртуальной реальности является ее *неполнота*. Именно эта характеристика отделяет виртуальную реальность от пространства симулякров. Именно неполнота дает возможность, которая всегда неисчерпаема, но и останется до конца нереализованной, всегда оставаясь в рамках только *возможного*.

Эта раздвоенность (растроенность, расчлененность) на порождающее и порождаемое, на действительное и возможное вынуждает индивида раздваиваться тоже — на себя как на автора и на себя как на произведение. В пределе пользователь Интернета всегда анонимен и обезличен. И именно эта обезличенность дает возможность преодоления бодрийеровской «массы»: обезличенность презентации делает возможным личностное отношение, иначе — к чему личностно относиться? Личность возможна только там, где индивидуальное (или дивидное, в данном контексте мы не делаем различия) снимается или ограничивается чем-то внешним, — в модерне подобными механизмами были социальные роли и статусы, которые определялись структурой реального производства, непосредственной деятельности. Сегодня подобными механизмами служат ролевые игры и социальные сети. И именно благодаря предельной оторванности виртуальной реальности от действительности нет риска ее превращения в гиперреальность симулякров⁹.

Разумеется, сам факт наличия интернет-пространства не отменяет гиперреальности и симуляции. Телевидение по-прежнему существует и актуально, да и в самом Интернете есть огромное количество проектов, работающих по старому принципу коммуникации, принципу симулякра, например, Youtube, различные новостные ресурсы, цитируемая нами Википедия, сайты для просмотров фильмов и проч. Однако наряду с ними существуют и принципиально новые формы коммуникации, которые предполагают те характеристики, о которых говорилось выше. На смену гиперреальности телевидения и СМИ приходят «новые медиа», возвращающие такие понятия, как адрес и отправитель, субъект и объект, сообщение и сообщаемое.

Но, что самое для нас важное, порожденность, неполнота и, как следствие, автономность «новых медиа» позволяют нам говорить о расщепленности современного мира, подобной в некоторой степени раздвоенности мира модерна на трансцендентное и имманентное. Это позволяет говорить о новом рождении социального, но уже не на базе концепта истории и диалектической логики, а на базе логики возможного и концепта виртуальности.

Главной спецификой рожденного в этих условиях социального является невозможность применения к нему концепта гегелевского синтеза, или снятия, который являлся узловым для понимания социального в классике. Социальный субъект

⁹ Раздвоенность современного мира качественно отличает его от мира второй половины XX в. И если в рамках постмодернистского проекта философии принято было говорить о конце истории и социального, то сегодня очевидно нарастание социальных противоречий, которые объявлялись окончательно преодоленными. Появление таких тенденций, как политизация, национализм и локализация, позволяет проблематизировать идеи, которые М. Эпштейн называл болезнью эндизма. Это в свое время дало повод Жижекку говорить уже о конце отпуска от истории [12]. Бодрийяр писал, что убийство Кеннеди было последним политическим убийством, знаменующим собой конец политического [6, 37]. Сегодня политические убийства и теракты снова становятся нормой жизни.

больше не может пониматься как фигура, центрирующая вокруг себя социальное пространство, с одной стороны, и историю — с другой. Да, бинарная оппозиция, пусть это теперь не трансцендентное и имманентное, а наличное и возможное, вернулась, но эта оппозиция, в отличие от классической, даже в теории и утопии не может быть разрешена и снята¹⁰. Тогда как в классике всегда присутствует возможность снятия существующего противоречия в будущем, как правило, оправдываемая отсутствием его в прошлом.

Как мы помним, в примере Бодрийяра участник реалити-шоу тоже не имеет возможности разрешения противоречия между автором и его замыслом, с одной стороны, и произведением — с другой. Границы между означающим и означаемым, представленным и представленностью стерты, но это происходит по причине отсутствия разрыва между ними. Участник реалити-шоу существует исключительно наглядно и телесно, противоречие, если оно и было, уже разрешено. Участник же интернет-коммуникации существует в том числе и как набор символов, лишенный всякой образной привязки к телесности, что не дает ему смешаться, раствориться в пространстве заведомо и грубо зателесенной гиперреальности. Это является причиной возвращения раздвоенности, которой не было в виртуальной реальности второй половины XX в. Перевод виртуальности «в цифру» снова отделил означаемое и означающее друг от друга. Разница между представленностью телесной (как у Бодрийяра) или социальной и трансцендирующей (как в классике) и представленностью цифровой существенна. В первом и во втором случаях представленность, несмотря на свою «не-природность», может, мало того должна, следуя логики радикализации, слиться с представляемым, став тем самым (переиначим терминологию Бодрийяра) гиперприродной. В третьем же случае представленность всегда останется *искусственной*.

Разница между структурами новых медиа, социальных сетей и виртуальными играми, с одной стороны, и классическими структурами социального — с другой становится более заметной, если рассматривать их с точки зрения происхождения и наличия рефлексивной компоненты. Классические структуры социального формировались в ходе реальных общественных процессов и только потом эксплицировались и фиксировались конкретными мыслителями (известный пассаж Бурдьё о том, что до Маркса никаких классов не существовало, нельзя все же трактовать буквально). И в этом смысле они «не-природны» в непосредственном смысле этого слова. Социальные же сети и виртуальные игры не только «не-природны», но созданы, про-изведены, воплощают некоторую идею, имеют автора и цель. В этом смысле они «не-природны» в степени «*n*». А значит, в силу своей порожденности, они очевидно ограничены и неполны.

¹⁰ В классике подобная оппозиция имела возможность снятия: для психоанализа это снятие невроза, для классической социологии — снятие противоречия между «зеркальным я» и «внутренним я», для идеологов фашистской Германии это Третий рейх, для Гегеля — Абсолютный Дух, для классической эстетики — катарсис и т. д. Логика снятия — логика развития и истории, включающая в себя три важные точки: тезис (полная неразличенность), антитезис (отрицание и различение) и синтез (единство противоположностей). Она же работает в августиновском проекте истории (творение — грехопадение — второе пришествие) или в классической фабуле (завязка — конфликт — развязка).

Когда мы говорим о принципиальной неполноте виртуального, это означает в том числе, что неполнота осознается и «авторами-программистами», и самими участниками коммуникации. Именно в силу своей порожденности и неполноты они представляются нам прозрачными и очевидными. Кроме того, конкретные формы представленности конкретной социальной сети или онлайн-игры не являются единственными в своем роде, всегда существуют наравне с другими, а потому лишены тоталитарных, унифицирующих амбиций, что тоже создает эффект дистанцирования, прозрачности и осознанного отношения. Даже в рамках одной социальной сети у меня может быть несколько «аккаунтов», сосуществующих одновременно и опять же наравне с другими. В этом пространстве многих цифровых представленностей отсутствует необходимость приведения их в единую систему и иерархию, а значит, могут быть противоречия.

Снятия раздвоенности возможного и наличного не предполагается. Представленность в интернет-пространстве никогда не может быть самодостаточной и не претендует на это. Она не может быть до конца реализована, в том числе потому, что предполагает возможность иной (иных) формы (форм) реализации. Эта логика не предполагает снятия индивида или слияния его с представленностью вовне, оно предполагает их сосуществование. Реклама на телевидении претендует на то, чтобы заменить собой рекламируемый продукт, слиться с ним, в пределе — стать им. Рекламу очень трудно отделить от рекламируемого продукта, бренд — от товара¹¹. Сущность «хочет» проявиться, явление «хочет» быть существенным. Но смешная картинка из Интернета, мой аккаунт в социальных сетях или мой персонаж в ролевой онлайн-игре не имеет подобных амбиций, наоборот, они всячески подчеркивают свою искусственность, неполноту и возможность быть дополненной другой (другими) формой (формами) представленности.

* * *

Итак, резюмируя сказанное выше, выделим два, на наш взгляд, главных отличия социальности, продуцируемой средствами виртуализации, от социальности, сформированной в логике проектов модерна и постмодерна:

— раздвоенность на виртуальное и реальное является возможной предпосылкой для появления особого, надындивидуального пространства социального, «смерть» которого в ее классическом варианте была зафиксирована теоретиками постмодерна. «Новые медиа», в отличие от телевидения и СМИ, не укладываются в проект «гиперреальности» или «смерти социального», поскольку предполагают раздвоенность на представленность в виртуальном пространстве, например в Интернете, и на самого индивида;

— интернет-пространство не линейно в том плане, что оно не развивается, не становится в гегелевском смысле этого слова, оно существует как возможность. Это пространство действительно можно уподобить делезовской ризоме, с той лишь разницей, что эта ризома, в отличие от делезовской, имеет строгие границы и свою альтернативу, она неполна и порождена. Виртуальное всегда порождено, но

¹¹ Бодрийяр называл этот феномен в том числе слиянием знаковой стоимости и потребительной.

при этом оно ни во что не разрешается и не совершается. Развитие же происходит не за счет синтеза или снятия, но за счет накопления виртуального.

1. Академик : [сайт]. 2000–2016. URL: <http://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=%D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&from=xx&to=ru&did=ruwiki&stype=> (дата обращения: 10.03.2017).
2. *Аникина Т. В.* Имя собственное в интернет-коммуникации // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 2. С. 71–76.
3. Антология медиафилософии / ред.-сост. В. В. Савчук. СПб., 2015.
4. *Асмолов А. Г.* От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вопр. психологии. 2009. № 3. С. 3–15.
5. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. с фр. Н. В. Суслова. Екатеринбург, 2000.
6. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М., 2015.
7. Википедия : свободная энциклопедия : [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Виртуальность> (дата обращения: 10.03.2017).
8. *Гаспарян Д. Э.* Социальность как негативность. М., 2007.
9. *Гаспарян Д. Э.* Введение в неклассическую философию М., 2011.
10. *Егорова В. И.* Ник как одна из составляющих виртуальной реальности // Учен. зап. : электрон. науч. журн. Курс. гос. ун-та. 2012. Т. 2, № 3. С. 153–157. URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/026-025.pdf> (дата обращения: 26.05.2018).
11. *Жижек С.* Добро пожаловать в пустыню Реального / пер. с англ. Артема Смирного. М., 2002.
12. *Новикова С. А.* Палитра политических идентичностей в современных социальных сетях и игровых средах // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Политология. 2012. № 1(17). С. 66–71.
13. *Согомонов А. Ю., Уваров П. Ю.* Открытие социального (парадокс XVI века) // Одиссей. М., 2001.
14. *Терещенко Н. А.* Социальная философия после «смерти социального». Казань, 2011.
15. *Тихонов О. В.* Трансформация феномена идентичности в пространстве сети Интернет : дис. ... канд. филос. наук: (09.00.11). Казань, 2013.
16. *Чепель Ю. В.* Ник как художественно-когнитивный образ в интернет-коммуникации // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2008. № 5(19). С. 56–62.

Рукопись поступила в редакцию 17 января 2018 г.

УДК 316.42 + 316.624 + 316.722

А. В. Метелев
Т. Г. Сердюк**КОНЦЕПЦИЯ ТИПОВ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРИСПОСОБЛЕНИЯ
И ТЕОРИЯ «АНОМИИ» Р. МЕРТОНА
(КРИТИКА ОСНОВАНИЙ И НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ)**

В статье проводится критический анализ оснований выделенных Р. Мертоном типов индивидуального приспособления и его теории «аномии», по итогам которого утверждается, что концепция Р. Мертона применима в первую очередь к изучению либо гомогенного общества, либо общества, стремящегося к такому состоянию в результате давления тотальной идеологии. С другой стороны, концепцию Р. Мертона можно рассматривать как обобщенную идеализированную модель, которая при условии определенного ее развития может быть применима и к изучению гетерогенного общества, а также социальных изменений. В заключение для изучения постсовременного общества (в том числе российского) предлагается направление развития концепции Р. Мертона, предполагающее ряд мер («шагов»). При этом рекомендуется, применяя концепцию Р. Мертона к анализу конкретного общества, учитывать его цивилизационные особенности, культурное своеобразие и разнообразие, а также специфику его ментальности.

Ключевые слова: типы индивидуального приспособления, теория «аномии», постсовременное общество, социальные изменения, ментальность, цивилизационные особенности.

Закономерности функционирования общества, выведенные Робертом Мертоном [15] в его теории «аномии», нашли основательное подтверждение и яркую иллюстрацию в процессах, происходивших в некоторых постсоветских обществах, и в частности в российском в 90-е гг. XX в. — первом десятилетии XXI в., что нашло отражение в работах ряда авторов, например П. Штомпки [26], В. В. Кривошеева [12], С. Т. Кавецкого [7], С. А. Кравченко [11], В. С. Афанасьева [1], В. В. Монакова [16], Я. И. Гилинского [4] и др. Отчасти данные закономерности просматриваются в функционировании отдельных сфер российского общества и в современный период. Так, например, в 2010-е гг. они же проявляются в системе российской науки и образования в связи с проводимыми в этих сферах реформами, которые сопровождаются трансформацией и отчасти заменой официально поддерживаемых и одобряемых целей и легитимных способов их достижения, а также связанных с ними ценностей в данных видах социально значимой деятельности.

Вместе с тем, учитывая специфику современного общества, связанную с усложнением его структур, ростом разнообразия социальных групп и их ценностей, с ускорением и усложнением социальной динамики, некоторые авторы предлагают переосмысление «классической» трактовки понятия аномии в духе Э. Дюркгейма [5, 6] (начало XX в.) и Р. Мертона [15] (середина XX в.), отмечая усложняющую природу аномии, ее связь с другими социальными явлениями и обусловленность различными социокультурными контекстами. Так, например, С. А. Кравченко, констатируя характерное для современности становление сложного социума,

обосновывает идею переоткрытия аномии и, призывая учитывать невиданные ранее современные социальные и культурные реалии, сначала применяет понятие «парааномии» [11], а затем представляет контуры концепции «нормальной аномии» и дает определение данной категории, согласно которому это «...расширяющаяся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности Человека» [10].

При этом, по сравнению с тем интересом, который связан с изучением аномии, обращение к рассмотрению форм индивидуального приспособления, а также оснований, которые выбирает Р. Мертон для их выделения, в отечественной научной литературе выглядит не столь основательным, хотя в первую очередь исходя именно из данных оснований и разработок Р. Мертона и делает вывод об основных причинах разрастания аномии и распространения девиантного поведения в обществе.

Поэтому обращение к теории «аномии» Р. Мертона, критический анализ оснований выделенных им типов индивидуального приспособления, попытка дополнения и развития данных теоретических построений Р. Мертона представляются весьма актуальными для осмысления некоторых глубинных социальных процессов постсовременного общества, в том числе тех, которые происходят в настоящее время в российском обществе как в целом, так и в отдельных его сферах, а также для понимания тех механизмов его функционирования, которые являются значимыми и важными с точки зрения перспектив дальнейшего развития.

Теория типов индивидуального приспособления и теория «аномии» Р. Мертона очень тесно взаимосвязаны. При этом если брать в расчет методологический аспект творчества Р. Мертона, то их можно считать теориями среднего уровня. То есть это такие теории, которые могут быть применены к ограниченным концептуальным областям и используются как ориентир для эмпирического исследования. По мнению Р. Мертона, «...это теории, находящиеся между второстепенными, но необходимыми рабочими гипотезами, появляющимися в изобилии в ходе проведения рутинного исследования, и всеобъемлющими систематическими попытками разработать общую теорию, которая объяснит все наблюдаемые закономерности социального поведения, социальной организации и социального изменения» [15, 64].

Обращаясь к проблеме девиантного поведения, Р. Мертон опирается на методологические основания функционализма, сопоставляя их с основополагающими принципами «психологизма», к которому он относит прежде всего психоанализ. При этом в первую очередь он полемизирует с такими представителями фрейдизма и неофрейдизма, как З. Фрейд и Э. Фромм, которые пытались вывести истоки девиантного поведения из специфики организации психики индивида, прежде всего биологических импульсов, находящихся в бессознательном или по крайней мере не осознаваемых самим человеком [Там же, 231].

Однако Р. Мертон полагает, что далеко не все причины девиантного поведения можно свести к биологическим импульсам индивида и их подавлению со стороны общества, многие из них обусловлены социальной структурой, которая задает определенные цели и формирует общезначимые мотивы поведения членов общества [Там же, 231–232].

Данная позиция Р. Мертона в принципе заслуживает поддержки, учитывая, что «психологизм» может быть применим по преимуществу к изучению поведения отдельных людей для выявления причин именно их поведения, но он не может помочь решить проблему в более широком, социальном плане, чтобы изменить ситуацию с девиантным поведением в масштабе всего общества. Напротив, исследование девиантного поведения, исходя из функционального подхода, является более перспективным и эффективным, так как оно направлено на выявление тех причин, которые носят социальный характер и связаны с функционированием общества в целом и его структур. Поэтому такое исследование может дать конкретные рекомендации, позволяющие вносить соответствующие изменения в социальную организацию, направленные на совершенствование ее функционирования.

Основные предпосылки, из которых исходит Р. Мертон, изучая социальную структуру и связывая ее рассмотрение с изучением девиантного поведения, это выделенные им, с одной стороны, сформировавшиеся и принятые в данной культуре цели и ценности, которые навязываются ее представителям, а с другой — институционально закрепленные средства достижения этих целей, то есть способы, считающиеся легитимными с точки зрения права и морали данного общества [15, 245–246].

У членов общества, как представителей многочисленных социальных групп и слоев, может складываться различное отношение к этим двум компонентам социальной структуры, что, с точки зрения Р. Мертона, позволяет выделить пять типов индивидуального приспособления. При этом, как подчеркивает автор, распределение и «удельный вес» той или иной формы будет неодинаков для социальных групп, находящихся на различных уровнях общественной иерархии.

Типы, выделенные Р. Мертоном, схематично представлены в следующей таблице, где (+) обозначает «принятие», (–) — «отвержение», а (±) — «отвержение господствующих ценностей и замену их новыми».

Типология форм индивидуального приспособления [15, 254–255]

Форма приспособления	Культурные цели	Институционализированные средства
Конформность	+	+
Инновация	+	–
Ритуализм	–	+
Бегство	–	–
Мятеж	±	±

По мнению Р. Мертона, с формальной точки зрения все типы индивидуального приспособления, за исключением конформизма, можно рассматривать как девиантные. Хотя инновацию и ритуализм к отклоняющимся типам Р. Мертон относит с определенными оговорками.

Свой анализ и выделение основных типов индивидуального приспособления Р. Мертон проводит на примере американского общества с господствующим в нем идеалом «американской мечты», согласно которой денежный успех рассматривается как основная культурная цель [15, 307]. Сделано это было, как отмечает Р. Мертон, «...только ради упрощения проблемы... хотя, конечно, существуют альтернативные цели в хранилище общих ценностей» [Там же].

Кроме того, автор допускает, что рассмотрение этих типов приспособления возможно в различных сферах поведения. Однако сам он сосредоточил внимание на экономической деятельности в широком смысле «...производства, обмена, распределения и потребления товаров и услуг», так как в американском конкурентном обществе богатство приобрело высокую символическую ценность [Там же, 256].

Причину девиантного поведения и разрастания аномии Р. Мертон видит в большой дистанции или даже разрыве между культурной целью и теми средствами ее достижения, которые считаются законными в данном обществе, что приводит индивидов к осознанию того, что легитимными средствами достичь ее очень трудно или почти невозможно, в первую очередь для представителей низших страт общества. По мнению Р. Мертона, это тем более актуально по отношению к американскому обществу, потому что навязываемая здесь культурная цель — «денежный успех» — в пределе недостижима [Там же, 250].

Основные теоретические положения концепции Р. Мертона неоднократно подвергались явной или неявной критике с позиций различных подходов, направлений и теорий, например, таких, как культурологический подход (теория субкультур), психологический подход, теория конфликта, теория дифференциальной ассоциации, теория стигматизации и т. д. (краткие обзоры по этому поводу содержатся, в частности, в работах Дж. Ритцера [18], В. С. Афанасьева [1], Я. И. Гилинского [4]).

Вместе с тем некоторые авторы попытались не только высказать критические замечания, но и развить, углубить и расширить различные аспекты теоретических построений Р. Мертона.

Т. Парсонс, посчитав, что взаимные ожидания в социальных группах играют важную роль в поведении, дополнил основания типологизации индивидуального приспособления еще одной переменной, вывел восемь типов девиантного поведения и включил концепцию Р. Мертона в более широкую теорию социального действия [17, 360–451].

Р. Дьюбин, справедливо полагая, что действительное практическое поведение и нормы не всегда совпадают, разграничил их и предложил четырнадцать типов индивидуального приспособления [27].

А. К. Коэн обратил внимание на то, что целью индивидов является не денежный успех, а достижение статуса в группе и обществе, который связан с определенной символикой роли и поступков, а также обратил внимание на проблему взаимосвязи характера социальной структуры, социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения [9].

Л. Е. Оулин, Р. А. Клаурд, изучая деликвентные субкультуры, подчеркнули, что на выбор того или иного типа индивидуального приспособления оказывает

влияние наличие или отсутствие доступа не только к легитимным средствам достижения цели, но и к нелегитимным, а также отметили, наряду с нормами, принятыми в социальной системе, наличие строгих норм, регулирующих преступную деятельность [8].

П. Штомпка, объединил теорию «аномии» и типологию адаптации к экономическому состоянию Р. Мертонa с типичными реакциями на риск, сформулированными Э. Гидденсом, дополнил их концепцией «ценностно-наполненной динамики» Н. Смелзера и в результате предложил концепцию «культурной травмы», которую применил для анализа революционных изменений в обществе [25].

Переходя к конкретным критическим замечаниям, в самых общих чертах можно предварительно отметить, что попытка упрощения и схематизации при рассмотрении социальной структуры, а также выбор американского общества в качестве примера для анализа без сравнения его с каким-то иным, в первую очередь не принадлежащим к западной цивилизации, приводит к тому, что Р. Мертон допускает некоторые отождествления и обобщения, которые представляются весьма спорными.

Во-первых, считая возможным изменение норм права и морали, автор не ограничивает те средства, которые относятся, с одной стороны, к праву, с другой стороны — к морали, хотя в обществе нормы права и морали в ряде компонентов могут не совпадать или даже противоречить друг другу. В каких-то конкретных обществах это расхождение может быть более выраженным, в каких-то — менее, но присутствует оно почти всегда. Поэтому более точный анализ должен предполагать разграничение средств достижения целей с точки зрения их согласования, с одной стороны, с нормами права, а с другой — с нормами морали, а также выявление степени и сфер их несоответствия друг другу.

В качестве «оправдания» позиции Р. Мертонa по вопросу о соотношении права и морали можно отметить одну из характерных особенностей западной цивилизации, истоки которой восходят к римской республике, а затем к империи. Это фундаментальная роль правовых оснований в государственно-политических устоях, социальных отношениях и культурной жизни западного общества.

Так, например, С. Хантингтон, характеризуя западную цивилизацию в сравнении с другими, данную особенность обозначает краткой и четкой формулировкой — «господство закона» и описывает ее происхождение и трансформации следующим образом: «Концепция центрального места закона в цивилизованном бытии была унаследована от римлян. Средневековые мыслители развили идею о природном законе, согласно которому монархи должны применять свою власть, и в Англии появилась традиция общего права. Во время фазы абсолютизма (XVI–XVII вв.) торжество наблюдалось скорее в нарушении закона, чем в соблюдении его, но продолжала существовать идея о подчинении власти человеческой неким внешним ограничениям: *Non sub homine sed sub Deo et lege* (Не под человеком, но под Господом и законом. Примеч. пер. — А. М., Т. С.). Эта традиция господства закона лежала в основе конституционализма и защиты прав человека, включая право собственности, против применения деспотической власти. В большинстве

других цивилизаций закон был куда менее важным фактором, обуславливающим мышление и поведение» [24, 98–99].

Данную характерную особенность западного общества, описанную С. Хантингтоном, можно дополнить и уточнить замечаниям о том, что в эпоху Реформации произошло существенное переосмысление традиционных ценностей и некоторых принципов христианской этики. В результате чего в западном обществе происходит все большее распространение и укоренение принципов и ценностей протестантской этики, которые М. Вебер вполне справедливо связывал с самим «духом капитализма» [3], а после буржуазных революций XIX в., помимо религии, они получают отражение и закрепление также и в системе права. В результате исходный дуализм духовного и светского «снимается» и приходит к своеобразному диалектическому синтезу: «буржуазная» протестантская этика и право «срастаются», взаимопроникают и становятся взаимодополняющими.

Данную взаимосвязь «буржуазной» этики и права, а также ее стереотипность в американской культуре хорошо иллюстрирует работа Э. Х. Сатерленда «Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями?» и в первую очередь вывод автора в котором он сначала уверенно декларирует, что «правила морали кристаллизуются в законе и каждый акт исполнения закона содействует укреплению морали», а затем констатирует, что «законы, действующие в отношении преступлений людей в белых воротничках, скрывающие преступный характер их деятельности, менее эффективны в укреплении норм морали, чем другие законы» [19, 60].

Возможно, поэтому, будучи сам представителем западной цивилизации, Р. Мертон не разграничивает нормы права и морали, сводит их воедино, когда говорит о применении легитимных средств для достижения цели.

Хотя, конечно, указанная особенность характеризует западную цивилизацию в целом и «по преимуществу», конкретное западное общество, в том числе и в первую очередь — американское, включает множество социальных групп с моральными кодексами, не совпадающими с правовыми установлениями.

Фиксация этого положения дел является одним из ключевых исходных тезисов в концепции субкультур Т. Селлина, который утверждает что «...несоответствие между законами государства и моральными представлениями различных социальных групп населения данного государства можно проследить повсюду, где стандарты, которым следуют господствующие социальные группы, отличны от стандартов, принятых подчиненными или подчинившимися группами» [21, 32].

Поэтому можно согласиться с Р. Макайвером в том, что понятия «преступность» и «аморальность» связаны, но нетождественны [13, 76–77].

В российском обществе, в сравнении с западным, несовпадение кодекса правовых норм и моральных кодексов различных социальных групп носит характер цивилизационной специфики. В России исторически сложилось так, что моральные устои и правовые установления очень часто не совпадают или даже могут противоречить друг другу, поэтому перед индивидами часто встает проблема выбора: поступить «по закону» или «по совести» («справедливости», «правде»), принять решение «в соответствии с разумом» или «по велению сердца»?

Во-вторых, признавая, что культурные цели и ценности могут быть не одними и теми же в различных обществах или в разные периоды их существования, Р. Мертон не разграничивает их, так же как и нормы права и морали.

Между тем даже одна и та же цель может ставиться, исходя из различных ценностей или даже их систем, и, напротив, придерживаясь одних и тех же ценностей, представители различных социальных групп могут интерпретировать их по-своему и, как следствие, считать значимыми различные цели. Это наглядно было показано М. Вебером в работе «Социология религии», в которой он справедливо указал на то, что даже одна и та же религия по-разному понимается крестьянами, ремесленниками, правящей «бюрократией», воинами и интеллектуалами [2].

В-третьих, постсовременное общество отличается все большим культурным, конфессиональным и этническим разнообразием и сосуществованием в его рамках различных социальных групп. Каждая из таких групп, исходя из собственного набора ценностей, может придавать значение специфическим целям и считать легитимными своеобразные средства их достижения.

Причем такое разнообразие, хотя и в меньшей мере, было характерно и для обществ (в том числе — американского) в 1930–1960-х гг., то есть в то время, когда Р. Мертон создавал и модернизировал свою концепцию. На данный факт обращали внимание ряд современных ему исследователей.

Так, например, Т. Селлин подчеркивал необходимость изучать «конфликт кодексов культур», в первую очередь имея в виду конфликты между нормами различных культурных систем или зон. При этом объектом большинства проведенных им исследований являлись иммигрантские или расовые группы в Соединенных Штатах [20, 288].

В-четвертых, трудно согласиться с неявным допущением Р. Мертона о том, что индивид однозначно принимает или не принимает некие универсальные и определенные цели и ценности, принятые в обществе.

В этом случае скорее следует хотя бы отчасти согласиться с тезисом, который еще в начале XX в. высказал П. Сорокин. С его точки зрения, конкретный индивид не принадлежит к какому-то обществу в целом (которое, по мнению П. Сорокина, как таковое, реально не существует) или даже к какой-то определенной социальной группе. Он «вращается» во множестве социальных групп [23]. Следовательно, находясь в той или иной группе, индивид может интериоризировать в качестве значимых и ценных различные цели и нормы, что может приводить к их столкновению в индивидуальном сознании и ставить индивида перед проблемой выбора, в том числе статусных референтных групп [9].

Данное утверждение П. Сорокина и следствие из него становятся еще более актуальными в «постсовременном» обществе с его стремительно изменяющейся и усложняющейся структурой, а также социальной и культурной разнородностью.

Указанные не вполне оправданные отождествления и слишком общие и недифференцированные основания выделения типов индивидуального приспособления, предложенные Р. Мертоном, приводят к тому, что эти типы, во-первых, выглядят слишком широкими и, как следствие, охватывающими совершенно различных по характеру деятельности и ее оценке индивидов, а во-вторых, к тому, что

значительная часть представителей реального общества не может быть отнесена ни к одному из указанных Р. Мертоном типов индивидуального приспособления.

Так, в форму индивидуального приспособления под наименованием «инновация» Р. Мертон включает как откровенных преступников и аморальных индивидов, так и так называемых «практичных», «ловких» и «преуспевающих» людей [15, 257], которые совершают поступки, находящиеся на грани добра и зла. К таковым можно отнести тех, чьи действия не могут быть оценены как нелегитимные в строгом смысле слова. Они применяют такие новые способы достижения принятой в данной культуре цели, которые в дальнейшем могут стать вполне законными.

Для разграничения этих разновидностей инновации можно использовать понятия «нелегальной» и «законной» инноваций, которые применяет П. Штомпка [26, 11]. Однако с учетом того, что он весьма своеобразно интерпретирует характеристики типов индивидуального приспособления [25, 15; 26, 9], рассматривая их в контексте своей концепции «культурной травмы», в данном случае более корректным представляется применение характеристик «негативный» и «позитивный», используемых, в частности, Я. И. Гилинским по отношению к девиантным типам поведения, в том числе к инновации [4].

Особенно оправданным это представляется применительно к постсовременному обществу с его стремительно усложняющейся структурой и динамикой. Учитывая эту его специфику, не следует, по крайней мере однозначно негативно, оценивать определенные типы приспособления как девиантные. Следует учитывать, что в определенном смысле и контексте «позитивные девианты» (и в первую очередь — «инноваторы») способствуют не только нормальному функционированию, но и динамичному развитию общества.

Также весьма спорным, но в данном случае слишком «узким», представляется отнесение к «ритуалистам» только тех, кто боится потерять достигнутый уровень успеха и потому, по мнению Р. Мертона, отказывается от навязываемой культурной цели, руководствуясь принципами «Я стараюсь не выделяться», «Я соблюдаю осторожность», «Я довольствуюсь тем, что у меня есть», «Не стремись высоко — и не будешь разочарован» [15, 268]. Однако если следовать сугубо формальным основаниям, предложенным самим же Р. Мертоном, то к этому типу следует отнести и тех, кто видит ценность не в цели, а в процессе, причем та деятельность, которой они занимаются, приносит им удовлетворение. Именно процесс, а не результат или цель, представляет для них ценность. Эта та категория людей, которые действуют по принципам «Важна сама процесс», «Ценна не сама победа в борьбе, а то, как ты боролся» или, в пределе, «Главное не цель жизни, а тот смысл, который ты ей придаешь».

По аналогии с изложенным выше рассмотрением и критикой инновации можно предложить разделение ритуализма на «негативный» (или собственно ритуализм, как его характеризует Р. Мертон) и «позитивный».

В связи с этим можно отметить еще один недостаток в основаниях выделения типов индивидуального приспособления в концепции Р. Мертона: он связывает ценности только с принятой в данной культуре целью или с возможными

альтернативными целями, а не с процессом или хотя бы нормами права и морали, которые для ряда людей могут быть теми жизненными принципами, которыми они руководствуются в своей деятельности безотносительно цели, следуя кантовскому «категорическому императиву». Возможно, отчасти осозная это, Р. Мертон не относит «ритуализм» в строгом смысле к девиантным типам индивидуального приспособления, хотя и делает это с определенными оговорками. Более того, иногда Р. Мертон, как бы «проговариваясь», говорит о ценности принятых в обществе норм.

Указанные недостатки, с одной стороны, отчасти можно объяснить тем, что свою схему Р. Мертон стремится сделать более простой и удобной для применения в конкретном исследовании, с другой стороны, эти недостатки связаны с тем, что, как уже отмечалось ранее, разработанные им методологические основания применяются к американскому обществу, выбранному Р. Мертоном в качестве объекта конкретного исследования и примера.

Действительно, один из ключевых и доминирующих элементов ментальности американцев — чрезмерная акцентуация на цели, в частности, как в примерах Р. Мертона, это достижение «денежного успеха», а в более широком смысле — стремление быть победителем (нередко — любой ценой). Это подчеркивает и сам Р. Мертон, характеризуя «американский культурный образец»: «Американцев увещевают “не пасовать перед трудностями”, ведь в словаре американской культуры, как и в лексиконе молодежи, “нет слова “неудача”. Призыв культуры очевиден: нельзя предаваться унынию, нельзя прекращать борьбу, нельзя понижать свои цели, ибо “не неудача, а скромная цель — вот что является преступлением”» [15, 253].

По мнению Р. Мертона, американская культура «...обязывает принять три культурные аксиомы: во-первых, всем надлежит бороться за достижение одних и тех же высших целей, поскольку путь к ним открыт для всех; во-вторых, текущая кажущаяся неудача всего лишь остановка на пути к конечному успеху; и в-третьих, настоящая неудача состоит лишь в снижении амбиций или в отказе от них. В грубом переложении на язык психологии эти аксиомы означают, во-первых, символическое вторичное подкрепление побудительного стимула; во-вторых, обуздание угрозы угасания реакции посредством сопутствующего стимула; в-третьих, повышение способности мотива вызывать повторение реакций, несмотря на продолжающееся отсутствие вознаграждения» [Там же, 253–254].

Таким образом, если следовать логике рассуждения Р. Мертона в его психологической характеристике американской культурной цели, то следует признать, что в данном случае был найден оригинальный способ мотивации в духе развития концепции П. А. Сорокина, которую он изложил в одной из своих ранних работ «Преступление и кара, подвиг и награда» [22]. При этом «карательные акции» по отношению к индивидам, не желающим следовать должному стереотипу поведения, заключаются в порицании как со стороны ближайшего окружения индивида, так и со стороны общества в целом, благодаря повсеместно распространяемой и тщательно поддерживаемой «идеологии успеха». Наградные же акции выступают как потенциальные, предусмотренные в обществе, но заслуживаемые индивидуальными усилиями, а потому в действительности поощрение получают

не все, а лишь те, кто этого достоин и заслужил по факту самого получения награды, а не по объективно затраченным усилиям. В данном случае обоснование строится в соответствии со своеобразной «перевернутой логикой»: «не достиг успеха — значит не заслужил, потому что недостаточно трудился и старался». Хотя объективно причинно-следственная связь между данными суждениями и фактами не носит однозначно необходимого характера, связь между ними является скорее знаково-символической, религиозной, в духе протестантской этики. Мысль о том, что кто-то из достойных награды не получил ее, просто не допускается или расценивается как попытка оправдания неудачника, или, в более глубинном смысле, свидетельствует об отсутствии богоизбранности.

Р. Мертон также отмечает, что в переложении на социологический язык указанные им три культурные аксиомы означают, «...во-первых, перенос критики среди тех, кто в силу своего положения в обществе лишен полного и равного доступа к возможностям, с социальной структуры на собственное Я; во-вторых, сохранение структуры власти в обществе путем принуждения индивидов, принадлежащих к низшим социальным стратам, к самоидентификации не с равными себе, а с теми, кто находится на самом верху (и к кому они в конечном счете присоединятся); в-третьих, обеспечение давлений, заставляющих подчиниться культурному диктату неумеренных амбиций, через угрозу неполного членства в обществе для не выполнивших это требование» [15, 254].

В данном случае Р. Мертон, по сути, указывает на тот «социальный механизм», действие которого в свое время вскрыл К. Мангейм в работе «Идеология и утопия» [14]. Хотя следует отметить определенную специфику его функционирования в условиях американского общества.

Если допустить относительно вольную интерпретацию точки зрения Р. Мертона, то можно отметить, что идеологическое давление в американском обществе, навязывающее определенные цели и связанные с ними ценности низшим слоям, является более тонким и сложным, а также вполне осознанным инструментом манипуляции общественным сознанием, применяемым для сохранения власти верхушки общества и не допускающим даже предпосылок к складыванию альтернативных «утопических» концепций, а тем более опирающихся на них оппозиционных движений.

В результате, как резюмирует Р. Мертон, «именно в этих условиях и благодаря этим процессам нынешняя американская культура продолжает характеризоваться превознесением богатства как основного символа успеха и отсутствием соответствующего акцентирования законных путей, по которым можно было бы проследовать к этой цели» [15, 254]. Таким образом, американское общество продолжает относительно успешно функционировать, несмотря на присутствующую и разрастающуюся, по мнению Р. Мертона, аномиию.

Дополняя и развивая вывод Р. Мертона, можно отметить, что происходит это благодаря в первую очередь двум основным указанным выше факторам: во-первых — исторически укорененному в ментальности американцев и поддерживаемому в общественном сознании протестантской этикой и религией стереотипу, связанному с экономической деятельностью [3], который условно и кратко можно

назвать «идеология успеха», а во-вторых — изошренному и жесткому (фактически — тоталитарному) идеологическому давлению, которое поддерживает и навязывает данный стереотип.

Возможно, поэтому Р. Мертон хотя и вскрывает недостатки «американской мечты» и лозунга об «обществе равных возможностей», которые приводят к аномии, тем не менее, являясь носителем американской ментальности, склонен по преимуществу негативно оценивать те варианты форм приспособления, которые не ориентированы на достижение господствующей в данной культуре цели — «денежного успеха» (или, в более широком варианте, предложенном А. К. Коэном, — на повышение своего статуса [9]), и потому связывает ценности в первую очередь с целью.

Однако данная цель и связанные с ней ценности, несмотря на их широкое распространение, не являются общепринятыми или универсальными даже в современном американском обществе, несмотря на то, что «вестернизация» и «американизация» оказали и продолжают оказывать большое влияние на различные цивилизации и конкретные культуры.

Поэтому, применяя концепцию Р. Мертонa в исследовании конкретного общества, необходимо учитывать цивилизационные и ментальные различия, религиозные и культурные ценности различных социальных групп и этносов, например, традиционные ценности и уклад малых народов.

Переходя к общей характеристике типов индивидуального приспособления и теории «аномии», необходимо отметить, что в своей концепции Р. Мертон делает акцент на описании, по сути, обобщенной идеализированной модели по преимуществу статичного стабильного гомогенного общества или общества, которое стремится к такому состоянию или его поддержанию с помощью культурных стереотипов, поддерживаемых и навязываемых тотальной жесткой идеологией. Если обратиться к истории, то данной модели максимально соответствовали традиционные общества, а в XX в. общества с национал-социалистической идеологией, в первую очередь фашистская Германия. Отчасти ей соответствовали общества с буржуазной и коммунистической идеологией, прежде всего американское и советское общества в период их идеологического противостояния. Хотя при этом в реальности и то и другое общества включали различные этнокультурные и религиозные общности со своими культурными целями и ценностями.

Большинство современных обществ (в первую очередь российское, американское и европейские) становятся еще более гетерогенными. Так, например, современное российское общество является поликультурным, поликонфессиональным, включающим различные сохраняющие свою самобытность социальные группы с разными системами ценностей и культурными нормами. В дополнение к этому в современном российском обществе происходит смена и при этом наличествует сосуществование преобладающих культурных целей, ценностей и институциональных норм.

Несмотря на указанные недостатки концепции Р. Мертонa, она до сих пор сохраняет значительный эвристический потенциал, в том числе применительно к изучению современного российского общества. При этом она может быть

использована не только для исследования его структуры и функционирования, но и для анализа социальных изменений.

Таким образом, концепция типов индивидуального приспособления и теория «аномии» Р. Мертон применима в первую очередь для изучения либо гомогенного общества, либо общества, стремящегося к такому состоянию в результате давления тотальной идеологии.

С другой стороны, концепцию Р. Мертона можно рассматривать как обобщенную идеализированную модель, которая, при условии определенного ее развития и в сочетании с другими концепциями, может быть применима и к изучению гетерогенного общества, а также социальных изменений, причем не только эволюционных, но и революционных, что, например, наглядно иллюстрируют исследования П. Штомпки, который включил в свою концепцию «культурной травмы» некоторые положения мертоновской теории [25].

Для изучения постсовременного общества (в том числе и российского) можно предложить направление развития концепции Р. Мертона, предполагающее ряд следующих мер («шагов»): расширение количества типов индивидуального приспособления (например, в результате введения дополнительных оснований или рассмотрения в качестве отдельных переменных культурных ценностей или разграничения норм права и морали); дифференциацию оценки девиантных типов (например, за счет разграничения позитивной и негативной девиации) вместо однозначно негативной, как у Р. Мертона; установление связи изучения социальной структуры (как основы) с исследованием социальной динамики (например, в результате выявления конфликтных отношений) и, следовательно, расширение понятия аномии (например, за счет введения понятий позитивной и негативной аномии).

При этом, применяя концепцию Р. Мертона к анализу конкретного общества, в том числе российского, следует учитывать его цивилизационные особенности, культурное своеобразие и разнообразие, а также специфику его ментальности.

1. *Афанасьев В. С.* Эволюция концепции аномии в социологии девиантного поведения // Рубеж (альманах социальных исследований). 1992. № 2. С. 69–81.

2. *Вебер М.* Социология религии // Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 78–308.

3. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произведения : пер. с нем. М., 1990. С. 61–272.

4. *Гилинский Я. И.* Социология девиантного поведения и социального контроля : краткий очерк // Рубеж (альманах социальных исследований). 1992. № 2. С. 51–68.

5. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда ; Метод социологии. М., 1991. С. 3–390.

6. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд : пер. с фр. с сокр. М., 1994.

7. *Кавецкий С. Т.* Аномалии общественного развития в период системной трансформации // Философско-культурологические идеи академика В. С. Стёпина в свете современных социальных трансформаций : материалы междунард. науч. конф., Минск, 4–5 нояб. 2014 г. Минск, 2015. С. 65–68.

8. *Клауорд Р. А., Оулин Л. Е.* Дифференциация субкультуры // Социология преступности : пер. с англ. М., 1966. С. 334–354.

9. Коэн А. К. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня: Проблемы и перспективы. М., 1965. С. 519–550.
10. Кравченко С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социол. исслед. 2014. № 8. С. 3–10.
11. Кравченко С. А. Игровая социализация российского общества: (К обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 143–155.
12. Кривошеев В. В. Особенности аномии в современном российском обществе // Социол. исслед. 2004. № 3. С. 93–97.
13. Макайвер Р. Социальные причины преступности // Социология преступности. С. 75–82.
14. Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 7–94.
15. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
16. Монахов В. В. Теоретические подходы и предметные рамки изучения правового нигилизма в российском обществе // Вестн. Нижегород. ун-та им. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2011. № 1(21). С. 58–65.
17. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 73–520.
18. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.
19. Сатерленд Э. Х. «Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями?» // Социология преступности. С. 45–60.
20. Селлин Т. Конфликт норм поведения // Там же. С. 282–288.
21. Селлин Т. Социологический подход к изучению причин преступности // Там же. С. 27–39.
22. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М., 2006. С. 305–366.
23. Сорокин П. А. Система социологии : в 2 т. Т. 2 : Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М., 1993.
24. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2007.
25. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социол. исслед. 2001. № 1. С. 6–16.
26. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Там же. № 2. С. 3–12.
27. Dubin R. Deviant Behavior and Social Structure: Continuities in Social Theory // ASR. 1959. Apr. P. 147–164.

Рукопись поступила в редакцию 30 января 2018 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 37.013:316.74 + 378-057.175:81'24

М. О. Гузикова
О. Л. Кочева

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ И ПОЛИЯЗЫЧНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК КОНТЕКСТ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В статье обосновывается создание обучающей среды, так называемого «третьего образовательного пространства», способствующей развитию культурного интеллекта, необходимого для успешной деятельности в быстроменяющихся условиях международного сообщества. На основе данных, полученных с применением качественных методов фокус-групп и глубинного интервью и проанализированных методом Майлза и Губермана, показано, что действующие подходы к обучению иностранным языкам не ведут к появлению такой среды. Утверждается необходимость переосмысления роли преподавателя как созидателя поликультурного обучающего сообщества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поликультурная и полиязычная образовательная среда, обучение иностранным языкам, «третье образовательное пространство», культурный интеллект.

Задача тех, кто сегодня изучает иностранные языки, в частности английский, — получить не только качественное современное образование, но и конкурентное преимущество, дающее возможность ассоциировать себя с «гражданином мира», способным применять профессиональные навыки в мультикультурной команде [12]. Исследования показывают, что зачастую именно навыки общения в гетерогенной культурной среде привлекают и мотивируют тех, кто настроен на обучение иностранному языку с помощью носителя языка и/или в среде с представителями других культур и языков [8]. Показано, что в такой среде общение протекает легче, навыки говорения формируются быстрее [10], языковой барьер стирается.

Обучение на иностранном языке в образовательных учреждениях с высоким процентом «diversity», а именно иностранных преподавателей и обучающихся, — фактор привлекательности той или иной образовательной системы. Представляется, что и для современной России, стремящейся к экспорту своих образовательных услуг, к интернационализации образования, умение сформировать полиязычную и поликультурную образовательную среду — критический

фактор успеха. Опыт, накопленный российским высшим образованием в процессе функционирования в рамках Программы повышения конкурентоспособности с 2013 г., показывает, что подход к формированию такой среды во многом механистичен, концентрируется на повышении качества языковой подготовки студентов, обучении английскому языку сотрудников для целей общения с иностранными обучающимися и профессорами [4], а также на повышении научной продуктивности и пока в незначительной степени принимает вид разработки общей идеологии создания такой среды.

Данная ситуация не уникальна для российского образования, ведь для многих стран, поставивших себе цель интернационализации образования, начальный период подразумевал стремление как можно быстрее внедрить английский язык как язык обучения и инструмент исследований, чтобы предотвратить потерю лучших студентов и привлечь студентов из-за рубежа [9]. На первом этапе в нацеленных на интернационализацию вузах частым явлением была разобщенность личного образовательного опыта местных и привлеченных студентов и преподавателей, некий «токенизм» иностранцев в вузе, когда символическая ценность присутствия представителей других культур и языков была выше практической ценности многоязычного общения с ними. Иностранные студенты и преподаватели присутствовали в образовательной среде скорее как знак, символ интернационализации, но не как реальный призыв и посыл к развитию навыков межкультурного общения. Было отмечено, что, несмотря на «искусственность» межкультурной среды, присутствие иностранных преподавателей мотивирует к более быстрому развитию навыков устной речи [31]. Опыт российской высшей школы, накопленный за период политики активной интернационализации, доказал, что хотя изменения в нашем образовательном пространстве и воспроизводят мировые тренды, но с точки зрения внедрения полиязычной и поликультурной среды эти изменения носят скорее поверхностный, а не стратегический характер.

В настоящей статье выдвигается тезис о том, что создание среды для обучения конкурентоспособного профессионала мирового уровня, владеющего языками международного общения, невозможно без изменения парадигмы обучения навыкам межкультурного общения. В статье предлагаются обоснование и пути для внедрения идеологии «третьего культурно-образовательного пространства», позволяющего участникам такой среды развивать свой культурный интеллект и готовящего к успешной деятельности в многообразном и быстроменяющемся мире.

Исследователи едины в том, что английский язык стал глобальным языком общения [24, 13, 22]. Его распространение настолько широко, что впору, вслед за Б. Качру, не только говорить о вариативности английского как в случае с Австралией, Канадой и Новой Зеландией, но и принимать во внимание то, что получило название World Englishes: китайский вариант английского, японский вариант и т. д. [13, 18]. Некоторыми исследователями высказывается мнение, что в принципе английский язык уже давно контекстозависим [23]. Более того, если использовать технический язык, то можно сравнить коммуникацию на английском в разных культурных контекстах с модуляцией как реакцией на волновой сигнал-сообщение. Таким образом, происходит модулирование смыслов с наделением

их местным культурным колоритом [30, 119]. Следовательно, английский язык тесно увязывается с языковой практикой и навыками тех людей, которые на нем осуществляют коммуникацию [27].

Мировая практика преподавания иностранного языка не стоит на месте и развивается вместе с системой образования в целом, отражая сложности переживаемого момента и меняющиеся потребности социума. Английский язык переживает трансформацию парадигмы преподавания наиболее заметным образом. Это обусловлено, несомненно, его ролью как языка международного общения. Английский язык широко используется научно-образовательным и бизнес-сообществами. Это находит свое отражение в том, что продолжают существовать и появляются функциональные подходы к использованию английского языка как инструмента: English as a Medium of Instruction (английский как средство обучения), English for Academic Purposes (английский для академических целей), English for Specific Purposes (английский для специальных целей). По мнению некоторых исследователей [17, 29], меняется парадигма преподавания английского языка: взамен привычного EFL (English as a foreign language — английский язык как иностранный) приходит к ELF (English as a lingua franca — английский как язык общения) или близкий ему по духу World Englishes или Global Englishes [19, 26]. Тематика конференций для профессионалов в области преподавания иностранных языков показывает, что российские преподаватели в курсе изменяющихся тенденций и стремятся к выработке методических подходов, которые отражали бы изменения контекста функционирования иностранных языков¹.

Как пишет К. Крамш, в мире сложился такой подход к преподаванию иностранного языка, который условно можно описать как развитие четырех навыков: говорения, чтения, письма и аудирования плюс страноведческий компонент [21]. Сегодня общение на английском происходит не только и не столько между носителями языка и владеющими английским языком на том или ином уровне, но прежде всего между не-носителями языка для решения своих прагматических задач [29]. Очевидно, что парадигма EFL ставит под сомнение такой подход, потому что совершенно непонятно, страноведческий компонент какой страны следует изучать в случае ELF. В некоторых странах учебники английского уже написаны без привязки к какой-то определенной стране или культуре [15].

При подготовке специалистов по лингвистике или переводу знакомство с культурой страны изучаемого языка вынесено в такие отдельные дисциплины, как лингвострановедение и межкультурная коммуникация [7, 6, 1]. Обучающиеся на неязыковых направлениях изучают эти дисциплины крайне редко. В российской системе образования акцент на межкультурную коммуникацию во многом предопределен подходами к многообразию культур, описанными в теориях Холла, Хофстеде, Тромпенаарса и проч., получившими свое развитие в период господства идеологии мультикультурализма. Все эти подходы объединяет убеждение, что понимание между людьми достигается не только путем освоения языка общения,

¹ См. материалы конференций 2017 г.: <http://confer.mephi.ru/rus/event/3226/>, <http://eapconference.misis.ru>, <https://lang.hse.ru/croscom/2017/>

но и путем осознания различий, отличающих представителей одной культурной общности от другой. В последнее время идеи мультикультурализма подвергаются критике, мы наблюдаем изменения в отношении к мультикультурализму в общественном сознании. В немалой степени этому способствовала произошедшая в ходе внедрения политик мультикультурализма подмена социальных причин конфликтов культурными факторами, все противоречия в обществе стали приписываться лишь наличию культурных различий между социальными группами [3]. Кроме того, понимание культурного своеобразия не препятствует укоренению стереотипных представлений о той или иной культуре и не ведет к уменьшению непониманий, конфликтов, неприятия чужих культурных ценностей.

И хотя методика качественного анализа не всегда требует выдвижения гипотезы исследования [16], в нашей работе была выдвинута гипотеза о том, что, несмотря на процесс интернационализации вуза и появление мультинациональной и полиязычной студенческо-преподавательской среды, основная схема преподавания иностранного языка игнорирует необходимость формирования навыков межкультурного общения как культурного интеллекта в ситуации превращения английского языка в язык международного общения и соответствует схеме, описанной К. Крамш.

Для того чтобы подтвердить либо опровергнуть эту гипотезу, были проведены фокус-группы со студентами языковых и неязыковых направлений подготовки и глубинные интервью с преподавателями иностранного языка и администраторами университета. Фокус-группы и интервью были построены вокруг одних и тех же смысловых конструктов. Полученные данные были проанализированы методом концептно-компонентного анализа, предложенного М. Майлзом и Э. Губерманом [25]. Валидность и надежность исследования достигались за счет получения перекрестных данных от студентов, с одной стороны, и от преподавателей, с другой. Авторы исследования не могут гарантировать, что они были полностью лишены предвзятости, так как, будучи сами преподавателями иностранных языков, не исключают того, что вполне могли спроецировать собственный опыт на формулировку вопросов для фокус-групп и интервью. Авторы также считают, что многие концепты, о которых шла речь в интервью, в особенности такие как «культура», «социум», «навыки и умения», могут интерпретироваться весьма широко. Но поскольку перед авторами стоял вопрос именно о преобладающей парадигме подхода к изучению культурного контекста иностранного языка, то интерпретативная «вольность» представляется допустимой. Выборка участников фокус-групп и интервью происходила случайным методом из студентов 1–4 курсов как языковых, так и неязыковых направлений подготовки и преподавателей иностранного языка. Всего опрошено 53 студента и 12 преподавателей.

Исследование было проведено в Уральском федеральном университете, поэтому по существу оно представляет собой описание конкретного кейса. Генерализация кейса, которая не входила в задачи данного исследования, может быть при желании осуществлена путем помещения его в исследования подобной тематики.

Из ответов преподавателей можно судить о преобладающей приверженности к традиционной модели обучения, в которой идеалом служит носитель языка:

«Желательно, чтобы носитель языка и русскоязычный преподаватель работали в паре в аудитории» (жен., ассистент, 23 года); *«Роль англоязычного лектора мотивирует студентов. При этом русскоязычный преподаватель может отдельно консультировать тех, чьи навыки и умения недоотягивают до приемлемого уровня»* (муж., ст. преподаватель, 32 года).

Преподаватели обучают тому английскому языку, к которому они привыкли и которому сами обучались когда-то, с небольшой вариативностью в приемах предъявления лексического материала и закрепления изученного. Кроме того, понятие культурной информации в такой модели обучения фактически сведено к традиционному набору страноведческих фактов, мало отличающемуся от предлагаемого школьной программой: *«В страноведческих текстах содержится много информации о языковых реалиях»* (жен., доцент, 45 лет); *«Мы стараемся обучать студентов по аутентичным учебникам, и они знакомят с культурой в достаточном объеме»* (жен., ст. преподаватель, 37 лет).

Из этих и подобных им ответов видно, что культурные смыслы и культурные символы англоязычной страны никак не подразделены и вдобавок преподаватели не ощущают своей ответственности в качестве посредников между двумя менталитетами — русским и английским. Концепт «культура» понимается узко, нет осознания связи культуры и языка. Культурное просвещение ограничивается общением с преподавателем-носителем и освоением материалов аутентичных учебников.

Из ответов студентов также можно судить о том, что они весьма поверхностно понимают важность культурной наполняемости изучаемого языкового материала. Студенты ссылаются на привычные мотивирующие факторы для совершенствования своего языкового уровня, к которым относятся возможность обучения у преподавателя — носителя языка или возможность уехать учиться за границу: *«Английский язык надо изучать с носителем, чтобы научиться говорить на нем, как они»* (жен., 2 курс, 19 лет); *«Хочу, чтобы меня принимали за „своего“, когда я поеду в магистратуру в англоязычную страну»* (муж., 3 курс, 20 лет). Небольшое количество опрошенных (7 чел.) выразило желание узнать о других, не похожих на британскую или американскую, культурах: *«Я много знаю об английской культуре и сейчас хотел бы узнать что-то об австралийской или новозеландской»* (муж., 3 курс, 21 год).

подавляющее большинство считают, что им хватает того объема культурной информации, какой они получают в аудитории: *«Мне пока хватает того, что дают на занятиях. Если я пойму, что этого недостаточно, буду думать, как решить проблему»* (муж., 2 курс, 19 лет); *«Я готовилась к сдаче международного экзамена и в процессе поняла, что можно всего лишь „набить руку“ на учебных тестах, не углубляясь в детали культуры»* (жен., 3 курс, 20 лет).

Практики пользования студентами сетью Интернет сведены к выполнению упражнений, предлагаемых учебными сайтами, и к общению по скайпу с таким же не-носителем английского языка (3 чел.). Такие возможности Интернета, как блогговая коммуникация, просмотр фильмов на английском языке или чтение в оригинале источников, содержащих релевантную культурную информацию,

не используется вовсе или используется мало, так как, по-видимому, студентам необходим внешний посыл, чтобы изменить их устоявшийся алгоритм погружения в аутентичную среду: *«В школе я учил немецкий язык, а английский стал учить самостоятельно, практикуясь по скайпу с таким же не-носителем, как я»* (муж., 1 курс, 18 лет); *«Сейчас очень много программ и пособий онлайн, и, если надо, например, подготовиться к международному экзамену, можно легко это сделать»* (жен., 4 курс, 24 года).

Общение в классе со студентами-носителями воспринимается российскими студентами как еще одна возможность улучшить свои разговорные или лексические навыки и не более: *«Они носители языка, и это для меня хороший шанс преуспеть в моем английском»* (муж., 3 курс, 21 год); *«Они другие, так как говорят лучше меня. Я старюсь внимательно слушать, запоминать, как и что они говорят, и пытаюсь повторять»* (жен., 1 курс, 18 лет).

Если взять за основу, что язык — это код, репрезентирующий наши мысли, то, общаясь, мы посылаем вербальные сигналы в надежде, что собеседник поймет наш код и осмыслит послание именно так, как мы задумали. Усилия по формированию осознанного принятия чужого пространства более результативны в условиях общения с представителями других культурных групп. Парадигма межкультурной коммуникации предполагает кодирование и декодирование языковой информации при помощи культурных факторов. Такой подход подвергается критике в теории кросс-культурного общения, культурного интеллекта. Эта теория говорит о том, что контекст общения не определяется только культурными факторами, он многогранен и изменчив. На него влияют аттитюды как личности, так и группы, что подразумевает необходимость использования метаязыка. В таком случае более уместно говорить о «третьем контексте» [11], в котором ни один из собеседников не стремится ни дозвонить над другими, ни подавлять себя как личность.

Подход так называемого «третьего пространства», разработанный в рамках постколониальной социокультурной критической теории исследователем культуры Х. Бхабхой и адаптированный к сфере образования, урбанистической теории и проч., подразумевает, что у двух субъектов общения есть свои пространства — первое и второе, а «третье пространство» есть место возникновения новых значений и смыслов путем взаимодействия первого и второго пространств, некий гибрид этих двух. При этом в ценностных установках другой культуры или личности может быть нечто, что не может быть принято, интернализировано. Несопоставимость ценностных установок при этом не является препятствием для коммуникации, а, наоборот, предполагает, что по некоторым вопросам консенсус может не достигаться [28]. «Третье пространство» в большей степени отвечает вызовам быстро меняющегося мира, нарастанию взаимодействий в условиях отсутствия опыта общения. Идея «третьего пространства» предполагает необходимость критического осмысления своих культурно-ценностных установок, умение говорить о них, развитие метакогнитивных навыков общения. Преимуществом теории «третьего пространства» является акцент не на дуальности, противопоставлении и конфликте, а на возможности понимания, коммуникации и нахождения позиций, объединяющих участников общения.

Для осознания как своих, так и чужих культурно-ценностных установок необходим сформированный когнитивный самоконтроль, предполагающий, что личность находится в режиме постоянной осознанности, занимается самооценкой, самопознанием и поиском выхода из проблемной ситуации. Для этого необходимо наличие неких стандартов, по которым личность себя оценивает и мотивированно проявляет способность трансформироваться, чтобы соответствовать данным стандартам. Эти наблюдения за собой и другими в постоянно меняющихся обстоятельствах общения позволяют сформироваться привычке не идти на поводу у негативных аттитюдов.

С изменившимся глобальным контекстом изучения английского языка знание о культурных различиях коммуникантов само по себе не является предпосылкой выстраивать и следовать изученной схеме межличностного взаимодействия, которая интерпретирует это самое общение в узком смысле, а именно как обмен информацией. К тому же высок риск сползания к стереотипизации поведенческих проявлений и поверхностного толкования или игнорирования возникающих новых контекстов. В такой ситуации именно «третье образовательное пространство», в котором происходит осознанная коммуникация между представителями разных культурно-ценностных установок, есть поле для выработки навыков эффективного межкультурного взаимодействия и культурного интеллекта. Исходя из теории культурного интеллекта, личность, обладающая им на высоком уровне, демонстрирует осознание того, откуда возникают стереотипы, а значит, способна их критически осмысливать и трансформировать в новые культурные установки. Эта личность проецирует поведение и высказывания представителей другой культуры в контекст самого поведения, тем самым отстраненно интерпретируя исходящие угрозы и адаптируясь к контексту с минимальными потерями. Эта демонстрация гибкости ума и быстроты принятия решений — залог будущей профессиональной успешности личности.

В условиях полиязычной и поликультурной образовательной среды межкультурное общение студентов происходит на равных условиях и вне зависимости от социального статуса, так как в аудитории и вне ее общается не носитель языка с не-носителем. Исчезает элитарность, свойственная языковым носителям, сама проблема языкового совершенствования становится второстепенной, а на передний план выходит поиск своего места в неизведанном ранее многоязычном контексте.

Не только педагогические принципы и методы в таком обучающем контексте требуют переосмысления, трансформации подлежит и сама концепция обучения в вузовской среде. Внимание фокусируется не на отдельные компетенции, которым надо обучить, а на создание экзистенциальной стратегии, составляющей основу жизненного маршрута личности. Человек ближайшего десятилетия должен быть готовым к смене профессиональной деятельности в ответ на вызовы времени и общества. Кроме того, он будет способен находить новые смыслы в сотрудничестве с другими путем создания поликультурного сообщества. Это «сообщество практик» опирается не на сумму отдельных личностных компетенций, а на синергию групповой компетенции, эффективность которой зависит от новых

лидеров — «садовников сред», если воспользоваться метафорой профессора П. Лукши [2]. В условиях технологических прорывов и социально-политической турбулентности именно эти лидеры смогут возвращать и поддерживать в коллективе способность воспринимать происходящие изменения в позитивном свете, нацеливаться на поиск решений, тем самым создавая нужную среду, лишённую шаблонов мышления и наполненную созидательным творчеством. Если раньше акцент ставился на поиске лидера новой формации, на формулировании характеристик личности, выделяющих лидера из числа других членов группы, то теперь главным становится определение механизмов организации эффективного сообщества, в котором роль лидера скорее адаптивная, влекущая за собой обновление сообщества практик [20].

Способность ощущать необходимость перемен и трансформировать контекст с пользой для своей группы свидетельствует о развитых метанавыках личности, которые полнее всего проявляются в проектной деятельности. Проектная деятельность в различных формах реализуется в академической среде, особенно в условиях обучения иностранному языку, поскольку здесь накоплен необходимый опыт по созданию условий для совместной деятельности любой группы, в том числе поликультурной. Традиционная роль преподавателя как посредника между культурами в новых сообществах практик приобретает качественно новый смысл: он принимает на себя функцию «садовника среды», тем самым идентифицируясь с ролью лидера полиязычной группы.

Ответы преподавателей, полученные в ходе исследования, носили по большей части декларативный характер и затрагивали традиционную важность со-изучения языка и культуры без конкретного указания на новые культурные смыслы, которыми необходимо овладеть как студентам, так и преподавателям. Такие результаты не являются характерными только для данного российского университета. Похожая картина прослеживается и в мировой практике [14], что является показателем недостаточной осознанности преподавателями своей роли в новой образовательной модели. Для создания «третьего образовательного пространства» необходимо изменить подход к учебной среде и роли в ней всех акторов, в особенности преподавателей, которые станут «носителями новой идеологии и технологии педагогического образования» [5, 186]. В контексте интернационализации высшего образования ставится задача развития новых преподавательских компетенций, новых моделей обучения в полиязычной и мультикультурной среде.

1. *Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М., 2003.

2. *Кравченко И.* «Хороший человек» станет профессией [Электронный ресурс]. URL: <https://takiedela.ru/2017/09/khoroshiy-chelovek-stanet-professiy/> (дата обращения: 17.01.2018).

3. *Малахов В. С.* Культурный плюрализм versus мультикультурализм // *Логос*. 2000. № 5/6. С. 5–8 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_5_6/2000_5-6_01.htm (дата обращения: 31.01.2018).

4. Полиязычная образовательная среда: модели, пути создания, практики : моногр. / под ред. М. О. Гузиковой, А. Л. Невוליной. Екатеринбург, 2016.

5. Соколова И. И. Концептуальные основы совершенствования и развития педагогического образования в России // Человек и образование. 2014. № 2(39). С. 178–188.
6. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
8. Altbach P. Perspectives on internationalizing higher education // International Higher Education. 2015. № 27.
9. Altbach P. et al. The road to academic excellence: the making of world-class research universities. World Bank, 2011.
10. Aubrey S. Measuring flow in the EFL classroom: learners' perceptions of inter-and intra-cultural task-based interactions // TESOL Q. 2017. 51. P. 661–692.
11. Bhabha H. K. et al. The location of culture. L., 2012.
12. Coleman J. A. English-medium teaching in European higher education // Language teaching. 2006. Vol. 39, № 1. P. 1–14.
13. Crystal D. English as a Global Language. Second edition. Cambridge, 2012.
14. Dearden J. English as a medium of instruction: A growing global phenomenon. UK, 2015.
15. Dutra D. P. Multilingualism in action // Полиязычная образовательная среда: модели, пути создания, практики. С. 80–88.
16. Gibton D. Researching education policy, public policy, and policymakers: qualitative methods and ethical issues. L., 2015.
17. Jenkins J. English as a lingua franca in the international university: the politics of academic English language policy. L., 2013.
18. Kachru B. B. (ed.). The other tongue: English across cultures. University of Illinois, 1992.
19. Kachru B., Nelson C. World Englishes // McKay S. L., Hornberger N. H. (eds). Sociolinguistics in Language Teaching. Cambridge, 1996. P. 71–102.
20. Kim T.J. Leadership in context. The King's Fund. 2011 [Electronic resource]. URL: <https://www.kingsfund.org.uk/sites/default/files/leadership-in-context-theory-current-leadership-development-practice-kim-turnbull-james-kings-fund-may-2011.pdf> (accessed: 17.01.2018).
21. Kramsch C. Context and culture in language teaching. Oxford, 2016.
22. Leitner G., Hashim A., Wolf H. (eds.) Communicating with Asia: the future of English as a global language. Cambridge, 2016.
23. López A. L., Jiménez R. C. (eds.). English in the European context: the EHEA challenge. Bern, 2010.
24. McKenzie R. The social psychology of English as a global language: attitudes, awareness and identity in the Japanese context. Springer Science and Business Media, 2010.
25. Miles M. B., Huberman A. M. Drawing valid meaning from qualitative data: Toward a shared craft // Educational researcher. 1984. Vol. 13, № 5. P. 20–30.
26. Pennycook A. Global Englishes and transcultural flows. L., 2007.
27. Pennycook A. Language as a local practice. L., 2010.
28. Rutherford J. The Third Space. Interview with Homi Bhabha // Identity: Community, Culture, Difference. L., 1990 [Electronic resource]. URL: <http://www.wsp-kultur.unibremen.de/summerschool/download> (accessed: 17.01.2018).
29. Seidlhofer B. Understanding English as a lingua franca. Oxford Applied Linguistics. Oxford, 2013.
30. Tham S. A study of the evolution of the Malay language: social change and cognitive development. Singapore, 1990.
31. Yashima T. Willingness to communicate in a second language: the Japanese EFL context // The Modern Language Journal. 2002. 86: 54–66.

Рукопись поступила в редакцию 19 февраля 2018 г.

УДК 37.014.25(1-6) + 37.014.3

А. М. Бобыло

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ АТР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

В статье предпринята попытка концептуализации и анализа теоретических моделей интернационализации образования, характерных для ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Применяются методы сравнительного и ситуационного анализа. Предложенная автором классификация моделей интернационализации основывается на выявлении общих и специфических черт национальных реформ высшей школы, а также стратегических ориентиров указанных государств на мировой арене. Охарактеризованные национальные практики в сфере интернационализации образования дают представление о достоинствах/недостатках выделенных моделей, позволяют определить место и дальнейшую траекторию России на пути реализации эффективной образовательной политики на азиатско-тихоокеанском направлении.

К л ю ч е в ы е с л о в а: интернационализация образования, модели интернационализации, АТР, реформа образования.

За последние десятилетия практически все развитые страны предпринимали различные по глубине и масштабам реформы национальных систем образования, включая в свои программы такой важнейший компонент, как интернационализация. Для вузов интернационализация — это возможность усилить свое влияние в стране и за рубежом через развитие стратегических партнерств, расширить круг академического сообщества за счет привлечения лучших иностранных исследователей и преподавателей, расширить компетенции своих выпускников, востребованные глобальным рынком труда.

Не стали исключением в этом плане и страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Для многих ведущих стран АТР интернационализация образовательной сферы явилась одним из определяющих факторов «экономического чуда» (Китай, Япония, Республика Корея, Сингапур, Малайзия), способствовала ускорению их социального и культурного прогресса. Процесс поиска этими странами своего «места под солнцем» заставляет их в ускоренном режиме осваивать знания и практики стран — лидеров международного рынка образования (США, Австралия, Новая Зеландия). Однако, начав копировать «лучшие практики» индустриальной образовательной системы, правительства этих стран стали серьезно задумываться и о создании собственных образовательных систем, сопоставимых по институциональной плотности с западными [10, 21].

В то же время в ряде стран АТР спрос на образовательные услуги университетов не удовлетворяется в полной мере (Вьетнам, Индонезия, Филиппины, Камбоджа, Таиланд и др.), государственная поддержка не увеличивается, инфраструктура высшего образования не адекватна современным требованиям в таких сферах, как правила доступа, стратегии обучения, содержание учебных планов и др. Разрыв в предоставлении образовательных услуг и их качестве

между развитыми и развивающимися странами неуклонно растет, что заставляет последние обращаться к опыту зарубежных стран, адаптируя его к собственным потребностям.

Стратегии интернационализации образования в странах АТР обусловлены национально-историческими особенностями и традициями, однако в целом могут быть сведены к следующим основным направлениям:

- подготовке специалистов для национальных экономик зарубежных стран (экспорт образования);
- реализации академических обменов с зарубежными вузами (приобретение и заимствование зарубежного опыта);
- развитию образовательного и научного сотрудничества (совместные программы и проекты, сетевые объединения) с зарубежными вузами;
- распространению национального языка за рубежом (наращивание международного влияния — ресурса «мягкой силы»).

В зависимости от степени зрелости национальных систем образования достаточно условно можно выделить три модели интернационализации образования в рамках которых она может осуществляться:

- а) *либеральная (англосаксонская) модель «образование на экспорт»* для группы развитых стран, решающих задачу перехода к новой образовательной системе (США, Австралия, Новая Зеландия, Сингапур, Малайзия);
- б) *консервативная (азиатская) модель «для потребностей национальной экономики»*, характерная для группы быстроразвивающихся стран, уже создающих у себя образовательные системы по образцу развитых стран (Япония, КНР, Республика Корея);
- в) *транзитная (догоняющая) модель* для группы отстающих стран, только начинающих создавать образовательные институты, отвечающие мировым стандартам (Россия, Вьетнам, Филиппины, Индонезия).

Основные характеристики выделенных моделей представлены в табл. 1.

Разумеется, ни одна из моделей как таковая не может существовать в чистом виде. Образовательные стратегии большинства стран находятся в смешанном (переходном) состоянии. Траектория государственной образовательной политики зависит от многих факторов (материальных ресурсов, политической конъюнктуры, национальных особенностей страны) и может значительно изменяться со временем.

Либеральная (англосаксонская) модель «образование на экспорт». В рамках данной модели выделяются две группы стран: традиционные лидеры международного образования (США, Австралия) и новые страны-экспортеры (Новая Зеландия, Сингапур, Малайзия). Объединяет страны англосаксонской модели наличие четко сформулированных стратегий по увеличению числа иностранных студентов, включая их количество, объемы экспорта, жестко прописанные пошаговые мероприятия и координацию работы ответственных министерств и ведомств, определение основных стран приема и разработку маркетинговых планов по каждой стране.

Таблица 1

**Основные характеристики моделей интернационализации образования
в странах АТР**

Параметр сравнения	Либеральная модель «образование на экспорт» (США, Австралия, Новая Зеландия, Сингапур, Малайзия)	Консервативная модель «образование для потребностей национальной экономики» (КНР, Япония, Республика Корея)	Транзитная «догоняющая» модель (Россия, Вьетнам, Филиппины, Индонезия)
Уровень дохода от иностранных студентов	Высокий	Средний	Невысокий
Студенческая мобильность: а) входящая б) исходящая	Высокая Высокая	Невысокая Высокая	Невысокая Невысокая
Международная академическая репутация: а) престижность диплома б) известность профессорско-преподавательского состава в) перспективы трудоустройства	Высокая Высокая Хорошие	Средняя Высокая Незначительные	Средняя Средняя Незначительные
Язык преподавания	Английский	Национальный + + английский	Национальный + + английский
Дистанционное обучение	Доступно	Доступно	Труднодоступно
Франчайзинг образовательных программ	Да	Нет	Нет
Зарубежные филиалы и кампусы	Да	Нет	Нет

Университеты вовлечены в жесткую конкурентную борьбу за привлечение студентов. Многие открывают новые институты или филиалы за рубежом, реализуют франчайзинг образовательных программ и т. д. Отдельные институты и даже целые системы высшего образования специализируются в соответствии со своими конкурентными преимуществами. Возникает и развивается международное разделение труда в сфере высшего образования, в результате которого одни страны достигают престижа в сфере предоставления качественных программ

преддипломного обучения, а другие — преуспевают в программах послевузовского профессионального образования и реализации научных исследований. Языком научных исследований и программ дипломного и послевузовского профессионального образования является английский язык [2, 18].

Другой отличительной чертой, характерной для стран данной модели, является гибкая миграционная политика, предоставляющая иностранным гражданам разрешение на работу во время и после завершения обучения. Кроме того, привлекательными факторами для иностранных обучающихся являются прекрасные условия для обучения и проведения научных исследований, использование английского языка как языка преподавания, возможность обучаться у лучших профессоров, отличные условия проживания и, несомненно, доступ к значительной финансовой поддержке [Там же].

Сравнительные характеристики параметров интернационализации образования для стран в рамках англосаксонской модели «образование на экспорт» представлены в табл. 2 [6].

Таблица 2

Сравнительные характеристики параметров интернационализации образования для стран в рамках англосаксонской модели «образование на экспорт» в 2015 г.

Параметр сравнения	США	Австралия	Новая Зеландия	Малайзия	Сингапур
Уровень дохода от иностранных студентов, млрд долл. США /год	30,8	11,4	2,6	0,25	0,82
Студенческая мобильность, тыс. чел./год:					
а) входящая	1100	269,7	50,5	35,5	75,0
б) исходящая	131,4	31,9	5,3	56,0	45,0

Такие страны, как США, Австралия, Новая Зеландия, практически полностью перешли на экспорт услуг в сфере высшего образования и научных исследований. Трансграничные услуги образования составляют заметную долю в национальных экономиках этих стран. Так, например, ряд американских университетов позиционируют себя как международные центры науки и образования. К пониманию необходимости международных университетов американцы пришли не сразу. Одним из факторов их возникновения была заинтересованность работодателей в том, чтобы выпускники университетов могли работать на всех континентах. Международные университеты США занимают первые строки в интернациональных рейтингах, они первыми могут рассчитывать на международные инвестиции.

Продвижению американских образцов высшего образования заметно способствуют получившие в последнее время популярность массовые открытые

онлайн-курсы (МООК). Такие информационные технологии делают высшее образование гораздо более интерактивным и организованным. На некоторые курсы записывается до 300 тыс. человек, средний набор — около 20 тыс. Если учесть, что МООК инициированы американцами и что большинство онлайн-курсов разработано университетами США, ясно, что подобные технологии заметно укрепляют позиции и авторитет американской высшей школы в мире [1, 44].

В США практикуются ориентационные программы подготовки иностранцев к обучению в вузе. Так, в университете Миннесоты, Миссурийском университете и университете Сан-Диего (Калифорния) эти программы предусматривают изучение таких вопросов, как особенности американской культуры, обучение в американском вузе, правовое положение иностранных граждан, нормы межкультурного общения. В реализации программ принимают участие не только преподаватели, но и волонтеры из числа студентов старших курсов и выпускников вуза. США привлекают наиболее талантливых зарубежных ученых и студентов, что впоследствии приведет к укреплению лидерства в наиболее значимых отраслях развития науки и техники [5].

Международная деятельность австралийских университетов также не ограничивается предоставлением образовательных услуг только на территории Австралии. Австралийские университеты открывают офшорные кампусы в Азии, где иностранные студенты имеют возможность обучаться по австралийским образовательным программам, увеличивая тем самым пропускную способность университетов [8]. Обучение студентов по офшорным программам осуществляется на базе вуза той страны, с которой заключены соглашения. Обучение ведется по австралийским образовательным стандартам, и ответственность за оказание образовательных услуг несет как австралийский вуз, так и вуз-партнер. Программа обучения рассчитана на то, что иностранный студент частично или полностью обучается на территории своего государства, как правило, начинает обучение в своей стране, а завершает его в Австралии. При этом дистанционные методы обучения в основном не используются или используются при наличии официального соглашения.

Кроме того, австралийские вузы используют контракты франчайзинга. В результате ответственность за качество обучения берет на себя вуз, который приобрел австралийские программы обучения. В этом случае австралийские университеты ответственны только за предоставление качественной учебной программы. Эта система позволяет исключать издержки процесса организации обучения и при этом получать прибыль [9].

В последние годы к числу приверженцев англосаксонской модели интернационализации «образование на экспорт» стали относиться и некоторые малые, но динамично развивающиеся государства Юго-Восточной Азии, такие как Сингапур и Малайзия, которые демонстрируют быстрые темпы роста международных показателей в сфере высшего образования и претендуют на роль крупнейших в регионе образовательных центров по обучению иностранных студентов.

Принятие английского языка в качестве основного языка преподавания в школах и языка межнационального общения позволило этим странам использовать

лучшие англосаксонские практики преподавания, а главное — мировой интеллектуальный капитал и экспертизу. Стали возможными академические обмены и «перекрестное опыление» лучшими идеями с западным миром. При этом сохранение и изучение в школах языков разных этнических групп позволяет развивать культурные и экономические связи с азиатским миром, а следовательно, пользоваться возможностями его бурного роста.

Консервативная (азиатская) модель «для потребностей национальной экономики». В рамках данной модели вузы в своей деятельности ориентированы на внутренние потребности государства, содействуют его экономическому развитию и удовлетворению потребностей через обучение (преподавание) и реализацию научных исследований.

В настоящее время управление сферой высшего образования, так же как и ее финансирование, осуществляет преимущественно государство. Небольшое число «элитных» вузов и исследовательских подразделений вузов интегрированы в международные профессиональные сети (несмотря на наличие некоторых барьеров для интернационализации высшего образования) и сохраняют высокие позиции в национальных рейтингах ведущих высших учебных заведений. Рядовые вузы тем не менее ориентированы в своей деятельности (как при подготовке профессиональных кадров, так и при реализации научных исследований) на потребности местного сообщества и региона.

Органы местного управления и бизнес-структуры сохраняют устойчивый интерес к обеспечению финансовой поддержки местным и региональным вузам; дополнительный доход в бюджет вузов приносят обучающие программы, относящиеся к сфере развлечений и отдыха.

Стратегии интернационализации образования в рамках консервативной (азиатской) модели «для потребностей национальной экономики» могут быть реализованы как результат негативной реакции на процессы глобализации. В рамках данной стратегии правительство возлагает особую миссию на институты высшего образования. К интернационализации высшего образования со стороны населения по разным причинам складывается скептическое отношение, во многом из-за усиления террористической угрозы и военных действий, увеличения миграционных потоков, фрустрации в связи с расширением практик аутсорсинга, а также ощущения угрозы национальной идентичности в условиях усиления глобализационных процессов и иностранного влияния.

Сравнительные характеристики параметров интернационализации образования для стран в рамках консервативной модели «образование для потребностей национальной экономики» представлены в табл. 3 [6].

Вместе с тем в последнее время в политике стран консервативной модели также наблюдаются изменения. Если в прошлом стратегии интернационализации КНР, Японии и Республика Корея были сосредоточены лишь на широком спектре мероприятий, ориентированных на импорт, то теперь они нацелены на развитие более углубленной модели интернационализации, которая включает мероприятия и программы, ориентированные как на импорт, так и на экспорт [3, 64].

Таблица 3

Сравнительные характеристики параметров интернационализации образования для стран в рамках консервативной модели «образование для потребностей национальной экономики» в 2015 г.

Параметр сравнения	КНР	Япония	Республика Корея
Уровень дохода от иностранных студентов, млрд долл. США/год	10	3,4	1,7
Студенческая мобильность, тыс. чел./год:			
а) входящая	397,6	152	55,5
б) исходящая	523,7	81,2	117,8

Так, например, КНР вкладывает значительные средства в расширение доли участия Китая в международной кооперации в сфере высшего образования, причем в настоящее время основной упор делается на активное привлечение иностранных студентов для обучения в китайских университетах, в том числе и за счет бюджета Китая через грантовую поддержку и различные стипендиальные программы. Справедливо приобретенный имидж Поднебесной как нового гиганта мировой экономики привлекает молодежь, рассматривающую КНР в качестве перспективного центра развития собственной карьеры в сфере бизнеса [7, 84].

Новое явление для Китая — совместные с иностранными учредителями высшие учебные заведения. Основные партнеры: США, Австралия, Канада, Япония, Сингапур, Великобритания, Франция, Германия. В совместных высших учебных заведениях представлены в первую очередь специальности, востребованные в сфере промышленности, торговли, управления, а также иностранные языки.

С точки зрения развития университета политика интернационализации, проводимая в странах «азиатской модели», предполагает обращение к опыту других университетов мирового класса; объединение различных концепций, касающихся руководства и управления университетами; введение международных стандартов для улучшения качества всех аспектов деятельности университетов; повышение осведомленности преподавателей и студентов о конкурентоспособности в глобальном мире и разнообразии культур [11].

Попытки увеличить процент иностранных специалистов предпринимаются вузами стран «азиатской модели» в силу нескольких причин. Среди них — нехватка местных квалифицированных сотрудников для проведения основных исследовательских и учебных программ, особенно на последипломном этапе, а также растущее внимание к исследовательской деятельности и, следовательно, более широкий охват сетей по поиску высококвалифицированных научных работников.

Транзитная (догоняющая) модель. В рамках данной модели институты высшего образования подотчетны государству, а также другим финансирующим структурам. Больше внимание уделяется студентам разных категорий и возраста, имеющим широкий набор образовательных потребностей. Качество преподавания и возможности трудоустройства по завершении обучения наравне с такими ключевыми факторами конкурентоспособности вузов, как репутация в сфере

научно-исследовательских разработок и уровень платы за обучение, все чаще принимаются во внимание студентами и их родителями при выборе места обучения.

Характерной чертой для стран в рамках «транзитной» модели является нацеленность в большей степени на имитацию внешней формы и элементов экспортно-ориентированных систем образования без учета их национальной специфики и конкретного содержания.

Подобная стратегия может быть проиллюстрирована на примере России. После распада СССР доля России на международном рынке образовательных услуг значительно снизилась. Если в течение ряда лет Советский Союз занимал второе место по числу обучающихся иностранных студентов в мире (после США), то сейчас Россия по этому показателю находится лишь на седьмом месте, привлекая в основном группы студентов из развивающихся стран и стран СНГ. Это не только упущенная экономическая выгода, но также упускаемые политические возможности «мягкого» влияния России на международные процессы.

Несмотря на очевидные успехи, демонстрируемые Россией в сфере международного образования в последние годы, все же приходится констатировать тот факт, что политика интернационализации еще далека от совершенства. Амбициозные задачи, поставленные Правительством РФ в рамках *Программы повышения международной конкурентоспособности* по вхождению ряда российских университетов к 2020 г. в элиту мирового образования, на данном этапе кажутся труднодостижимыми и необоснованными.

Так, несмотря на стабильное увеличение количества иностранных студентов и преподавателей в российских вузах, уровень их базовой подготовки, степень владения русским языком, качество преподавания и полученных научных результатов зачастую остаются слабыми, а позиции российских университетов в международных рейтингах крайне низкими.

Негибкое миграционное законодательство, недостаточное финансирование, устаревание вузовской инфраструктуры и лабораторной базы приводят к девальвации бренда российского образования в мире, к тому, что оно воспринимается как «второсортное» и финансово доступное, снижая тем самым шансы России в международной конкурентной борьбе за умы и таланты.

Более того, сырьевая модель российской экономики, несоответствие заявленных целей практическим результатам заметно тормозят российскую высшую школу на пути ее интеграции в международное образовательное сообщество, заставляя ее постоянно «догонять» образовательные системы развитых стран, перенимать не всегда успешный зарубежный опыт. При этом практически не учитываются потребности собственной экономики, объем выделяемых ресурсов и качество полученных результатов. Как справедливо отмечал В. А. Садовничий, «продвижение российских университетов в мировое образовательное пространство, несомненно, является важной для страны задачей, однако важно не поддаваться гипнозу, следуя внедряемым извне стандартам глобализации. Вузы должны учиться всему лучшему, перенимать все передовое и при этом быть сильными, независимыми» [4].

Так, например, вступление России в Болонский процесс вызвало в академическом сообществе неоднозначную реакцию. Часть экспертов сочла, что Россия

располагает достойным высшим образованием и радикально менять в нем ничего не следует. Высказывались опасения, что произойдет коренная и непоправимая ломка отечественного высшего образования. Сторонники Болонского процесса, напротив, полагают, что он вписывается в тренд, когда на смену монопольной прерогативе государства при подготовке специалистов пришел рынок образования со своими требованиями к выпускникам. Следовательно, медленная интеграция России приведет к тому, что российская высшая школа окажется неконкурентоспособной на европейском образовательном рынке.

Для объективной оценки университетов, в том числе и в целях повышения конкурентоспособности, необходимы рейтинги, но они должны строиться на критериях, определяющих качество образования, и адекватно отражать жизнь университетов, а не ориентироваться на заданные правила игры.

Таким образом, можно сделать несколько обобщающих выводов:

1. Несомненными лидерами в сфере интернационализации высшего образования в АТР являются страны англосаксонской модели «образование на экспорт» (США, Австралия, Новая Зеландия). Хорошее государственное финансирование сферы образования, академические свободы вузов, прозрачные профессиональные образовательные траектории, гарантирующие успешную карьеру выпускникам университетов этих стран, делают их образовательную политику не только важнейшим источником национального дохода, но и эффективным инструментом «мягкой силы».

Постепенно к уровню этих стран приближаются Сингапур и Малайзия. Их опыт показывает, что малые государства способны продуцировать и использовать образовательный ресурс в целях содействия успешному развитию национального социально-экономического потенциала. Быстрый рост экономик этих стран, серьезные дотации государства в научно-образовательную сферу, университеты, предоставляющие качественное образование, программы стипендиальной поддержки делают их привлекательными для иностранных студентов и преподавателей, создают имидж стран, в которых комфортно учиться и работать. Однако Сингапuru и Малайзии еще многое предстоит сделать на пути интернационализации. Необходимо наладить и укрепить связи между национальными университетами и бизнесом, усовершенствовать миграционное законодательство и т. д.

2. Страны АТР, осуществляющие интернационализацию высшего образования в рамках консервативной модели «для нужд национальной экономики» (КНР, Япония, Республика Корея), основной упор делают на создание эффективных систем высшего образования, которые отвечали бы мировым стандартам качества и обеспечивали бы высокие темпы экономического развития в стране. Не желая оставаться изолированными от глобальных трендов в образовании, они активно перенимают опыт зарубежных стран, стараются привлекать иностранных студентов и преподавателей, сохраняя при этом национальную самобытность и пропагандируя собственные ценности. Так, например, организованное и систематическое функционирование постоянно развивающейся сети институтов Конфуция, японских и корейских центров способствует распространению популярности национальных языков и специфических культурных ценностей этих

стран за рубежом. При этом политика Китая характеризуется низкой степенью прозрачности и открытости и во многом сдерживается решениями КПК, что препятствует развитию академической свободы вузов и общественных объединений, а для Японии и Кореи характерен высокий уровень протекционизма в образовании.

3. Россия на фоне этих стран пока слабо и неэффективно реализует свои возможности, хотя и имеет достаточно внушительный научно-образовательный потенциал. В настоящее время интернационализация высшего образования в стране находится на стадии становления. Нельзя говорить ни о конкретных механизмах привлечения талантливых иностранных граждан, ни о четкости целей и задач, разграничении функционала между государством и университетами.

Представляется, что в настоящее время работа по продвижению российских образовательных услуг требует более масштабного, системного и скоординированного подхода. В частности, на государственном уровне России следовало бы проводить более масштабную и точечную работу с соотечественниками за рубежом и при существенном увеличении количества иностранных граждан, принимаемых на обучение за счет ассигнований федерального бюджета. Целесообразны создание эффективно действующих ассоциаций иностранных выпускников российских вузов в странах региона, разработка гибких академических, правовых и финансовых траекторий, приведение их в соответствие с международными образовательными стандартами.

Отдельное внимание следует уделять совершенствованию миграционной политики, процедуры трудоустройства иностранных граждан в российские образовательные организации преподавателями и административными сотрудниками, поддержке различных видов и форм образовательных программ, в том числе совместных/сетевых, а также программ повышения квалификации для иностранных граждан как формы заинтересованного участия государства, бизнеса, академических объединений в реализации международного сотрудничества, созданию благоприятных условий для иностранных граждан в период их обучения на территории РФ, наличие в российских вузах высококвалифицированных сотрудников международных служб.

Кроме того, российским университетам необходимо повышать качество и конкурентоспособность разрабатываемых образовательных и научных продуктов с их привязкой к дальнейшей профессиональной траектории обучающихся в соответствии с требованиями международного рынка труда, реализации перспективных международных проектов с участием России, что повлечет за собой рост интереса к российскому образованию и изучению русского языка.

1. *Альтбах Ф. Дж.* Массовые открытые онлайн-курсы как проявление неокOLONиализма: кто контролирует знания // *Международ. высш. образование.* 2014. № 75. С. 42–51.

2. *Альтбах Ф., Салми Дж.* Дорога к академическому совершенству: становление исследовательских университетов мирового класса. М., 2012.

3. *Джуринский А. Н.* Высшее образование в современном мире: тренды и проблемы. М., 2017.

4. Садовничий В. А. Выступление на съезде Российского союза ректоров 30.10.2014 года, Москва // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46892> (дата обращения: 10.05.2017).
5. Сунян В. Б. Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования. М., 2009.
6. Официальный сайт Института международного образования (ИЕ). URL: <https://www.iie.org/en/Research-and-Insights/Project Atlas/ Explore -Data> (дата обращения: 14.07.2017).
7. Ян Жуй. Впереди еще длинный путь: модернизация китайских университетов // Международ. высш. образование. 2014. № 77. С. 84–89.
8. Australia's exports of education services [Electronic resource]. URL: <http://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2008/jun/pdf/bu-0608-2.pdf> (accessed: 28.06.2017).
9. Australia in the Asian Century, January 2012 [Electronic resource]. URL: <https://www.universitiesaustralia.edu.au> (accessed: 05.06.2017).
10. Salmi J. The Challenge of Establishing World Class Universities. Washington, DC, 2009.
11. UNESCO—Global Flow of Tertiary-Level Students [Electronic resource]. URL: <http://uis.unesco.org> (accessed: 10.05.2017).

Рукопись поступила в редакцию 11 января 2018 г.

УДК 327.7 + 327.8 + 323.1(612)

**К. М. Табаринцева-Романова
О. Ю. Пашкевич**

СТРАТЕГИИ ХЕДЖИНГА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на примере заседания Совета Безопасности ООН по вопросу гражданской войны в Ливии 2011 г.)

Статья посвящена теме вербального поведения в политическом дискурсе на глобальном уровне в рамках заседания Совета Безопасности ООН. Рассматриваются теоретические аспекты хеджирования — вербального приема, направленного на смягчение коннотативного значения фраз и придания им менее агрессивного тона. В частности, освещается такая проблема, как корреляция хеджирования и внешней политики Франции и Ливии. На примере ливийского конфликта в 2011 г. авторы статьи анализируют латентные намерения Франции, выраженные на вербальном уровне, что позволяет выделить характерные черты коммуникативной дипломатии на международной арене в конфликтных ситуациях. В данном случае наблюдается использование средств гибридной дипломатии постоянным представителем СБ ООН от Франции, когда мысли, слова и действия не соответствуют друг другу. В заключение делается вывод, что для достижения цели Франция, в лице постпреда СБ ООН, использует различные приемы хеджирования, чтобы представить в негативном свете режим М. Каддафи, ссылаясь при этом на неаргументированные и преувеличенные данные. Эмоциональное представление фактов подталкивает остальных членов Совета Безопасности согласиться с мнением адресанта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: хеджинг, Ливия, Совет Безопасности ООН, постпред, манипулятивные вербальные средства, международное сообщество.

Активное изучение такого понятия, как хеджинг, начинается с 1972 г. — с работ Дж. Лакоффа, который впервые дал ему определение: хеджинг — это «слова или фразы, функция которых состоит в том, чтобы представить вещи неоднозначно, подразумевая тем самым, что индивиды не полностью уверены в точности информации, которую они излагают в процессе общения или в своих публикациях» [8, 470]. Однако чуть ранее Л. Заде предложил «теорию нечетких множеств» (fuzzy set theory), согласно которой расплывчатость в семантическом определении какого-либо понятия обуславливается отдалением от прототипа этого понятия. При разработке своей теории он оперировал такими лексическими единицами, как *very, more or less, essentially, slightly, technically, practically*¹ и т. д. [13, 4–5]. С этого момента, как полагают Х. Шредер и Д. Циммер, интенсивность исследований нового вербального феномена значительно увеличилась. Согласно исследованиям менее 1 % работ было опубликовано в 1960-е гг., спустя десятилетие эта цифра увеличилась до 10 %, пик работ пришелся на 80-е гг. прошлого столетия, объем их составил 43 % от всех публикаций по этой теме. Однако начиная с 1990-х гг. интенсивность исследований сократилась до 35 % [11, 253].

Специфика употребления данного феномена обуславливается прагматичными целями, что в особенности проявляется в политическом дискурсе. Политические деятели часто вынуждены выстраивать свою речь таким образом, чтобы их выступление не отразилось негативно ни на репутации политика, ни на международном имидже государства. Такие специалисты, как П. Браун и С. Левинсон, ограничивают использование хеджинга до единственной цели — «избегать несогласия» [4, 116], т. е. проявлять вежливость по отношению к собеседнику и сохранять лицо. Действительно лингвистические индикаторы могут стать хеджированием только в определенном контексте. Данное замечание касается абсолютно всех сфер разговорного жанра. Однако в наибольшей степени эта особенность проявляется в политическом дискурсе.

К. Опиц понимает под хеджингом «смягчающие и ограничивающие формулировки, с помощью которых говорящий хочет оградить себя от возможной критики и/или защититься от ошибочной интерпретации» [9, 212].

Дж. Эрбен интерпретирует данное понятие как «особые языковые сигналы, используемые для ограничения или смягчения истинности собственных высказываний» [5, 16]

Кен Хайленд характеризует хеджинг как «средство, с помощью которого адресат пытается представить фразу как собственное мнение, а не объективный факт» [7, 100].

Как отмечает Р. Фалахати, использование хеджирования придает адресату уверенность в вербальном поведении и определяет точность высказывания [6, 99–100]. Это, в свою очередь, позволяет избежать коммуникативных неудач.

В то же время, согласно Кубуи и Фанд, хеджирование имеет цель снизить категоричность фразы [10, 107], т. е. говорящий избегает использования в своей речи «резких» высказываний.

¹ «Очень», «более или менее», «по существу», «слегка», «технически», «практически» (англ.).

В отличие от большинства коллег Е. Волд относит к функциям хеджинга убеждение и влияние на реципиента [12, 62]. В этом проявляется другая черта феномена — манипулирование. Однако если манипулирование — это воздействие адресанта на собеседника с целью изменить его намерения в нужном для адресанта направлении, то хеджирование является более широким понятием, включающим как само манипулирование, так и другие вербальные приемы (абсолютизация фразы, использование метафор, аллюзий, интонация говорящего и др.).

Суммируя данные определения, можно сделать вывод о том, что хеджирование — это смягчение фразы, минимизация риска, формулирование высказывания в менее агрессивном тоне, использование высказываний, выражающих неопределенность, сомнение, неуверенность, скептицизм.

Подытоживая вышеперечисленные определения термина «хеджинг», можно выделить основные черты хеджирования. Во-первых, данный речевой прием позволяет урегулировать конфликтные коммуникативные ситуации без применения агрессивных высказываний. Ранее отмеченные функции хеджирования позволяют сделать вывод о том, что минимальной единицей изучения хеджинга может быть как одна лексическая единица, так и целое предложение, содержащее причинно-следственную конструкцию.

Рассмотрим применение стратегии хеджинга на примере выступления постоянного представителя Франции в СБ ООН г-на Аро на заседании от 26 февраля 2011 г.

Ливийский конфликт начался 15 февраля 2011 г., когда родственники погибших в тюрьме Абу-Салим заключенных собрались около здания суда, чтобы выразить протест против ареста Фахти. Быстрое нарастание конфликта и смена правительства привели к вмешательству западных государств в урегулирование возникшей ситуации. Попытки разрешить этот конфликт ознаменовались принятием резолюции СБ ООН 1970 г. (2011). Согласно принятому документу требовалось немедленное прекращение насилия и репрессий, полное соблюдение прав человека и международного права и привлечение к ответственности тех, кто несет ответственность за это насилие; вводились запрет на поездки, а также эмбарго на поставки вооружений [2].

Из всех участников западной коалиции Франция наиболее активно участвовала в событиях в Ливии (в отличие от конфликтов в Тунисе и Египте). Такая реакция может быть объяснена стремлением государства поднять личный рейтинг, а также получить часть ливийских ресурсов.

Франция входила в число 11 членов Совбеза, которые подготовили проект указанной выше резолюции. Стоит отметить, что во время обсуждения текста документа речь постоянного представителя Франции г-на Аро строилась на четком разграничении образов «мы» и «они». Причем выступление было выстроено по принципу «от худшего к лучшему». Таким образом, первоначально тактика г-на Аро направлена на формирование крайне негативного образа как ливийского режима, так и его лидера М. Каддафи. Это подкрепляется использованием соответствующих эмоционально окрашенных лексических единиц, например: «бесчеловечные и кровавые репрессии», «угрожающие заявления», «применение силы против», «преступления против человечности», «насилие», «безнаказанность»,

«жестокость», «несут ответственность» и т. д. Однако следует отметить, что, используя подобные эпитеты, г-н Аро должен был подкрепить их аргументацией, чего сделано не было. Данный факт позволяет утверждать, что убедительность и объективность французской позиции достаточно слабая. Говорящий пытается оказать эмоциональное давление на слушателей, не используя четкую аргументацию для своих выводов.

Кроме того, в указанном фрагменте содержится немалое количество митигационных средств речи, выполняющих роль «смягчения» смыслового контекста. К примеру, во фразе «как сказала Верховный комиссар по правам человека и как отмечается в резолюции 1970 (2011), в Ливии, возможно, совершаются преступления против человечности» [1]. Первая часть выражения («как сказала Верховный комиссар по правам человека и как отмечается в резолюции 1970 (2011)») ориентирована на такой прием, как уменьшение ответственности за высказывание. Это значит, что при появлении каких-либо вопросов автор (г-н Аро) будет ссылаться не на свое субъективное мнение, а на позицию того или тех, кого он цитировал, что позволит избежать критики в свой адрес. В то же время постпред Франции использовал хеджированный элемент «возможно», функция которого означает снижение абсолютизации фразы. Таким образом, выступающий манипулирует сознанием своих коллег с целью показать режим М. Каддафи в черных тонах и соответственно настроить против существующего режима тех политических лидеров, которые ранее поддерживали ливийскую власть.

Необходимо также учитывать еще одну тактику, которая позволяет снизить уровень ответственности говорящего. В этом случае довольно активно используется местоимение «мы» вместо «я». Например, «мы решили передать», «мы ввели санкции», «мы видели». В этих фразах мы наблюдаем призыв к конкретным коллективным мерам. Использование именно коллективных действий позволяет снять ответственность с Франции за возможные негативные последствия совершенных действий.

При этом на каждое принятое коллективное решение находится ряд оправдательных аргументов, поддерживающих данное решение. Так, на использование М. Каддафи оружия против своих граждан международное сообщество отреагировало эмбарго на поставки оружия; на существующий режим власти ответили санкциями в отношении законного руководства, а чтобы сместить М. Каддафи — решили передать дело в Международный уголовный суд. Последний факт весьма интересен, поскольку, согласно статуту римского права, суд может взять под следствие главу государства и вынести ему приговор, если докажут его виновность в международно-правовом деянии. В данном случае таковым стало обвинение в преступлении против человечности.

Вторая часть выступления посвящена теме «обязанностей» как со стороны Ливии, так и со стороны международного сообщества. Причем наблюдается использование в речи упреков в адрес Ливии: «обязана защитить свое население <...> а не совершать насилие против собственного народа» [Там же]. В то время как международное сообщество «обязано вмешиваться, когда государства свой долг не выполняют» [Там же]. Однако в этом случае ответственность по защите

населения противоречит нормам международного права, один из принципов которого — невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств. Тем не менее постоянный представитель замалчивает об этом факте. Соответственно международное сообщество выступает «защитником» свободы, справедливости и демократии во всем мире.

Последнему компоненту «лучшей жизни», демократии, стоит уделить особое внимание. Согласно словам г-на Аро народ Ливии имеет право на демократию. Учитывая тот факт, что Ливия не является государством с демократической формой правления, г-н Аро уже косвенно заявляет о том, что к целям международного сообщества можно отнести свержение законного правительства, установление там западного режима, а в перспективе и прозападного руководителя (что и случилось впоследствии). Получается, что данная резолюция является основой для другого проекта, чьи способы урегулирования конфликта будут иметь более непредсказуемый характер. Лидеры некоторых государств предполагали такое развитие событий. Так, например, бывший в то время президентом Венесуэлы У. Чавес подчеркнул, что резолюция представляет собой «подготовку почвы для интервенции стран НАТО в Ливию с целью захвата нефти» [3].

Тем не менее в речи присутствуют два противоположных хеджированных элемента, которые выполняют определенные функции. Это смягчение фразы (через использование фраз, содержащих неуверенность) и ее абсолютизация или категоризация (через использование говорящим уверенного тона):

— «Мы *надеемся*, что ответственные стороны ливийского режима услышат *сигнал* международного сообщества...» (т. е. нет уверенности, что руководство прекратит совершение преступлений против народа);

— «*Обязанность* международного сообщества вмешаться...»;

— «...СБ *просто обязан* был встретить этот день на стороне ливийского народа (только внешние акторы могут решить внутренний конфликт).»

В последнем примере содержится двойное усиление фразы посредством употребления слова «просто». Г-н Аро ясно дает понять, что для международного сообщества приоритетом являются права человека, а не невмешательство во внутренние дела государства. Конструктивный диалог с ливийской властью отсутствовал (в отличие, например, от Украины), поэтому с самого начала конфликта в Ливии Франция выбрала тактику нападения как в физическом, так и в вербальном плане.

Финал своего выступления г-н Аро строит на оптимистическом заключении. В частности, анализируя его речь, можно прийти к выводу, что принятая резолюция — это первый (и, возможно, единственный) шаг к урегулированию конфликта. Такие речевые элементы, как «ветер свободы», «историческое значение», «новая эра», обозначающие резолюцию 1970 (2011), позволяют акцентировать внимание слушателей на наличии исключительно положительной перспективы развития ситуации в Ливии. Таким образом, абстрагируясь от реальных проблем и выделяя только положительные моменты в дальнейшем развитии ливийской ситуации, коллеги по СБ невольно начнут верить словам г-на Аро и соответственно соглашаться в дальнейшем с его позицией.

В связи с вышесказанным представляется возможным выделить следующие особенности использования хеджинга французской стороной. Главная коммуникативная цель адресанта — представить негативный образ «врага», т. е. М. Каддафи, и положительный образ международного сообщества. Другими словами, выстроить позицию «мы — они», опираясь на правильно подобранные хеджированные элементы, а именно, митигация, завуалированность высказывания, уменьшение субъективности аргументации и ответственности говорящего за свое высказывание. Из этого всего следует, что речь французского постпреда опирается на эмоциональную составляющую высказывания, позволяя оратору осуществить прием давления на адресатов и склонить их к принятию выгодного для оратора решения, в частности, к голосованию за проект резолюции 1970 (2011).

Таким образом, роль хеджирования в современных условиях международных отношений определяется необходимостью реализовывать практические цели, в том числе и национальные интересы государства, на вербальном уровне. Корректно построенные речевые конструкции позволяют представить практически любую ситуацию на международной арене в выгодном для говорящего свете, что может стать гарантом увеличения числа сторонников той или иной концепции адресанта.

1. Заседание Совета Безопасности ООН от 26 февраля 2011 года [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N11/245/30/PDF/N1124530.pdf?OpenElement> (дата обращения: 29.03.2018).

2. Резолюция Совета Безопасности ООН № S/RES/1970 (2011) [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/245/60/PDF/N1124560.pdf?OpenElement> (дата обращения: 29.03.2018).

3. Уго Чавес: иностранная военная интервенция в Ливии имеет своей целью захват нефти этой арабской страны [Электронный ресурс]. URL: https://bnews.kz/ru/news/politika/vneshnyaya_politika/ugo_chaves_inostrannaya_voennaya_interventsiya_v_liviu_imeet_svoei_tselu_zahvat_nefti_etoj_arabskoj_strani (дата обращения: 27.03.2018).

4. *Brown P., Levinson S.* Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 2000.

5. *Erben J.* Deutsche Syntax. Eine Einführung. Bern ; Frankfurt a/M ; N. Y., 1984.

6. *Falahati R.* The Use of Hedging across Different Disciplines and Rhetorical Sections of Research Articles. Paper presented at the 22nd NorthWest Linguistic Conference of SFU, Burnaby. Febr. 18–19, 2006.

7. *Hyland K.* 1996. Writing without conviction? Hedging in science research articles // *Applied Linguistics*. 1996. 17/4. P. 433–454.

8. *Lakoff G.* Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. Chicago, 1972. P. 459–508.

9. *Opitz K.* Formelcharakter als Indiz für Fachsprachlichkeit: ein definitonischer Ansatz // *Kühlwein W., Raasch A.* [Eds.]. Sprache: Lehren & Lernen. Bd. 1 / K. Opitz. Tübingen: Narr., 1981. P. 201–223.

10. *Salager-Meyé F.* I think that perhaps you should: a study of hedges in written scientific discourse, in Miller, T. (ed.) *Functional Approaches to Written Texts: Classroom Applications*. Washington, 1997. P. 105–118.

11. *Schröder H., Zimmer D.* Hedging research in pragmatics: a bibliographical research guide to hedging, in Markkanen, R. & Schröder, H. (eds.) *73 Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts*. B., 1997. P. 249–257.

12. *Vold E. T.* Epistemic modality markers in research articles: a cross-linguistic and cross-disciplinary study // *International Journal of Applied Linguistics*. 2006. 16/1. P. 61–87.

13. Zadeh L. A. (1972) A Fuzzy-Set-Theoretic Interpretation of Linguistic Hedges // Journal of Cybernetics. 1972. 2:3. P. 4–34.

Рукопись поступила в редакцию 8 мая 2018 г.

УДК 343.32 + 316.485.25 + 323.28 + 323.1(5-15)

Ф. Рабайя

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Статья посвящена рассмотрению определения международного терроризма в международном праве, западной и арабской историографии. Анализируются причины отсутствия единого определения понятия «международный терроризм». Автор приходит к выводу о применении западными державами политики «двойных стандартов» в отношении национально-освободительных движений в регионе Ближнего Востока. Маркер «террористическая организация» используется западными экспертами в отношении не только терроризма, но и национально-освободительных движений, действующих в арабском мире. Автор статьи при характеристике критериев международного терроризма опирается на мнение арабских авторов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: международный терроризм, политика «двойных стандартов», вооруженная борьба, национально-освободительное движение, арабский мир, регион Ближнего Востока.

Международный терроризм представляет собой сложную междисциплинарную проблему. Обострение глобальной проблемы международного терроризма на рубеже XXI в. стало отличительной чертой нынешнего этапа развития мирового сообщества.

В XX в., после окончания Второй мировой войны, наблюдался резкий рост национально-освободительных движений. И первыми террористами XX в. стали еврейские радикальные группы на Ближнем Востоке, которые использовали террористические методы борьбы с англичанами, чтобы создать свою собственную государственность на Святой земле [4]. На всем Ближнем Востоке Великобритания, Франция и Соединенные Штаты были восприняты большинством населения как агрессоры и колонизаторы. Рост таких настроений подпитывался также политикой Соединенных Штатов, которые вступили в конфронтацию с СССР в рамках холодной войны и начали активно наращивать свое военное и финансовое присутствие на Ближнем Востоке в ответ на расширение зоны влияния СССР в странах региона Центральной и Восточной Европы [6].

Именно Ближний Восток стал основным фронтом противостояния между СССР и Соединенными Штатами, а затем — между Соединенными Штатами и Россией. Более того, с целью мобилизации масс обе стороны использовали свои ресурсы для поддержки различных освободительных движений. Когда был

реализован геополитический план США и СССР, терроризм в XX в. начал приобретать характер патронажных организаций, которым покровительствовали великие державы [8].

С 1963 г. под эгидой Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений было заключено 16 международных соглашений, которые являются правовыми инструментами противодействия угрозе терроризма (13 конвенций о борьбе с терроризмом и три протокола) [10].

В силу социальной и политической многоплановости и многомерного характера проявлений феномена международного терроризма в рамках ООН не удалось разработать единых подходов к выявлению его основных характеристик и дать данному явлению четкое определение [2]. В XX в. ситуация осложнялась противостоянием СССР и США по данному вопросу, поскольку эти страны давали явлению терроризма различную правовую оценку: советские политические деятели считали (и не без оснований), что Запад намеренно относит к террористическим группировкам те национально-освободительные движения, которые поддерживал СССР [6].

В результате СССР неоднократно блокировал принятие в Организации Объединенных Наций документов, в которых делались попытки дать определение международного терроризма. Например, Европейская конвенция от 27 января 1977 г. содержит весьма широкий список действий, которые отличают террористическую организацию [10]. Руководство СССР категорически отказалось подписывать этот международно-правовой документ, мотивируя свое решение тем, что: 1) конвенция была направлена на подавление коммунистического и рабочего движения под видом борьбы с крайними левыми группами; 2) отдельные формулировки в документе были прикрытием для криминального характера действий крайне правых политических сил. В итоге данный документ был ратифицирован Россией только в 2006 г.

Большинство документов, принятых ООН по вопросу борьбы с терроризмом, не решают проблему точного определения данного явления [10].

Причиной завоевания терроризмом международного статуса в XXI в., на наш взгляд, можно считать слияние криминальных структур с радикальными организациями и прежде всего с исламским фундаментализмом. Следует помнить об идеологической гетерогенности исламской религии, в которой традиционный (мирный) ислам за последние двадцать лет несколько утратил свою популярность по сравнению с исламским фундаментализмом. Причиной смещения акцента на военизированные методы борьбы является расширение гегемонии западной идеологии и насильственное насаждение западных демократических ценностей, которые являются результатом развития не мусульманской, а христианской цивилизации [12]. На наш взгляд, именно такой конфликт ценностей приводит к радикализации исламских течений.

Конфессиональный фактор используется террористическими организациями и их финансовыми донорами как идеологическая основа для мобилизации прежде всего радикально настроенной молодежи, которая еще не имеет необходимого жизненного опыта и собственной жизненной позиции, семьи и ответственности

за жизнь других людей. Внутриконфессиональная борьба между традиционным исламом и фундаментализмом является еще одной причиной распространения международного терроризма. Неспособность традиционного ислама стать умиротворяющей силой для верующих также становится косвенной причиной роста экстремистских настроений в мусульманском мире и формирования террористических организаций.

Несмотря на множественность трактовок терроризма, большинство исследователей сходятся во мнении, что суть его — насилие с целью запугивания.

Целью террористического насилия, как отмечено в документах ООН, является достижение желаемого политического результата (революция, дестабилизация общества, развязывание войны с иностранным государством, получение независимости на какой-то территории, снижение престижа власти, политические уступки со стороны властей и т. д.) [17].

Как видно из приведенного определения целей терроризма, к данному явлению можно причислить практически любое национально-освободительное движение, которое использует военизированные методы борьбы.

По нашему мнению, существенным отличием политической террористической организации от национально-освободительного движения является то, что террористическая организация существует вне правового поля, а национально-освободительное движение является одной из сторон конфликта и с точки зрения международного права должно иметь правосубъектность при мирном урегулировании ситуации.

Данное отличие следует учитывать при характеристике движения ХАМАС. По нашему мнению, до тех пор, пока ХАМАС будет признаваться Израилем и США террористической организацией, ни о каком позитивном сдвиге в переговорах по статусу сектора Газа и по вопросу снятия с него блокады не может идти и речи. Поскольку лидеры ХАМАС поставлены вне закона, они и их последователи (часть палестинского народа) фактически не имеют права голоса в переговорном процессе. Такой подход ярко демонстрирует политику «двойных стандартов» западных держав, геополитические интересы которых в регионе направлены на сохранении статус-кво между Палестиной и Израилем.

По мнению западных политиков, в арабо-израильском конфликте религиозный тип терроризма обусловлен попытками вооруженных групп, исповедующих одну религию, бороться с государством, в котором доминирует другая религия. Следует обратить внимание на то, что при таком определении характера терроризма отсутствует четкое его разграничение с национально-освободительным движением, сформированным на основе конфессионального ядра. Получается, что любое подобное движение может быть классифицировано как террористическая организация.

В современном мире имеют место проявления государственного терроризма, направленные на ликвидацию глав государств и других политических деятелей, на свержение неугодных правительств, имеющих целью посеять панику среди населения этих государств.

Интересно отметить, что к данному виду терроризма арабские и российские исследователи относят технологии «цветных революций», разработанные

западными политтехнологами и внедряемые в современном политическом пространстве для искоренения неугодных Западу политических режимов [7].

Арабские страны пережили довольно много такого рода «террористических актов», если следовать определению, данному в документах ООН: 2010–2011 гг. — «арабская весна», «жасминовая» революция («финиковая», «голодная», «багетовая») в Тунисе (21 день); 2011 — «арабская весна» в Алжире (25 дней); 2011 — «арабская весна», «дынная» революция («твиттерная», «молодежная», «горчичная», «курортная», «пирамид», «финиковая») в Египте (17 дней); 2011 — «арабская весна» в Омане (120 дней); 2011 — «арабская весна» в Йемене (397 дней); 2011 — «жемчужная» революция в Бахрейне (31 день); 2011 — «арабская весна» в Ливии (33 дня); 2011–2012 гг. — «арабская весна» в Сирии (538 дней). Однако западное сообщество классифицирует данные события именно как революции, а не как проявления государственного терроризма, в чем вновь проявляется политика «двойных стандартов».

Один из ведущих российских экспертов, В. Е. Чиркин, доктор юридических наук, профессор Института государства и права Российской академии наук и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, в одной из своих статей отмечает, что число жертв среди мирного населения за время «цветных революций» в арабских странах составило 3800 человек [15], что превышает число жертв теракта 11 сентября 2001 г. в США, когда погибло 2983 человека [5]. Возникает вопрос: почему в первом случае действия западных политтехнологов в арабских странах считаются на Западе «цветными революциями», а во втором — классифицируются как террористический акт? И в первом, и во втором случае погибли мирные жители. Более того, арабские исследователи рассматривают «цветные революции» как форму государственного терроризма, который направлен на искоренение самой исламской цивилизации [9].

Отдельный интерес в связи с распространением так называемого исламского терроризма во всем мире вызывает позиция исламских правоведов по определению международного терроризма. В самом общем виде террор в древнеарабских письменных источниках — это страх перед Богом, когда верующий избегает гнева и наказания Всемогущего и одновременно просит Его милости и прощения [Там же]. В то же время термин «терроризм» не упоминается в Коране в смысле уголовно наказуемого акта, а характеризует безнравственность, духовную коррупцию и плотскую развращенность, а также используется как синоним несправедливой войны. Тщательный анализ многих положений Корана подтверждает, что Коран уделяет большое внимание вопросам безопасности и заботы о сохранении имущества и жизни людей, не пропагандируя насилие и террористические методы [1].

Среди исламских правоведов существует два разных подхода к проблеме определения терроризма. Согласно первому гораздо легче описать феномен терроризма, чем дать его четкое определение, особенно учитывая то, что всякая дефиниция носит не только теоретический, но и идеологический характер. Сторонники этого подхода отмечают, что при описании фактов терроризма исследователь обязан обратить внимание на их истинные причины, связанные с проявлениями несправедливости, порабощения, деспотизма и т. д. [11].

Второй подход основан на мнениях ученых, которые раскрывают терроризм, опираясь на характеристики его компонентов, перечисляя действия, отражающие сущность терроризма [16]. Этот подход, в свою очередь, подразделяется на два направления.

Первое направление характеризует терроризм как акт, направленный на достижение конкретной цели и предполагающий убийство, захват заложников и т. п. В этом контексте основным критерием данной дефиниции является квалификация действий, составляющих материальную сторону терроризма. Остальные компоненты терроризма определяются на их основе, их присутствие делает данный акт преступлением против человечности.

Ряд исламских специалистов выделяют пять составляющих террористического преступления, которые различаются по степени тяжести [9]. Согласно такому подходу, чтобы быть признанным террористическим, действие должно соответствовать всем пяти элементам, а именно: вооруженное насилие, приводящее к жертвам, в том числе среди мирного населения; преступления против человечности; наличие организации, использующей преступные методы; наличие преступного намерения, направленного на создание атмосферы паники и хаоса среди населения; незаконность деяния.

Другое направление исследований определяет терроризм в соответствии с его целями [Там же]. Доктор политических наук Исмаил Сабри квалифицирует международный терроризм как необоснованное насилие и незаконную меру воздействия, которая выходит за рамки политических границ государств [3].

Таким образом, арабские правоведы больше склоняются к определению терроризма на основе его внешних признаков, демонстрируя детальный подход к данному явлению без перечисления конкретных преступных действий.

В отличие от арабской историографии западное научное сообщество стремится к более подробному описательному подходу явления международного терроризма.

В западном экспертном сообществе существует принципиальная разница между определением терроризма, данным Г. Вардлоу, и определением, зафиксированным в документах Государственного департамента США. Определение Г. Вардлоу включает государственный терроризм, а правительство Соединенных Штатов включает только терроризм, спонсируемый государством. Государственный терроризм существует в реальности, причем именно он использовался колониальными державами в попытках контролировать население, а в последнее время в Латинской Америке исчезновения людей и действия «эскадронов смерти» были связаны с политикой США [18].

Эти факты доказывают, что терроризм не является тактикой только тех государств, которые включены в американский «черный список», но является и тактикой любых государств, преследующих собственные геополитические интересы. В ноябре 2004 г. иракский город Фаллуджа был возвращен под военный контроль американских сил, что привело к почти полному разрушению инфраструктуры территории. Однако военный успех был с большим удовлетворением отмечен в вооруженных силах Соединенных Штатов и среди населения США. Арабский

мир на всем протяжении конфликта воспринимал такие действия США как самый настоящий государственный терроризм [13].

На основе приведенных выше определений можно говорить о том, что терроризм — это использование или угроза применения насилия индивидуумом или группой, направленные на создание ощущения тревоги и/или вызывающие страх действий в группе населения, гораздо большей, чем непосредственные жертвы, с целью принуждения этой группы присоединиться к выполнению политических требований террористов.

Исходя из всего вышесказанного, терроризм можно трактовать только как метод достижения тактических целей, он не может рассматриваться как политическая программа или идеология. При изучении проблемы терроризма, включая международный терроризм, рано или поздно предстоит дать четкое определение данному явлению. Однако такая задача до сих пор не решена.

Если национально-освободительное движение использует террористические методы борьбы как вынужденную меру воздействия на международное сообщество, то как можно квалифицировать его деятельность — как национально-освободительную (согласно конечной цели создания собственного государства) или как террористическую (по критерию методов борьбы)? Данный вопрос остается открытым в международном праве, причем именно отсутствие четких разграничений между национально-освободительным движением и терроризмом приводит к возможности проведения западными государствами политики, направленной на достижение гегемонии в арабских странах с помощью дестабилизации региона. Грубое насаждение проамериканских ценностей и западной цивилизационной парадигмы вызывает неизбежный ответ в форме политизации конфессионального фактора как наиболее устойчивого к внешним воздействиям элемента арабской культуры. Так возникают конфликтные зоны и локальные войны. При этом западное сообщество квалифицирует сопротивление со стороны исламских групп как террористические действия, не принимая во внимание вынужденный характер такой тактики. Речь идет не о криминальном терроризме, а о деятельности политических организаций, чья идеология и интересы противоречат установкам и геополитическим интересам западных держав.

В результате отсутствия четкого разграничения по методам между террористической организацией и национально-освободительным движением и односторонней интерпретации концепции «национально-освободительного движения» со стороны западных стран появляются зоны новых конфликтов.

1. *Галым Жусупбек*. Ислам и терроризм — попытка анализа [Электронный ресурс]. URL: <http://islam.kz/ru/articles/raznoe/islam-i-terrorizm-popytka-analiza-882/#gsc.tab=0> (дата обращения: 18.02.2018).

2. Доклад Генерального секретаря ООН «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии». Генеральная Ассамблея. Шестидесятая сессия A/62/898. 27 April 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/terrorism/cttaskforce> (дата обращения: 18.02.2018).

3. *Исмаил Сабри*. Определение международного терроризма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.startimes.com/f.aspx?t=33862206> (дата обращения: 18.02.2018).
4. *Калиничев В. В.* Права и свободы гражданина в условиях борьбы с терроризмом // *Власть*. 2008. № 2. С. 56–59.
5. Катастрофа в прямом эфире [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2016/09/11/katastrofa-v-pryamom-efire> (дата обращения: 18.02.2018).
6. *Ланцов С. А.* Проблема терроризма в международных отношениях: правовые и политические аспекты [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/lantsov/terror.html> (дата обращения: 18.02.2018).
7. *Манойло А. В.* Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_12614.html (дата обращения: 18.02.2018).
8. МГИМО : [официальный сайт]. Международный терроризм как фактор мировой политики. URL: <http://www.imi.mgimo.ru/ru/mneniya-ekspertov/93-analiticheskiy-tsentr/sodikov-sharbatullo-dzhaborovich/179-mezhdunarodnyj-terrorizm-kak-faktor-mirovoj-politiki.html> (дата обращения: 18.02.2018).
9. *Мохаммед аль Мусави*. Концепция международного терроризма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=216630> (дата обращения: 18.02.2018).
10. ООН : [официальный сайт]. Конвенции по борьбе с терроризмом. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_terrorism.shtml (дата обращения: 18.02.2018).
11. *Салем Катайн*. Концепция международного терроризма [Электронный ресурс]. URL: <http://elaph.com/Web/AsdaElaph/2009/5/442164.htm> (дата обращения: 18.02.2018).
12. *Токтомушев А. Ч.* Центральная Азия: коллективные усилия государств в противодействии угрозе международного терроризма. Астана, 2005. С. 20.
13. Трагедия Эль-Фаллуджи: город взят, аз-Заркави ушел, сотни убитых. ИТАР-ТАСС. 14 ноября 2004 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tut.by/world/46345.html> (дата обращения: 18.02.2018).
14. «Цветные революции» как последнее средство политики Запада [Электронный ресурс]. URL: <http://inance.ru/2016/03/revolutsii/> (дата обращения: 18.02.2018).
15. *Чиркин В. Е.* Конституции «цветных революций» и «арабской весны» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsii-tsvetnyh-revolutsiy-i-arabskoy-vesny> (дата обращения: 18.02.2018).
16. *Шафик аль-Масри*. Международный терроризм в попытках определить его [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lebarmy.gov.lb/ar/content/> (дата обращения: 18.02.2018).
17. Counter Terrorism Implementation Task Force First Report of the Working Group on Radicalization and Extremism that Lead to Terrorism: Inventory of State Programmers. Geneva: United Nations, September 2008 [Electronic resource]. URL: <http://www.un.org/terrorism/pdfs/Report> (accessed: 18/02/2018).
18. *Krieger D. M.* What Happens If? Terrorists, Revolutionaries, and Nuclear Weapons // *The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*, 430. March, 2017. P. 44–57.

Рукопись поступила в редакцию 22 февраля 2018 г.

УДК 327(519.3) + 327.37 + 327.56 + 172.4

Е. Б. Михайленко
В. Д. Чернавских**СЕВЕРОКОРЕЙСКИЙ ЯДЕРНЫЙ КРИЗИС:
ВОЗМОЖНЫЕ СТРАТЕГИИ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА
(POLICY ANALYSIS)***

Северокорейский ракетно-ядерный кризис в 2017 г. стал результатом совершенствования КНДР своего потенциала в области ракетных технологий. Кризис обострил отношения между США и КНДР. Обе стороны конфликта открыто заявляют о готовности применения ядерного оружия. Цель данной статьи — провести комплексное исследование возможных стратегий США в отношении северокорейского ядерного кризиса и выявить наиболее вероятный сценарий действий администрации США, основываясь в первую очередь на статистических данных, а также на анализе официального американского политического дискурса. В ходе данного исследования мы приходим к выводу, что вероятность военной эскалации кризиса крайне низка. Стратегия, избранная США, — это преимущественно экономическое и военное давление, принуждение к переговорам. Вовлечение России в переговорный процесс крайне маловероятно. США выбрали стратегию односторонних действий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: КНДР, ядерно-ракетный кризис, политика, Д. Трамп, Ким Чен Ён, международная безопасность.

В 2017 г. руководство КНДР успешно провело испытание межконтинентальных баллистических ракет, объявило о создании водородной бомбы и, наконец, заявило о возможности нанесения ядерного удара по территории США. Эксперты стали писать о новом «северокорейском ракетном кризисе» [6]. Тем не менее в феврале 2018 г. олимпийская сборная КНДР приняла участие в Олимпийских играх в Южной Корее в составе объединенной команды, что стало расцениваться как благоприятная посылка мирного решения ядерной проблемы Северной Кореи. С. Кутчесфани опубликовала статью в «Бюллетене ученых-атомщиков» о том, что настало время «креативной дипломатии» [34], элементами которой являются спортивная дипломатия, культурная дипломатия, меры по укреплению доверия, дипломатия по линии парламентов и личная дипломатия. Комментаторы статьи не разделяют оптимизм автора. Это не первый кризис, связанный с КНДР.

Обстановка накалялась несколько раз: в 1994 и 2003 гг., когда Северная Корея активизировала программы по обогащению плутония, а также в 2006 и 2009 гг., когда КНДР провела ядерные испытания. Текущий кризис возник не сегодня. В 2012 г. Северная Корея возобновила свою ракетно-ядерную программу и начала активную разработку ядерного оружия. Современное обострение кризиса связано с испытанием межконтинентальной баллистической ракеты в марте 2017 г. Международное сообщество столкнулось с положением, при котором

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-014-00033 А «Многостороннее взаимодействие в рамках режима ядерного нераспространения и национальные интересы России в контексте инициативы по запрещению ядерного оружия».

государство, известное своим провокационным поведением, оказалось невероятно близко к обладанию оружием массового уничтожения, способным достичь любой точки на Земле.

Мировое сообщество несколько раз пыталось остановить развитие ядерной программы КНДР, используя механизмы многосторонней дипломатии (переговорный процесс по денуклеаризации Корейского полуострова) и санкционные механизмы. Несмотря на все усилия международного сообщества, КНДР продолжала совершенствовать свою ракетно-ядерную программу.

Успехи северокорейской ядерной программы нанесли серьезный урон режиму нераспространения в целом, продемонстрировав неэффективность и несостоятельность его политического и экономического инструментария в противодействии распространению ядерного оружия, создавая прецедент для любой желающей страны обзавестись ядерным арсеналом страны в будущем.

Споры экспертов о возможном развитии сценария на Корейском полуострове проходят в контексте изучения политики США. Так, работа исследовательской группы конгресса «Северокорейская ядерная проблема: сценарии военного участия и предложения для Конгресса» [14] посвящена имеющимся у США силовым вариантам решения северокорейской проблемы. Авторы подтверждают, что любой военный конфликт на полуострове повлечет за собой огромные человеческие жертвы среди мирного населения, что, в свою очередь, по мнению большинства западных аналитиков, само по себе исключает возможность намеренного конфликта на полуострове.

Влияние санкций на экономику Северной Кореи также является предметом нескольких исследований. Энтони Руггiero считает, что объемы санкций можно и следует увеличить, сфокусировавшись также на китайских компаниях и фирмах [43]. Подобного мнения придерживается и Бенджамин Откувертюр [28], полагающий, что санкции необходимы для того, чтобы сохранить режим нераспространения ядерного оружия. Джозеф ДеТомас [18] и группа экспертов, публикующихся в журнале «Международные дела» («Foreign Affairs») [33], приходят к выводу, что режим санкций необходимо реструктурировать и усиливать не количественно, а качественно. В целом западные эксперты говорят о недостаточной эффективности санкций и делают акцент на необходимости их модификации, диверсификации, привлечении других стран, таких как Китай, и использовании санкций в комплексе с другими инструментами политического влияния.

Затрагивая перспективы дипломатического решения проблемы, западные аналитики отмечают в первую очередь необходимость для США сделать первый шаг к столу переговоров.

Практически все российские аналитики [1–3, 5–8, 10] соглашаются с тем, что режим санкций не является эффективным методом давления на КНДР и лишь еще больше дестабилизирует ситуацию на полуострове. Северная Корея, по мнению российских экспертов, ни в коем случае не пойдет на добровольную денуклеаризацию, а агрессивная политика США в регионе является главным фактором ядерных амбиций КНДР и нестабильности в регионе. Предложенный Китаем метод «двойной заморозки» и предоставления КНДР гарантий безопасности

рассматривается как эффективный и, возможно, единственно правильный вариант разрешения кризиса. При этом акцент делается на роли Китая и России в урегулировании конфликта как возможных посредников для переговоров и на возрождении многостороннего формата переговоров. В статье «Поезд Трампа ушел» [4] А. В. Картунов приходит к выводу, что США упустили свой шанс урегулировать ситуацию дипломатическим путем и тон переговорам будут задавать две Кореи, а Г. Толорая в статье «Корейское замирение — надолго ли?» [9] считает вероятным намеренный саботаж переговоров между Северной и Южной Кореей со стороны США.

В целом между западными и российскими экспертами нет единства в оценке северокорейской ядерной программы. Анализируя одни и те же данные, аналитики приходят к разным выводам. Российские эксперты склоняются в пользу снижения экономического давления на КНДР, в то время как западные эксперты, отмечая недостаточную эффективность санкций, предлагают их усилить. Рассматривая дипломатическую сторону вопроса, российские эксперты призывают к восстановлению процесса многосторонних переговоров, особенно отмечая роль Китая и России в переговорном процессе. В то же время западные эксперты полагают, что ключи к разрешению кризиса находятся в руках у президента США.

Политика и риторика президента США Д. Трампа свидетельствуют об отказе США от многостороннего формата решения северокорейской ядерной проблемы. При отсутствии прогресса в рамках переговорного процесса и неэффективности многосторонней дипломатии, а также непрекращающемся развитии ядерно-ракетной программы КНДР мы можем говорить о критическом моменте в развитии конфликта. Рассчитывать на «креативную дипломатию» не приходится.

Данная статья ставит целью провести комплексное исследование возможных стратегий США в отношении северокорейского ядерного кризиса и выявить наиболее вероятный сценарий политики США, основываясь в первую очередь на статистических данных, а также на анализе официального американского политического дискурса. В ходе данного исследования мы приходим к выводу, что вероятность военной эскалации кризиса крайне низка. Стратегия, избранная США, — это преимущественно экономическое и военное давление, а также принуждение к переговорам с позиции силы. Привлечение России в переговорный процесс крайне маловероятно. США выбрали стратегию односторонних действий.

Стратегия № 1. Военная интервенция США и их союзников и разрешение кризиса силовым путем

Теоретически военная интервенция США может принять форму превентивного точечного удара по ядерным комплексам, заводам по производству ракет и шахтным пусковым установкам КНДР или попытки полной смены режима Ким Чен Ына. Обладая большим количеством военных баз в регионе, США располагают военным контингентом численностью около 40 000 человек в Японии, около 35 000 — в Южной Корее, а также базами на территории о. Гуам, в Таиланде и на Филиппинах. В Японии также дислоцируется 7-й флот — крупнейший

из развернутых американских морских флотов, насчитывающий около 50–70 судов и 120 самолетов [30]. Стоит учитывать и имеющиеся в распоряжении США стратегические бомбардировщики и крылатые ракеты, способные наносить точечные удары по позициям противника. Очевидно, что США в случае необходимости способны на быструю мобилизацию региональных военных сил и нанесение внезапного и разрушительного удара. Согласно совместному договору об обороне Южная Корея также находится под «ядерным зонтиком» США.

Вне всяких сомнений, в случае если высшее руководство США решится на использование военной силы для разрешения кризиса, КНДР не сможет ничего противопоставить военной машине США и их союзников.

Анализируя высказывания высшего руководства США, мы обнаруживаем крайне агрессивную риторику, вызывающую в памяти позицию администрации Буша по отношению к «врагам Америки». Так, 17 марта 2017 г. госсекретарь США Р. Тиллерсон, намекая на возможность военного решения северокорейского вопроса, заявил следующее: «Позвольте мне быть предельно ясным: политика стратегического терпения кончилась... Возможны любые варианты».

Президент Д. Трамп также не скупится на угрозы, делая провокационные заявления о том, что Северная Корея столкнется с «невиданными прежде огнем и яростью» [46] и что «разговоры — это не решение!» [47]. Кульминацией агрессивной риторики Д. Трампа стало его обращение к Генеральной Ассамблее ООН 20 сентября 2017 г. В своей речи американский президент обещал «полное уничтожение Северной Кореи» в случае провокации с ее стороны, а также заявил, что Ким Чен Ын начал «самоубийственную миссию» [42]. 25 сентября Д. Трамп сообщил: «Мы полностью готовы ко второму варианту (военному), а не к варианту, который был бы желательным (переговоры)» [29].

Однако, несмотря на риторику президента США, вероятность развязывания Соединенными Штатами войны на Корейском полуострове представляется исключительно маловероятной в силу нескольких веских причин.

Основной фактор риска, делающий военную интервенцию со стороны США маловероятной, — это потенциально огромные жертвы среди гражданского населения Южной Кореи и Японии, включая американцев, находящихся на территории этих стран. Сеул, город с населением в 25 млн человек, находится всего лишь в 80 км от границы Корейской демилитаризованной зоны. В случае войны КНДР может обрушить шквал огня на город и другие цели в Южной Корее из расположенных вдоль границы артиллерийских и ракетных установок, количество которых оценивается в 8000 боевых единиц [36].

Аналитики предполагают, что американским и южнокорейским войскам может понадобиться 3–4 дня, чтобы полностью уничтожить северокорейскую артиллерию. При этом в случае атак КНДР по гражданским целям потери могут составить 300 000 человек и более в первые дни войны [Там же]. Известно также, что Северная Корея обладает крупными запасами биологического и химического оружия, а также баллистическими ракетами, способными доставить это оружие до Японии [11]. Здесь же вступает в игру и уже имеющееся у армии КНДР ядерное оружие, применение которого, в свою очередь, чревато уже миллионами жертв.

При этом, согласно оценкам военных специалистов, мобильные платформы для запуска ракет и ядерные объекты на территории КНДР спрятаны, поэтому американским военным не удастся разом точно уничтожить представляющие наибольшую угрозу цели [24].

Таким образом, стратегию точечного удара осуществить не удастся и США будут втянуты в полномасштабную войну. Говоря о возможности военного конфликта на Корейском полуострове, министр обороны США Джеймс Мэттис отмечает, что «конфликт в Северной Корее... наверное, станет самым ужасным сражением в жизни большинства людей» [57].

Еще одним важным фактором, сдерживающим военную интервенцию США, является Китай. Китай — единственный полноценный союзник КНДР, являющийся гарантом стабильности этой страны, для которого падение режима Кима идет вразрез со стратегическими интересами в регионе. Поэтому превентивный удар по Северной Корее со стороны США способен серьезно испортить их отношения с КНР, которая является одним из крупнейших торговых партнеров США. Более того, существует вероятность, что Китай может вмешаться в конфликт в случае, если США нанесут удар первыми [31]. Так, некоторые аналитики считают, что «если США и Южная Корея нанесут удары и попытаются свергнуть режим в Северной Корее и изменить геополитическую ситуацию на Корейском полуострове, Китай помешает им это сделать» [17]. Вероятно, в случае подобного конфликта Россия поддержит Китай как своего стратегического партнера, а также по причине того, что изменение баланса сил в Северо-Восточной Азии в результате падения режима Ким Чен Ына невыгодно и Москве. Вмешательство в конфликт одной или двух крупных и могущественных держав было бы крайне нежелательным исходом для США.

Еще одним фактором, который в теории способен инициировать военную интервенцию США, может стать развязывание войны или военная провокация Северной Кореи. Однако вероятность того, что Северная Корея нанесет первый удар по США или их союзникам в регионе крайне низка.

Бывший высокопоставленный северокорейский дипломат, беженец в Южную Корею, утверждает следующее: «Ким Чен Ын отлично знает, что как только он использует ядерное оружие против Америки или Южной Кореи, это может привести к полному уничтожению северокорейской политической системы» [23]; «Северная Корея не будет атаковать Южную Корею, пока в ней находятся американские войска и пока они не атакуют ее первыми» [Там же]. Для Ким Чен Ына величайшим приоритетом является выживание его режима. Именно поэтому он не будет совершать опрометчивых поступков.

Использовать ядерное оружие как средство дипломатического давления и еще одну гарантию безопасности от превентивных ударов США — это выгодная для руководства КНДР тактика, и в нее никак не вписывается полномасштабный конфликт, который Северная Корея выиграть не сможет.

Таким образом, можно сделать вывод, что милитаристская риторика со стороны США и Северной Кореи не является серьезной предтечей военного конфликта. Объемы потенциальных жертв среди гражданского населения, особенности

расположения северокорейских ядерных и военных объектов и вероятность вмешательства КНР в конфликт делают военную операцию в Северной Корее недопустимой для Соединенных Штатов. В то же время понимание того, что открытый вооруженный конфликт с США и их союзниками обернется разрушительными последствиями для Северной Кореи, предотвращает открытую военную агрессию со стороны Ким Чен Ына.

Стратегия № 2. Ужесточение режима международных экономических санкций в отношении КНДР и дальнейшая милитаризация региона

Одним из путей разрешения кризиса могла бы стать стратегия ужесточения режима международных экономических санкций. В теории это может привести к значительному ослаблению экономики КНДР, поставив ее на грань краха, что, в свою очередь, убедит Ким Чен Ына пойти на уступки и добровольно отказаться от ядерного оружия. В этом сценарии вероятно и дополнительное давление на Северную Корею с помощью усиления военного присутствия США на Корейском полуострове, модернизации вооружений, разворачивания противоракетных систем в регионе и усиления политического и военного альянса США с Южной Кореей и Японией. Подобная стратегия может преследовать и цель стратегического сдерживания Северной Кореи, демонстрируя лидеру КНДР, что ядерное оружие не способно изменить стратегический баланс в регионе в его пользу и не сможет послужить орудием политического давления на его соседей или США.

24 апреля 2017 г. официальные лица из Белого дома сообщили, что новой политикой в отношении КНДР станет стратегия «pressure and engagement» («давления и взаимодействия») [38], заключающаяся в постоянном усилении давления на Пхеньян. В этом Вашингтон надеется на помощь Китая (крупнейшего торгового партнера КНДР), а также намеревается работать над тем, чтобы ввести новые санкции Совета Безопасности ООН. При этом «взаимодействие» возможно только если КНДР согласится на полную денуклеаризацию.

Наблюдая за динамикой санкций в отношении КНДР, можно сделать вывод, что администрация Д. Трампа действительно следует согласно новой стратегии. В августе и сентябре 2017 г. Совет Безопасности ООН ратифицировал две новые резолюции в отношении Северной Кореи — 2371 [54] и 2375 [55] соответственно, которые усиливают санкционный режим, запрещая любой экспорт из страны угля, железа, свинца и морепродуктов, а также ограничили северокорейский импорт нефти и нефтепродуктов. Помимо прочего, были наложены ограничения на экспорт текстиля, совместные мероприятия, деятельность северокорейского Банка внешней торговли. В августе 2017 г. президентом США был подписан федеральный Акт о противодействии противникам Америки с помощью санкций [16]. Этот документ среди прочего накладывает санкции на северокорейские товары и иностранцев, нанимающих на работу граждан КНДР, а также расширяет полномочия президента по наложению санкций на лиц, нарушающих резолюции Совета Безопасности ООН.

Со стороны США было предпринято значительное увеличение объема санкций [21]. Так, согласно административному указу президента США от 21 сентября 2017 г. США оставляют за собой право отрезать от своей финансовой системы и/или замораживать финансовые активы любых компаний или лиц, торгующих с Северной Кореей, а любому самолету или морскому судну, побывавшему в пределах территории Северной Кореи, запрещается въезд в США на протяжении 180 дней после инцидента. В дополнение к этому, начиная с 25 сентября 2017 г., гражданам Северной Кореи запрещается въезд в США. Кроме того, по словам советника президента Южной Кореи по госбезопасности, США обещали направить больше солдат и военной техники на Корейский полуостров, что подтверждает намерение администрации Д. Трампа использовать милитаризацию региона как часть стратегии давления [22]. В пользу этого говорит и размещение системы противоракетной обороны ТНААД, предназначенной для высотного заатмосферного перехвата ракет средней дальности, на территории Южной Кореи в 2017 г. Во время визитов в Японию и Южную Корею в ноябре 2017 г. Д. Трамп, южнокорейский президент Мун и премьер-министр Японии С. Абэ подтвердили желание работать вместе над решением проблемы Северной Кореи. Синдзо Абэ отметил, что «Япония и США будут работать вместе, чтобы усилить международное давление на Северную Корею».

20 ноября 2017 г. президент Трамп объявил, что спустя 9 лет после исключения Северной Кореи из списка государств-спонсоров международного терроризма США вновь включают КНДР в этот список. Этот ход, по словам госсекретаря Р. Тиллерсона, носит в первую очередь «символический характер», но он также выразил надежду, что данный акт принесет и некоторую практическую пользу, снизив поддержку Северной Кореи со стороны «третьих стран» [56]. Этот, действительно в большей степени символический ход демонстрирует четкую приверженность Д. Трампа оглашенной ранее политике давления. Спустя день, 21 ноября 2017 г., Белый дом перешел к более практическим мерам, наложив новый пакет санкций, направленный против нескольких северокаорейских компаний и китайского бизнесмена [12]. «Северная Корея должна заработать право проводить переговоры» [37], — заявил госсекретарь США в интервью 15 декабря. В следующем интервью, 19 декабря, Р. Тиллерсон подтвердил, что «политика давления ни в коем случае не будет прекращена. Она только усилится со временем и будет продолжаться до тех пор, пока у Северной Кореи будет ядерное оружие» [19]. 22 декабря 2017 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 2397, накладывающую новый пакет санкций на КНДР. Разработанные в тесном сотрудничестве с китайской стороной экономические санкции, по мнению аналитиков, «выведут давление на северокаорейский режим на беспрецедентный уровень в том случае, если все международное сообщество, включая Китай и Россию, имплементируют эти меры полностью, честно и быстро» [25]. «Президент Трамп использует все возможные рычаги <...> чтобы повлиять на их поведение» — заявил советник Белого дома по государственной безопасности Томас П. Боссерт [Там же].

Неожиданно для всех, после того как США и Республика Корея приняли решение отложить совместные военные учения до окончания зимней Олимпиады,

Северная Корея сделала шаг навстречу своему южному соседу, и две страны провели первую за два года встречу на высшем уровне. По ее итогам они договорились о совместном участии в ближайшей зимней Олимпиаде, восстановлении военной «горячей линии» связи, а также согласились в последующем провести переговоры о снижении военной напряженности на границе. Президенты Трамп и Мун, посчитали это достижение результатом политики давления и санкций, проводимых США и их союзниками [50]. Очевидно, что это только подтвердило уверенность высшего руководства США в правильности избранной стратегии максимального давления. Госсекретарь Тиллерсон заявил, что «у нас есть свидетельства того, что санкции начинают действительно вредить Северной Корее», и обвинил Россию в нарушении санкционного режима и помощи КНДР.

Проблема избранной Белым домом стратегии заключается в том, что экономические санкции, которые должны истощить КНДР, до сих пор не были эффективными и не сумели помешать Пхеньяну двигаться по пути к ядерному оружию. С момента окончательного провала в 2003 г. подписанного США и Северной Кореей в 1994 г. Рамочного соглашения и ревитализации ядерной программы КНДР до момента текущего кризиса, на Северную Корею были наложены множественные многосторонние и односторонние санкции ООН, ЕС и США, превратившие ее в одного из мировых лидеров по количеству наложенных на нее санкций. Так, резолюция СБ ООН № 1718 [51] ввела финансовые санкции в 2006 г., резолюция № 1874 [52] расширяла и уточняла особенности имплементации предыдущих санкций, резолюция № 2094 [53] далее расширила и усилила санкционный режим, обязав государства-члены следовать нескольким новым серьезным санкциям. Со стороны США против КНДР были использованы санкции, направленные как на отдельных лиц, так и на финансовые институты и фирмы. В административном указе № 13570 [20], подписанном президентом Обамой в 2011 г., США расширили и ужесточили уже существовавшие санкции, создав всеобъемлющую и скоординированную санкционную программу. Северная Корея также входит в список стран, попадающих под действие INKSNA (Iran, North Korea, and Syria Nonproliferation Act) — указа конгресса, позволяющего наказывать конкретных лиц и организации, замеченные в нарушении режима экспортного контроля и торгующих с Ираном, Северной Кореей или Сирией.

Подводя итоги, можем заметить, что, несмотря на неэффективность санкций в прошлом, действия США и дискурс их высших политических кругов свидетельствует о том, что Соединенные Штаты продолжают возлагать на эту форму давления большие надежды и, очевидно намереваются продолжать пользоваться этой стратегией в будущем.

Стратегия № 3. Восстановление диалога США — Северная Корея и поиск дипломатического разрешения конфликта

Соединенные Штаты в перспективе имеют несколько возможных вариантов дипломатического разрешения конфликта. Они могли бы воспользоваться предложенной Китаем политикой «двухканального подхода», или «двойной

заморозки». Согласно министру иностранных дел КНР Ван И «Северная Корея может прекратить свои ядерные и ракетные испытания в обмен на прекращение крупномасштабных совместных военных учений США и Южной Кореи... Мы можем следовать “двухканальному подходу”, который, с одной стороны, ведет к денуклеаризации полуострова, а с другой — к созданию механизма обеспечения мира» [15].

США также могли бы заменить свои требования о денуклеаризации на предложения по нормализации отношений с целью движения КНДР к денуклеаризации в перспективе. Если Белый дом поставит своей целью не полную денуклеаризацию, а заморозку ядерно-ракетной программы и недопущение создания Северной Кореей новых бомб, то это откроет определенные возможности для американских дипломатов. Более значимыми требованиями могли бы стать запрет ядерных и ракетных испытаний, а также обещание не продавать и не передавать ядерные технологии третьим странам. Бывший (в должности с 3 февраля 1994 г. до 23 января 1997 г.) министр обороны США У. Перри отмечает: «Есть три вещи, на которых я бы сделал акцент. Номер один — ядерные испытания. Номер два — ракетные испытания. И номер три — продажа и транспортировка ядерных технологий. Я думаю, что мы сможем заключить подобную сделку... Кроме того, вполне возможно, что если мы совершим этот шаг, то это станет платформой, с которой мы сможем двинуться к более желанной цели — безъядерному Корейскому полуострову» [49].

В прошлом США удавалось добиться от КНДР только временной заморозки и ограничений северокорейской ядерной и ракетной программ. Во время кризиса 1993 г., после длительного переговорного процесса, сторонам удалось выработать и оформить соглашение. Согласно Рамочному соглашению, заключенному в 1994 г., Северная Корея согласилась подписать Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), пустила в страну инспекторов МАГАТЭ, прекратила строительство новых ядерных реакторов и остановила работу уже построенного реактора и перерабатывающей ядерное топливо фабрики. Взамен США обещали экономически помочь КНДР с постройкой двух новых реакторов, основанных на технологии «легкой воды», снабжать КНДР тяжелым топливом до момента постройки реакторов, а также нормализовать экономические и дипломатические отношения, снять санкции [44]. Однако ни одно из соглашений не было выполнено по причине скептицизма в конгрессе в отношении сделки. Реакторы не были построены, поставки топлива задерживались, снятия санкций и нормализации отношений также не произошло [Там же]. Северная Корея при этом секретно продолжила реализацию своей ядерной программы.

В 1999 г. США вновь решили прибегнуть к дипломатии, на этот раз в связи с активно развивающейся ракетной программой КНДР. Согласно воспоминаниям У. Перри, который в это время занимал должность специального советника президента США, двум сторонам удалось договориться об отказе Северной Кореи от ядерной и ракетной программы в обмен на нормализацию отношений [39]: «В октябре 2000 г. мы достигли полной вербальной договоренности о подробном соглашении по Северной Корее, они соглашаются остановить свою ядерную

программу и программу ракет дальнего действия. Мне кажется, нам не хватило 3–6 месяцев для того, чтобы подписать формальное соглашение» [45]. После прихода в кабинет Дж. Буша-мл. в 2000 г. договоренности американской стороной были разорваны.

В 2003 г. президент Буш предпринял последнюю на сегодняшний момент серьезную попытку договориться с КНДР после того, как она объявила о своем намерении выйти из ДНЯО. Шестисторонние переговоры затянулись до 2007 г., однако никакого прогресса так и не было достигнуто. Недоверие сторон друг к другу, новые санкции США, ядерные и ракетные испытания КНДР, неспособность участников согласовать технические детали процесса верификации выполнения обязанностей КНДР привели к тому, что в Пхеньяне отказались от дальнейших переговоров и заявили о невозможности отказаться от ядерной программы [45].

Таким образом, предыдущие попытки решить ядерную проблему КНДР дипломатическим путем можно охарактеризовать как затяжные и полностью провальные. «США разговаривали с Северной Кореей и платили им деньги на протяжении 25 лет. Разговоры — это не решение!» [47], — пишет президент Трамп в своем твиттере.

В свою очередь, советник президента США по нацбезопасности Г. Р. МакМастер 19 октября 2017 г. заявил, что, так как у Ким Чен Ына уже есть ядерное оружие, стратегия «двойной заморозки» сработать не сможет и целью США является исключительно полное разоружение Северной Кореи. «Длинные переговоры... потом получаем ядерное соглашение, а потом Северная Корея его сразу же нарушит. Это соглашение: что оно дает? Оно устанавливает статус-кво в качестве нового стандарта, — мы уже не можем такое себе позволить» [27].

Администрация Трампа настаивает на том, что переговоры невозможны, пока Северная Корея не пообещает полностью отказаться от ядерного оружия в качестве условия для переговоров [41]. В то же время КНДР отказывается обсуждать возможность переговоров по ядерному оружию и баллистическим ракетам, пока «враждебная политика США и ядерная угроза КНДР не будут полностью остановлены» [13]. Можно сделать вывод, что переговоры без предварительных условий не являются выгодными для обеих стран. Таким образом, для того, чтобы переговоры могли быть осуществлены, необходимо, чтобы одна из сторон решилась на уступки и отказалась от ультимативной позиции.

Вероятность того, что эту уступку совершит Северная Корея, невероятно мала. Для КНДР ядерное оружие — гарант безопасности. Правительство Северной Кореи также не раз делало акцент на том, что ядерное оружие необходимо ему как средство сдерживания американской агрессии, приводя в пример судьбы Саддама Хусейна и Муамара Каддафи [26]. Так, Ким Чен Ын недавно заявил, что ядерное оружие является мощным средством сдерживания, сохраняющим мир на Корейском полуострове [32].

Таким образом, мы можем заключить, что переговоры с КНДР могут состояться и быть успешными, только если США начнут использовать более гибкую дипломатическую стратегию и проявят готовность сделать денуклеаризацию Корейского полуострова частью продолжительной стратегии и решатся пойти

на определенные уступки, дав Северной Корее так желаемые ею гарантии безопасности. На данный момент не похоже, что США готовы к такому шагу.

Итак, северокорейский ядерный кризис не имеет идеального или быстрого решения. Ни США, ни КНДР не желают идти на компромисс. Ухудшение ситуации на Корейском полуострове в условиях, когда у КНДР имеется ядерное оружие, — опасная ситуация, при которой случайная ошибка, в том числе случайный запуск ракет, может привести к гибели миллионов людей и катастрофе огромных масштабов.

Несмотря на грозную риторику, ни Трамп, ни Ким Чен Ын не готовы к ведению военных действий с применением ядерного оружия. Добровольно и осознанно США и Северная Корея не пойдут на открытую военную эскалацию конфликта. Тем не менее США продолжают политику «максимального давления», или сдерживания. Она заключается в том, чтобы с помощью милитаризации региона и усиления режима экономических санкций, привлекая на свою сторону Китай, принудить Ким Чен Ына начать переговоры с предварительным условием, что северокорейский лидер согласится на полное разоружение.

Основной причиной сравнительной неэффективности санкций администрация Д. Трампа считает недостаточную приверженность Китая и России санкционному режиму. Очевидно, что для решения этой проблемы США попытаются привлечь Китай на свою сторону и стимулировать его участие в экономическом давлении на КНДР. Во время своего визита в Пекин 9 ноября 2017 г. Д. Трамп заявил: «Китай сможет легко и быстро решить эту проблему [северокорейский ядерный кризис], и я надеюсь, что Китай и ваш отличный президент будут старательно работать над ней» [40]. В свою очередь, госсекретарь Р. Тиллерсон также заявил: «У Китая есть способы, которыми он может надавить или повлиять на северокорейский режим из-за их тесных и уникальных экономических отношений... И поэтому мы продолжаем призывать его использовать свое влияние на Северную Корею, чтобы создать такие условия, в которых мы сможем вести продуктивный диалог» [48].

Для реализации данной задачи США могут ввести вторичные санкции против китайских компаний и банков. «Каждый раз, когда мы готовимся наложить вторичные санкции, китайцы соглашаются оказать больше давления на Северную Корею», — утверждает Д. Уайлдер, служивший в 2015–2016 гг. в ЦРУ в качестве заместителя директора по вопросам Южной Азии и Тихоокеанского региона. «Они хорошо умеют увеличивать давление на Северную Корею, если это помогает им избежать наложения нами санкций» [35]. Согласно Уайлдеру у Министерства финансов США уже есть список людей, компаний и банков, которые были замечены в спонсировании и оказании помощи КНДР [Там же].

Нельзя исключать, что США могут начать стратегию целенаправленного экономического давления на Китай, который, будучи довольно тесно интегрированным в глобальную экономику, почувствует на себе ее эффект.

Пока рано заявлять о том, насколько перспективной эта политика окажется в будущем, однако, принимая во внимание тот факт, что Трамп отдает

предпочтение санкциям и политике давления, логично предположить, что избранная стратегия продолжится до тех пор, пока Белый Дом не добьется переговоров на своих условиях.

Таким образом, вероятность дипломатического решения денуклеаризации КНДР висит на волоске. Она зависит от того, могут ли Соединенные Штаты позволить себе сменить резко конфронтационный тон на более мягкий и, поставив перед собой более скромные цели, найти компромисс с КНДР, уступив по некоторым непринципиальным позициям. Однако вариант уступок со стороны США представляется неправдоподобным, учитывая общий вектор внешней политики США и текущее отношение администрации Трампа к сложившейся на полуострове ситуации.

1. *Воронцов А.* Эскалация напряженности на Корейском полуострове — Время сделать шаг назад // Ядерный Клуб. 2017. № 1–2. С. 17–19.

2. *Иванов И.* О Северной Корее — без фатализма // Российский совет по международным делам. 6 сентября 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-severnoy-koree-bez-fatalizma/> (дата обращения: 25.02.2018).

3. *Ивашенцов Г.* Угрозы Р. Тиллерсона и корейский цугцванг // Российский совет по международным делам. 21 марта 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ugrozy-r-tillersona-i-koreyskiy-tsugtsvang/> (дата обращения: 25.02.2018).

4. *Кортунов А.* Поезд Трампа ушел // Российский совет по международным делам. 10 января 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koreyskoe-zamirenie-nadolgo-li/> (дата обращения: 25.02.2018).

5. *Кортунов А.* Пхеньян начинает и выигрывает. Что делать проигравшим? // Российский совет по международным делам. 3 ноября 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pkhenyan-nachinaet-i-vyigrывает-что-делат-proigravshim/> (дата обращения: 25.02.2018).

6. *Лукин А.* Корейский ракетно-ядерный кризис: танго втроем // Российский совет по международным делам. 22 августа 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koreyskiy-raketno-yadernyy-krizis-tango-vtroem/> (дата обращения: 25.02.2018).

7. *Толорая Г.* Корейский гамбит // Российский совет по международным делам. 15 августа 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koreyskiy-gambit/> (дата обращения: 25.02.2018).

8. *Толорая Г.* Корейский полуостров: кризис дипломатии и торжество права силы? // Российский совет по международным делам. 8 февраля 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koreyskiy-poluostrov-krizis-diplomatii-i-torzhestvo-prava-si/> (дата обращения: 25.02.2018).

9. *Толорая Г.* Корейское замирение — надолго ли? // Российский совет по международным делам. 12 января 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koreyskoe-zamirenie-nadolgo-li/> (дата обращения: 25.02.2018).

10. *Хрусталив В.* Маховик противостояния между КНДР и США // Российский совет по международным делам. 16 августа 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/makhovik-protivostoyaniya-mezhdu-kndri-ssha/> (дата обращения: 25.02.2018).

11. *Bennett B. W.* N.K. WMDs Carry Catastrophic Potential // The RAND Corporation. November 19, 2014 [Electronic resource]. URL: <https://www.rand.org/blog/2014/11/nk-wmds-carry-catastrophic-potential.html> (accessed: 25.02.2018).

12. *Borak D.* Trump administration slaps more sanctions on North Korea. // CNN. November 22, 2017 [Electronic resource]. URL: <http://money.cnn.com/2017/11/21/news/economy/treasury-north-korea-sanctions/index.html> (accessed: 25.02.2018).

13. *Carlin R.* Door to Negotiations, or No? // 38 North. Aug. 8, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.38north.org/2017/08/rcarlin080817/> (accessed: 25.02.2018).

14. *Chanlett-Avery E., Feickert A., Hildreth S. A., McInnis K. J., Manyin M. E., Nikitin M. B. D.* The North Korean Nuclear Challenge: Military Options and Issues for Congress // Congressional Research Service. November 6, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R44994.pdf> (accessed: 25.02.2018).

15. China proposes “double suspension” to defuse Korean Peninsula crisis // Xinhua. March 8, 2017 [Electronic resource]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-03/08/c_136112435.htm (accessed: 25.02.2018).

16. Countering America’s Adversaries Through Sanctions Act. August 2, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ44/PLAW-115publ44.pdf> (accessed: 25.02.2018).

17. *Denyer S., Erickson A.* Beijing warns Pyongyang: You’re on your own if you go after the United States // The Washington Post. August 11, 2017 [Electronic resource]. URL: https://www.washingtonpost.com/world/china-warns-north-korea-youre-on-your-own-if-you-go-after-the-us/2017/08/11/a01a4396-7e68-11e7-9026-4a0a64977c92_story.html?utm_term=.33dac8ddba61 (accessed: 25.02.2018).

18. *DeThomas J. M.* Sanctions’ Role in Dealing with the North Korean Problem // US-Korea Institute at SAIS. January 2016 [Electronic resource]. URL: <https://www.38north.org/wp-content/uploads/2016/01/NKNF-DeThomas-Sanctions-Role.pdf> (accessed: 25.02.2018).

19. *Diaz D., Merica D.* McMaster, Tillerson keep up pressure on North Korea // CNN. December 20, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://edition.cnn.com/2017/12/19/politics/hr-mcmaster-north-korea-donald-trump-nuclear/index.html> (accessed: 25.02.2018).

20. Executive Order 13570 of April 18, 2011 Prohibiting Certain Transactions With Respect to North Korea // Federal Register. Vol. 76, No. 76. Apr. 20, 2011 [Electronic resource]. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/04182011_nk_eo.pdf (accessed: 25.02.2018).

21. Executive Order 13810 of September 20, 2017 Imposing Additional Sanctions With Respect to North Korea // Federal Register. Vol. 82, No. 184. September 25, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/13810.pdf> (accessed: 25.02.2018).

22. *Fifield A., Lamothe D.* As North Korea threatens, U.S. to send ‘strategic assets’ to Seoul // The Washington Post. September 28, 2017 [Electronic resource]. URL: https://www.washingtonpost.com/world/more-us-strategic-military-assets-to-south-korea-to-deter-the-north-seoul-says/2017/09/28/4062cc7e-a416-11e7-8c37-e1d99ad6aa22_story.html?utm_term=.006c3b5a2ea4 (accessed: 25.02.2018).

23. *Friedman U.* Trump’s North Korea Policy Earns Praise—From a Former North Korean Diplomat // The Atlantic. November 3, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/11/north-korea-defector-trump/544769/> (accessed: 25.02.2018).

24. *Friedman U.* What Are America’s Options on North Korea? // The Atlantic. April 7, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/04/trump-options-nuclear-north-korea/522075/> (accessed: 25.02.2018).

25. *Gladstone R., Sanger D. E.* Security Council Tightens Economic Vise on North Korea, Blocking Fuel, Ships and Workers // The New York Times. December 22, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2017/12/22/world/asia/north-korea-security-council-nuclear-missile-sanctions.html> (accessed: 25.02.2018).

26. *Gollom M.* Kim Jong-un views nuclear weapons as a way to escape fate of Saddam and Gadhafi // CBC. August 13, 2017 [Electronic resource]. URL: <http://www.cbc.ca/news/world/north-korea-nuclear-weapons-donald-trump-1.4244020> (accessed: 25.02.2018).

27. *Haldevang M.* Top figures in Trump's White House are making war with North Korea sound inevitable. // Quartz. October 20, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://qz.com/1107662/hrmcmaster-is-making-war-with-north-korea-sound-inevitable/> (accessed: 25.02.2018).

28. *Hautecouverture B.* Why Must the Sanctions Against Pyongyang be Strengthened? // Fondation pour la recherche stratégique. December 19, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.frstrategie.org/web/documents/publications/notes/2017/201722.pdf> (accessed: 25.02.2018).

29. *Holland S., Ali I.* Trump: military option for North Korea not preferred, but would be 'devastating' // Reuters. September 25, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-northkorea-missiles/trump-military-option-for-north-korea-not-preferred-but-would-be-devastating-idUSKCN1C026A> (accessed: 25.02.2018).

30. *Holmes O.* What is the US military's presence near North Korea? The Guardian. August 9, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/aug/09/what-is-the-us-militarys-presence-in-south-east-asia> (accessed: 25.02.2018).

31. *Kausikan B.* What would China do if North Korea and the United States go to war? // South China Morning Post. September 13, 2017 [Electronic resource]. URL: <http://www.scmp.com/week-asia/geopolitics/article/2111039/what-would-china-do-if-north-korea-and-united-states-go-war> (accessed: 25.02.2018).

32. *Keshner A.* Kim Jong Un says his nuclear weapons are 'powerful deterrent' that will keep North Korea secure // NY Daily News. October 8, 2017 [Electronic resource]. URL: <http://www.nydailynews.com/news/world/kim-jong-nuclear-weapons-powerful-deterrent-article-1.3549543> (accessed: 25.02.2018).

33. *Klingner B., Lee S. Y., Stanton J.* Getting Tough on North Korea // Foreign Affairs. May/June 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/north-korea/2017-04-17/getting-tough-north-korea> (accessed: 25.02.2018).

34. *Kutchesfahani S. Z.* Now – more than ever – is the time for creative diplomacy // Bulletin of the Atomic Scientists. 8 February 2018 [Electronic resource]. URL: <https://thebulletin.org/now%E2%80%94more-ever%E2%80%94time-creative-diplomacy11497> (accessed: 25.02.2018).

35. *Meyer J.* Failure to sanction China helped North Korea, former officials say // Politico. April 16, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.politico.com/story/2017/04/north-korea-china-sanctions-237238> (accessed: 25.02.2018).

36. *Motoko R.* In North Korea, 'Surgical Strike' Could Spin Into 'Worst Kind of Fighting' // The New York Times. July 5, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2017/07/05/world/asia/north-korea-south-us-nuclear-war.html> (accessed: 25.02.2018).

37. North Korea must earn right to talks, says US Secretary of State Tillerson // BBC. December 15, 2017 [Electronic resource]. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-42372431> (accessed: 25.02.2018).

38. *Pennington M.* Trump strategy on North Korea: 'Maximum pressure and engagement' // Associated Press News. April 14, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.apnews.com/86626d21ea2b45c79457a873a747c452> (accessed: 25.02.2018).

39. *Perry W. J.* North Korea Called Me a 'War Maniac.' I Ignored Them, and Trump Should Too // Politico. October 3, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2017/10/03/north-korea-war-maniac-donald-trump-215672> (accessed: 25.02.2018).

40. *Philips T.* Trump praises China and blames US for trade deficit // The Guardian. November 9, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/nov/09/donald-trump-china-act-faster-north-korea-threat> (accessed: 25.02.2018).

41. *Rampton R.* Any U.S. talks with North Korea would press denuclearization demand: Pence // Reuters. February 15, 2018 [Electronic resource]. URL: <https://ca.reuters.com/article/topNews/idCAKCN1FY2PL-OCATP> (accessed: 25.02.2018).

42. Remarks by President Trump to the 72nd Session of the United Nations General Assembly. September 19, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-72nd-session-united-nations-general-assembly/> (accessed: 25.02.2018).

43. *Ruggiero A.* Restricting North Korea's access to finance // The Foundation for Defense of Democracies. July 19, 2017 [Electronic resource]. URL: http://www.defenddemocracy.org/content/uploads/documents/Anthony_Ruggiero_Testimony_HFSC.pdf (accessed: 25.02.2018).

44. *Ryan M.* Why America's 1994 deal with North Korea failed – and what Trump can learn from it // The Independent. August 4, 2017 [Electronic resource]. URL: <http://www.independent.co.uk/voices/north-korea-missile-test-us-1994-agreed-framework-pyongyang-programme-kim-jong-un-donald-trump-a7876446.html> (accessed: 25.02.2018).

45. *Sigal L.V.* Bad History // 38 North. August 22, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.38north.org/2017/08/lsigal082217/> (accessed: 25.02.2018).

46. Statement by Donald J. Trump, 45th president of the USA at a press conference at Bedminster, New Jersey. August 8, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://youtu.be/8p1JlIgtuKQk> (accessed: 25.02.2018).

47. Statement by Donald J. Trump, 45th president of the USA on his official Twitter account. August 30, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/902875515534626817> (accessed: 25.02.2018).

48. Statement by Rex Tillerson, 69th United States Secretary of State at August 1 Press Availability. August 1, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://kr.usembassy.gov/080117-secretary-tillerson-remarks-press-availability/> (accessed: 25.02.2018).

49. Statement by William J. Perry, former US Secretary of Defense at 38 North Press Briefing: January 9, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.38north.org/wp-content/uploads/2017/01/2017-0109-38-North-Press-Briefing-Transcript.pdf> (accessed: 25.02.2018).

50. Trump deserves credit for Korea talks, says President Moon // BBC. 10 January 2018 [Electronic resource]. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-42636101> (accessed: 25.02.2018).

51. United Nations Security Council Resolution 1718. October 14, 2006. United Nations : [official website]. URL: <http://unscr.com/en/resolutions/1718> (accessed: 25.02.2018).

52. United Nations Security Council Resolution 1874. June 12, 2009. United Nations : [official website]. URL: <http://unscr.com/en/resolutions/1874> (accessed: 25.02.2018).

53. United Nations Security Council Resolution 2094. March 7, 2013. United Nations : [official website]. URL: <http://unscr.com/en/resolutions/1874> (accessed: 25.02.2018).

54. United Nations Security Council Resolution 2371. August 5, 2017. United Nations : [official website]. URL: <http://unscr.com/en/resolutions/2371> (accessed: 25.02.2018).

55. United Nations Security Council Resolution 2375. September 11, 2017. United Nations : [official website]. URL: <http://unscr.com/en/resolutions/2375> (accessed: 25.02.2018).

56. *Usher B. P.* Trump declares North Korea 'sponsor of terror' // BBC. November 21, 2017 [Electronic resource]. URL: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-42058686> (accessed: 25.02.2018).

57. *Watson K.* War with North Korea would be "catastrophic," Defense Secretary Mattis says // CBS News. May 28, 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.cbsnews.com/news/war-with-north-korea-would-be-catastrophic-mattis-says/> (accessed: 25.02.2018).

Рукпись поступила в редакцию 28 февраля 2018 г.

УДК 316.324.8 + 574.2 + 330:574(510)

Ю. Ю. Ковалев
А. В. Степанов

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В АНТРОПОЦЕНЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЯ

В статье рассматриваются эволюция отношений между природными и антропогенными системами, сохраняющиеся противоречия между логикой экономического роста и развитием биосферы, необходимость перехода к коэволюционной парадигме социального развития. Исследуются становление понятия «зеленая экономика», ее принципы, особенности реализации. Показана взаимосвязь между экономическим ростом Китая и деградацией его экологических систем. Характеризуются основные направления экологической трансформации хозяйства страны. Делается вывод о неоднозначности модели «зеленого» экономического перехода.

К л ю ч е в ы е с л о в а: антропоцен, коэволюция территориальных систем, социально-природный метаболизм, Китай, «зеленая экономика», экологическая цивилизация.

Взаимосвязь между хозяйственной деятельностью человека, уровнем благосостояния общества и состоянием природного окружения была подмечена уже давно. Еще римский историк Плиний Старший в начале нашей эры критиковал ненасытную страсть римских граждан к предметам роскоши, дорогим вещам, которые «вырывались из внутренностей и жил Матери Земли», оставляя за собой безжизненные «лунные ландшафты», заражая ядом землю и воды [22, 123]. В XIX в. британский философ Г. Спенсер также подчеркивал неразрывную связь благосостояния общества с уровнем потребления природных ресурсов: чем выше уровень развития общества, тем больше оно нуждается в разнообразных природных ресурсах, и прежде всего в энергетических. Для общественной динамики необходимы энергия, сырьевые ресурсы [2].

Современные исследования истории энерго- и материалопотребления показывают, что каждый новый этап общественного развития человечества сопровождался возрастанием абсолютных и относительных показателей потребления ресурсов в десятки и более раз [11]. Особенно большие различия в процессах социально-природного метаболизма обнаруживаются при переходе от аграрного общества к индустриальному. В традиционном обществе потребление природных ресурсов не вызывает глубоких изменений в природной среде — за исключением отдельных случаев. Социальный и природный метаболизмы находятся в состоянии равновесия, они циркулярно замкнуты, не выходят за пределы региональной системы.

С развитием промышленного производства модус отношений между антропогенными и природными системами резко изменяется: циркуляционные процессы все больше заменяются кумулятивными, нацеленными на экспансию и рост, выход за пределы региональных рынков и границы региональных экосистем.

На этой стадии круговой цикл движения товара уже не вписывается в экологический круговорот: для все увеличивающегося производства требуется все больше природных ресурсов, что приводит к изменению экосистем, уменьшению видового биоразнообразия, разрушению биосферы. Производимые отходы в виде газов, жидкостей и твердых тел также уже не могут «усваиваться» локальными (региональными) экологическими системами, что приводит к их аккумуляции в различных природных средах (атмосфере, океане, почвах и т. д.). Противоречия между экономической и экологической (природной) системами, между линейным ростом производства на основе поглощения материально-энергетических ресурсов в экономике и круговой циркуляцией веществ в природе становятся дестабилизирующим фактором для всех планетарных систем.

Особенно с начала 1950-х гг. и по сей день наблюдается так называемое «великое ускорение» (Big acceleration) социального развития, при котором феноменальный рост населения Земли, сельскохозяйственных угодий, ВВП мира, автомобилей, внешней торговли, иностранных инвестиций, туризма, потребления первичных энергоносителей, воды, азотных удобрений, распространение ресторанов McDonalds сопровождаются феноменальным исчезновением биологических видов животных и растений, тропических лесов, невиданным ростом отходов, выбросами парниковых газов (CO_2 , метана), закислением Мирового океана, подъемом температур на земной поверхности. Человек стал доминирующей геологической силой на нашей планете, изменяя все географические системы, дестабилизируя относительно устойчивые системные отношения. Вмешательство человека в природные процессы настолько велико, что говорят о новом геологическом периоде в истории Земли — антропоцене. Профессор департамента геологии университета Лестера Ян Заласевич (Zalasiewicz) датирует его начало 16 июля 1945 г. в 11 ч 29 мин 21 с — моментом взрыва первой атомной бомбы на испытательном полигоне в Аламогордо, в Нью-Мексико [27].

Термин «антропоцен» амбивалентен. С одной стороны, он выражает возрастающую мощь человека в универсуме, с другой — новое понимание его места и роли в природных процессах. Человек — составная часть комплексного некса материально-энергетических потоков на нашей планете. Все в мире взаимосвязано. Промышленный рост или массовое потребление энергии и природных материалов в товарном эквиваленте в одних регионах становятся причиной засухи, в других — наводнений, тропических ураганов, что, в свою очередь, ведет к возрастанию социальной напряженности, конфликтам, войнам в этих регионах, обрекая массы людей на борьбу за существование и миграцию. Миграция из бедствующих регионов со своей стороны дестабилизирует социальные системы благополучных стран, порождая ксенофобию, расовую ненависть у населения, формируя новый ультраправый фронт (например, в странах Восточной Европы).

В антропоцене мир воспринимается как единая, комплексная, взаимосвязанная система, способная к саморазвитию, самоорганизации. Антропогенные системы находятся в тесном взаимодействии с природными. Это понимание открывает новые перспективы для их дальнейшего развития. Речь идет о коэволюции (совместной эволюции) территориальных систем. В ней экономика и природа

не находятся в антагонизме, а, наоборот, кооперируют, дополняют, обогащают друг друга. На сегодняшний день доминирующей метафорой новой коэволюционной перспективы является концепция «зеленой экономики» (направление экологической модернизации стран мира), претендующая стать главной парадигмой социально-экономического развития XXI в.

«Зеленая экономика» — составная часть концепции устойчивого развития. Впервые термин «зеленая экономика» начал использоваться в 1989 г. в серии работ американских исследователей Д. Пирса (D. Pearce) и Э. Барбира (E. Barbier) под общим названием «Концепция зеленой экономики». Центральной идеей «зеленой экономики», по их мнению, являются устранение антагонизма между развитием экономики и природы, достижение экологических целей путем экономического роста [25]. В дальнейшем контуры «зеленой экономики» вырисовываются в программе «Повестка дня на XXI век», принятой на конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г., конкретизируются и постепенно оформляются в единое идейное направление на последующих конференциях ООН по устойчивому развитию и защите климата (Global Green New Deal 2008). В 2011 г. программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) публикует доклад «Направления “зеленой экономики”: пути к устойчивому развитию и искоренению нищеты», ставший планом действия конференции «Рио + 20» в 2012 г. На ней представители более 180 стран высказались за принятие стратегии «зеленой экономики» как способа достижения целей устойчивого развития. В 2015 г. в завершение саммита ООН по климату был провозглашен переход к новому экономическому порядку, в основе которого будут находиться принципы «зеленой экономики». В климатических стратегиях многих стран мира, принятых в 2016–2018 гг., «зеленая экономика» — основа будущей экономической жизни общества. Достижения климатических целей возможно лишь при полной имплементации ее направлений: декарбонизации народных хозяйств, биоэкономики, экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики), возобновляемой энергетики, экологических инноваций.

Согласно определению программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) под «зеленой экономикой» понимают такой вид экономической деятельности, «который поддерживает благосостояние и социальное равенство и одновременно существенно снижает экологические риски и экологический ущерб» [23, 2]. Другими словами, «зеленая экономика» — вид хозяйственной деятельности, при котором рост доходов населения и его занятость осуществляются за счет государственных и частных инвестиций, которые ведут к сокращению выбросов парниковых газов и загрязнения окружающей среды, повышению эффективности использования энергетических ресурсов и сырья и препятствуют потере биоразнообразия и услуг экологических систем. Основные цели развития «зеленой экономики»:

- минимизация загрязнения окружающей среды;
- создание экономики замкнутого цикла;
- эффективное использование ресурсов и энергии;
- формирование экономики возобновляемых ресурсов;

- полное обеспечение потребностей страны за счет возобновляемых энергоносителей;
- защита биологического многообразия и экосистем;
- структурные изменения: экологически безопасное производство товаров и услуг;
- включение в зеленую парадигму всех отраслей хозяйства и сферы услуг;
- усиление международной конкурентоспособности;
- повышение резистентности экономики.

Принципы «зеленой экономики» становятся приоритетными в экономическом развитии многих государств и регионов мира. В Нидерландах, Швейцарии, Республике Корея, Японии, Великобритании приняты национальные стратегии ее развития. Китай, по мнению ЮНЕП, в настоящее время является одним из мировых флагманов экономики «зеленого роста» [24]. Апробация новых технологий в областях замкнутого циклического хозяйства, декарбонизации, повышения ресурсоэффективности промышленности, альтернативной энергетики превращают Китай в громадную экспериментальную площадку, где создаются не только технологические инновации, но и новые формы территориальной организации общества (например, экопарки, экогорода). Знания и передовой опыт Китая по трансформации территориальных систем в целях устойчивого развития могут быть использованы и в других странах. Однако говорить об этом еще рано. Страна находится в самом начале своего «зеленого» пути. Доминирующая на протяжении последних десятилетий экономическая политика «роста любой ценой» привела страну на грань экологической катастрофы. «Зеленая экономика» является поэтому как бы вынужденным, безальтернативным ответом на драматическую экологическую ситуацию внутри страны.

Экономический рост и экологическая деградация территориальных систем Китая

Китай — страна с крупнейшей в мире экономикой. Невиданный в мировой истории рост ВВП страны, промышленного производства, международной торговли в период 1990–2018 гг. выдвинул Китай в ранг влиятельнейшей глобальной экономической и политической силы. В 2016 г. ВВП страны по паритету покупательной способности (ППС) в абсолютном выражении составлял 19,8 трлн долл., что было на 2,5 трлн долл. больше, чем в богатейшем государстве мира — США (17,2 трлн долл.) [10]. По сравнению с 1990 г. абсолютный показатель ВВП, рассчитанный по паритету покупательной способности, вырос более чем в 10 раз. Также можно констатировать практически десятикратное увеличение душевых показателей ВВП в этот период (с 1,5 до 14,3 тыс. долл./чел.). Рост ВВП страны был гарантом роста благосостояния народа. Доходы большей части населения страны увеличивались ежегодно. Сокращалась доля бедного населения. Если в 1990 г. доля людей, живших менее чем на 2 долл. в день (по ППС 2011 г.), составляла в Китае 66,6 % населения, то в 2010 — 11,2 %, в 2013 — 1,9 % [26]. За этот период времени в стране сформировался крупный средний класс. В 2015 г. в Китае

проживало 109 млн человек с доходами от 50 до 500 тыс. долл. в год (10 % населения). На сегодняшний день Китай занимает первое место в мире по этому показателю (в абсолютном выражении). К 2020 г. доля среднего класса в структуре населения должна достичь 40 % [6].

Фундаментом роста благосостояния населения стал бум экспорто-ориентированного промышленного производства, которое, в свою очередь, базировалось на гигантских масштабах поглощения энергетических, сырьевых ресурсов из национальных экосистем. Рост промышленного производства сопровождался оскудением природного капитала и неимоверным загрязнением окружающей среды. Как итог, на смену материальной бедности населения страны пришли нищета природных систем и экологическая бедность жителей китайских городов и деревень.

Сегодня Китайская Народная Республика остается крупнейшим в мире производителем большинства материало- и энергоемких промышленных товаров. Китай держит мировое первенство в подавляющем большинстве промышленных производств. По отдельным видам промышленных товаров (сталь, цемент, минеральные удобрения) на него приходится порядка половины всего мирового производства (соответственно 803 млн т; 2,3 млрд т; 74 млн т) [4]. Восхождение к мировому промышленному доминированию Китая сопровождалось ростом его энерго- и материалопотребления как в абсолютных, так и в относительных показателях, эмиссии в атмосферу парниковых газов (рис. 1).

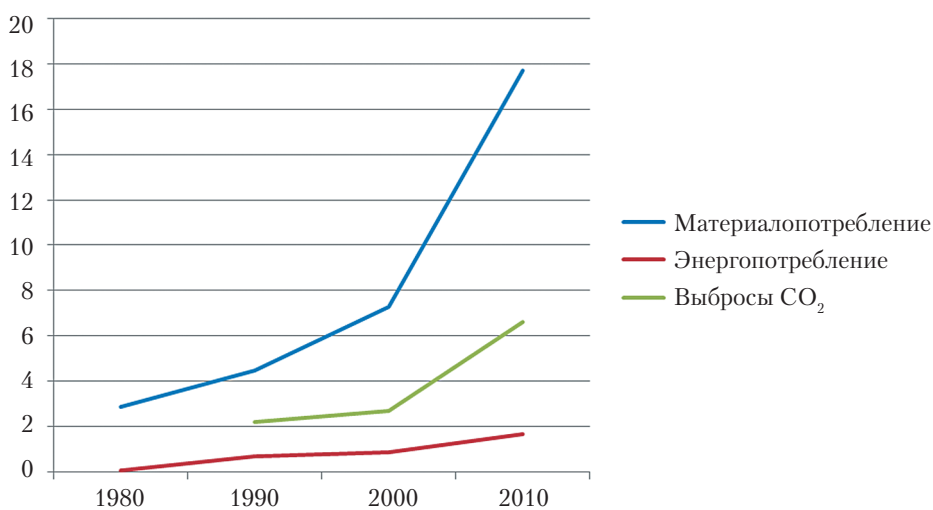

Рис. 1. Динамика материало- и энергопотребления в Китае и выбросов CO₂ в период 1980–2013 гг. (т/чел.)

Источник: составлено авторами по [17].

В душевых показателях потребление материальных ресурсов выросло в период 1980–2013 гг. в 6 раз (с 3 до 18 т/чел.), энергоносителей — более чем в 3 раза (с 2 до 6,5 т/чел.). Выбросы парниковых газов (CO₂) выросли в 5 раз (с 1,5 до 7,5 т/чел.). В абсолютных показателях эмиссии углекислого газа выросли с 1,4 до 10,2 млрд т.

Сегодня Китай является крупнейшим в мире производителем парниковых газов и, таким образом, главной движущей планетарной силой глобального изменения климата. На него приходится 30,6 % мировых выбросов CO₂, что более чем в два раза превышает долю США (15,6 %).

Рост материало- и энергопотребления страны опирался как на собственные минеральные и энергетические ресурсы, так и на увеличивающийся импорт из других стран. Динамика извлечения собственных природных ресурсов, как говорил Плиний, из «внутренностей и жил матери Земли» впечатляет своими масштабами. Так, добыча конструкторских минеральных ресурсов выросла с 0,5 до 19,2 млрд т, угля — с 620 до 3720 млн т, нефти — со 105 до 209 млн т [17]. Потребление первичных энергоресурсов достигло в 2016 г. уровня в 3,053 млрд т, что выдвинуло Китай на первое место в мире. Это практически на 1 млрд т больше, чем в США (2,2 млн т), и на 1,5 млрд больше, чем в ЕС (1,6 млрд т). Китай также опережает другие страны мира по выработке электроэнергии (24 % мирового производства). Более 2300 угольных электростанций генерируют 72,6 % национальной электроэнергии, что выдвигает Китай на восьмое место в мире по доле производства электроэнергии на экологически грязных угольных электростанциях.

Экономизация пространственных систем Китая, подчинение других субсистем территории логике экономического роста вызвали гигантские сдвиги в социально-природном метаболизме территориальных систем; нарушение в них биохимической циркуляции привело к загрязнению и разрушению природных систем. Занимающая первое место в мире по количеству зарегистрированных видов растений и животных (14 % от мировых) страна стремительно теряет свое биоразнообразие [5]. Непосредственной опасности подвержена и среда обитания человека. Китай является мировым лидером по объемам загрязнения воздуха, почв, грунтовых и поверхностных вод. По данным статистики, 16 из 20 городов мира с самым загрязненным воздухом находятся в Китае; 90 % питьевой воды в городах страны контаминировано вредными для здоровья человека веществами [12, 22]. Вода 75 % рек и озер настолько токсична, что не подходит даже для орошения полей и разведения рыбы. Загрязнению подвергаются акватории морей, в которые попадают нефть, тяжелые металлы и другие вредные вещества [1, 14]. Смогом охвачено 20 % территории страны. Масштабы его распространения продолжают нарастать. Проблема настолько остра, что даже появились инновационные проекты по созданию искусственных облаков над наиболее загрязненными регионами. В феврале 2014 г. над 15 провинциями Китая стоял сплошной смог, покрывший 1,81 млн кв. км. Из них 980 тыс. кв. км оказались очень загрязненной территорией с высоким уровнем опасности. Лишь немногие крупные города Китая, такие, например, как столица Тибета Лхаса, Хайкоу (пров. Хайнань, Южный Китай) и Чжоушань (пров. Чжэцзян, Восточный Китай), являются относительно чистыми [Там же, 15].

Очень загрязнены сельскохозяйственные земли Китая. В ходе проведенного мониторинга по диагностике состояния пашни (по 78 показателям) было установлено, что почва в большей части регионов относится к сильно загрязненной,

тяжелые металлы обнаружены на более чем 20 млн га. Более 3,3 млн га пашни признаны вообще не пригодными для ведения сельского хозяйства [1, 14]. По данным Всемирной организации здравоохранения, загрязнение окружающей среды становится причиной многих прогрессирующих заболеваний и преждевременной смерти тысяч людей. С ее состоянием связывают распространение онкологических заболеваний. В стране появился феномен «раковых деревень», где наблюдается высокий уровень смертности от онкологических заболеваний, вызванных загрязнением водной среды и почвенного покрова тяжелыми металлами, токсичными химическим соединениями и т. д. [3, 53]. Как пишет немецкий журнал «Виртшафтсвохе», Китай находился к началу 2013 г. на грани национальной экологической катастрофы. Без радикальных мер по трансформации экономических устоев страны ни о каком дальнейшем развитии не могло быть речи.

«Зеленая экономика» Китая

Политическое руководство Китая долгое время не придавало большого значения увеличению числа экологических проблем, сопровождающих экономический рост страны. Главным приоритетом было экономическое развитие. Экономический рост сам по себе был (и остается) основой благосостояния страны, одним из важнейших рычагов политических успехов КПК. Хотя его огромное значение никто в высших кругах страны не ставит под сомнение, начиная с 2000-х гг. в стране активно развивается дискурс «зеленой экономики», где важнейшую роль играют успехи «зеленого роста» в других государствах, и прежде всего в Республике Корея. Главными документами, отражающими цели и задачи стратегии реализации политики «зеленой экономики», являются пятилетние планы развития Китая и государственные законодательные акты.

В программе одиннадцатого пятилетнего плана (2006–2011) были обозначены задачи по устранению экологических проблем, сокращению потребления природных ресурсов. В программе декларировались трансформация экономики Китая в направлении циклического хозяйства (замкнутой экономики) и создание энергетически эффективного, экологически сознательного общества [16]. Одной из приоритетных задач было сокращение энергопотребления на 20 % в течение 5 лет, что стране не удалось реализовать. В двенадцатом пятилетнем плане, принятом в 2011 г., слово «трансформация» получает уже конкретное смысловое наполнение: «Трансформация модуса хозяйственного развития должна акцентировать внимание на важность создания ресурсосберегающего и природоохранного общества для экономии энергии, сокращения выбросов парниковых газов и противодействия глобальному изменению климата. Мы должны развивать замкнутую циркулярную экономику и новые технологии декарбонизации» [9, 21]. В тринадцатом пятилетнем плане (2016–2021) экологической модернизации отводится особое место. Она отмечена знаком приоритетного развития среди семи главных направлений развития страны (продвижение экологического развития и придание экологической составляющей приоритетного статуса), является составной частью других векторов развития (1. Разработка инновационной структуры экономики.

2. Содействие трансформации промышленности. 3. Создание новой модели согласованного развития регионов).

Главные направления развития «зеленой экономики» в Китае согласуются с принципами ЮНЕП и по содержанию во многом аналогичны разработкам передовых в этом отношении стран (Швейцарии, Нидерландов, Великобритании, Японии, Республики Корея). Для институционализации «зеленой экономики» в КНР по каждому из этих направлений были приняты национальные законодательные акты:

1. Пространственное планирование, природоохранные мероприятия — Land Administration Law (1999), (Environmental Protection Law 2015).

2. Экологическое производство — Cleaner Production Promotion Law (2003).

3. Программы по эффективному использованию энергии — Energy Conservation Law (2007).

4. Создание экономики замкнутого цикла — Circular Economy Promotion Law (2009).

Наряду с концепцией «зеленой экономики», исходящей из модели программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), в Китае есть собственная, отечественная модель экологической модернизации страны. Эта модель получила название «Экологическая цивилизация» и впервые была озвучена в 2007 г. на XVII съезде КПК. В ноябре 2012 г. цель — «создание “экологической цивилизации”» — была провозглашена приоритетом социально-экономического развития страны [24]. Основные положения концепции «экологической цивилизации» были высказаны заместителем председателя Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) Чунюнь Янгом (Chunyan Jiang) [14, 3]:

- Человек — часть природы. Отношения между людьми и другими существами должны базироваться на принципах равенства, дружбы, обоюдного доверия.

- Природа подарила нам жизнь. Мы должны быть ей благодарны и обходиться с ней хорошо.

- Человек имеет право использовать природные ресурсы, однако он должен принимать во внимание границы экосистем и окружающей среды, чтобы не допустить экологических катастроф.

- При использовании природных ресурсов человек должен:

- руководствоваться моральными принципами справедливости между людьми, между странами, между поколениями;

- держать в приоритете защиту, эффективность и повторное использование ресурсов, чтобы свести к минимуму их потребление и негативное воздействие на окружающую среду.

- Устойчивое развитие должно стать высшей целью.

- Плоды развития должны распределяться на всех членов общества и не должны быть монополизированы небольшой группой.

При всей кажущейся наивности и утопичности данной концепции она стала предметом серьезных дискуссий в ООН и подробно рассматривается как альтернативный путь к устойчивому развитию [24]. Огромные экологические проблемы, загрязненность городов Китая, страх власти перед новыми социальными

волнениями на почве экологического неравенства заставляют руководство КНР искать пути выхода из сложившейся ситуации. В концепции «экологической цивилизации» отражена надежда на создание нового модуса социально-природных отношений — модуса гармоничного, долгосрочного, стабильного экономического и социального развития.

Среди стратегий «зеленой экономики» форсированное развитие экономики замкнутого цикла находится в центре трансформационной парадигмы. Под термином «экономика замкнутого цикла» (циркулярная экономика) понимается вид хозяйствования, основанный на возобновлении ресурсов, переработке вторичного сырья, переходе от ископаемого топлива к использованию возобновляемых источников энергии.

Экономика замкнутого цикла (циркулярная экономика) включает в себя фазы производства, потребления и утилизации материальных продуктов (см. таблицу).

Структура экономики замкнутого цикла КНР

Фаза цикла	Уровень реализации		
	Микро (отдельный продукт, предприятие, процесс)	Мезо (территориальные кластеры)	Макро (город, регион, страна)
Производство	Экологически чистое производство, ресурсоэффективность, экодизайн	Экоиндустриальные парки, экологическое сельское хозяйство	Региональная сеть экоиндустриальных парков
Потребление	Потребление экопродуктов, экоуслуг	Экологические поселения, жилищные комплексы с высокими экологическими стандартами	Переход от модели собственности к модели аренды
Утилизация	Рециклинг	Рынок вторсырья, отходов, парки экономики замкнутого цикла	Региональная система экономики замкнутого цикла
Акторы и рамочные условия	Политика и законы, информационные платформы, предприниматели, неправительственные организации		

Источник: [25, 132].

Конец жизненного цикла одного продукта будет в ней обозначать одновременно рождение нового. Отходы одного производства становятся сырьем для другого. Тем самым резко повышается эффективность использования ресурсов, сокращается производство промышленных отходов. По оценкам правительства, внедрение цикличной экономики позволит увеличить эффективность использования ресурсов в период 2011–2016 гг. на 15 % [24, 9]. Экономика замкнутого цикла приносит большие доходы и создает рабочие места. По данным газеты

«Пекин Ревью», оборот капитала в отрасли составил в 2012 г. 1 трлн юаней (128 млрд евро) с числом занятых более 20 млн человек [15]. Экономика замкнутого цикла подразумевает создание особой инфраструктуры. В Китае с 2002 г. принята программа по строительству экопарков. Часть из них специализируются на циклической экономике. На сегодняшний день в большинстве провинций Китая функционируют сотни экопарков. С 2009 г. государство финансирует 700 проектов в этой области на сумму 814 млрд юаней, в том числе по строительству экологических городов [13, 124].

Другой приоритетной областью «зеленой экономики» является развитие возобновляемой, «чистой» энергетики. К возобновляемым источникам энергии (ВИЭ) относят как традиционную гидроэнергетику рек, так и новые виды энергий — ветровую, солнечную, геотермальную, биологическую, энергию приливов и отливов, океанических волн. Преимущество данного вида энергетики заключается в неисчерпаемости ее ресурсов, их экологической безопасности для окружающей среды. В настоящее время в мире наблюдается настоящий бум развития новых возобновляемых источников энергии, и прежде всего солнечной и ветровой. В период с 2005 по 2016 г. мощности производства электроэнергии на возобновляемых источниках (не включая гидроэнергетику) выросли в мире в 5 раз (с 185 до 921 ГВт). При этом мощность ветровых энергоустановок увеличилась более чем в 8 раз (с 59 до 487 ГВт), солнечных — более в 3 раза (с 88 до 303 ГВт). Мировые инвестиции возросли с 40 до 242 млрд долл. [20, 21]. Доля новых возобновляемых источников в производстве электроэнергии выросла с 3,4 % в 2005 до 8 % в 2016 г. При таких темпах развития, согласно журналу «Сайенс Алерт», к 2050 г. страны мира (132 государства) будут получать энергию исключительно от ветра, солнца, воды и биотоплива [21].

Китай — одна из самых динамично развивающихся в этой области стран мира. В 2005 г. страна производила 52 ГВт электроэнергии на основе новых возобновляемых источников (1-е место в мире, 28 % мирового производства) [19, 12]. В 2016 г. мощность выработки возросла до 258 ГВт (пятикратное увеличение). На сегодняшний день Китай является непревзойденным мировым лидером по производству электроэнергии на ВИЭ. Мощности его ВЭИ в 2016 г. практически в два раза превосходили таковые в США (145 ГВт), в три раза — в Германии (90 ГВт), в пять и более раз — в Японии (51 ГВт) и Индии (46), в 8 раз — в Италии (33 ГВт) [20]. Доля Китая в ВИЭ в мире не изменилась с 2005 г. и составляет 28 %. Однако доля ВЭИ в структуре производства электроэнергии страны пока невысокая и составляет 4,1 %, что в два раза меньше среднемирового показателя.

Среди ВИЭ главную роль в КНР играет ветровая электроэнергетика. В 2016 г. Китай производил 170 ГВт электроэнергии на ветровых энергоустановках (65 %). Это было практически на 90 ГВт больше, чем в США, занимающих вторую после Китая позицию в мире. Необходимо отметить, что в период 2010–2016 гг. КНР увеличила производство данного вида электроэнергии практически в 4 раза (с 44 до 170 ГВт). Только за один год (с 1 января 2015 до 1 января 2016 г.) производство ветровой электроэнергии выросло на 23 ГВт, как ни в одной другой стране мира [Там же].

Солнечная энергетика — вторая важнейшая составляющая развития ВИЭ в Китае. В 2016 г. мощность всех типов солнечных электростанций составляла 80 ГВт (31 % электроэнергии ВИЭ страны). В период 2015–2016 гг. мощности солнечных энергоустановок выросли на 34 ГВт, или на 46 %. Нигде в мире больше не наблюдается такого роста. Страна лидирует в мире не только по совокупной мощности солнечных энергоустановок, но также и по производству фотоэлектрических модулей. На Китай приходится 65 % мирового производства. Такие компании, как Jinkosolar, Trina Solar и Ja Solar, занимают три верхние позиции в списке крупнейших мировых производителей [20, 70]. Таким образом, ветровая и солнечная энергетика образуют основу «зеленой энергетике» Китая. Хотя на сегодняшний день они еще слабо представлены в структуре производства электроэнергии Китая, инвестиции в данную отрасль удивляют своими масштабами. В 2015 г. они достигли уровня 115 млрд долл., что составляло 37 % всех глобальных инвестиций в ВИЭ (рис. 2).

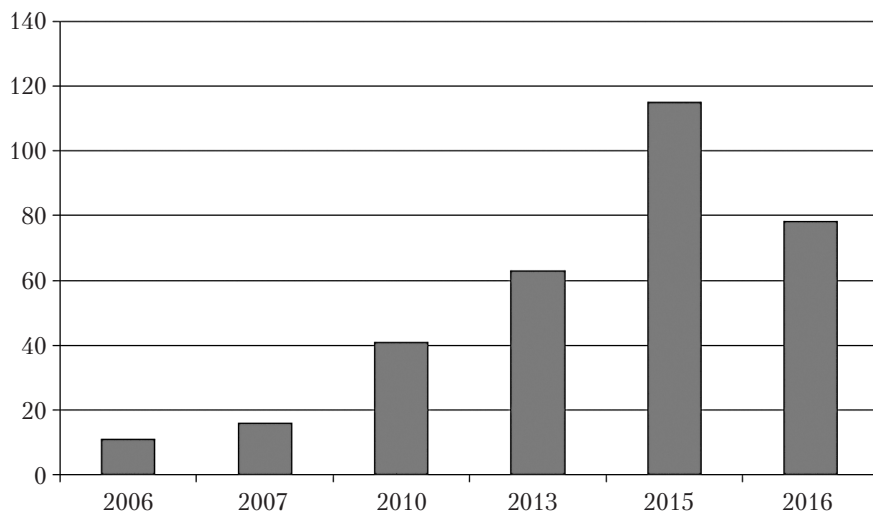

Рис. 2. Инвестиции КНР в возобновляемые источники энергии в период 2006–2016 гг.

Источник: [20, 115].

КНР не только инвестирует гигантские суммы в развитие внутренней альтернативной энергетики, но и является крупнейшим иностранным инвестором в этой отрасли в других странах. В 2016 г., по данным немецкого журнала «Шпигель», прямые иностранные инвестиции из Китая в сектор возобновляемых источников энергии составили 32 млрд долл. Китай интенсивно покупает небольшие инновационные экотехнологичные фирмы в других странах. Так, в 2016 г. китайский концерн Holding Beijing Enterprises стал собственником немецкой компании EEW, которую он поглотил за 1,4 млрд долл. Немецкая компания занималась разработками экотехнологий по превращению бытового мусора в электроэнергию [7].

Важнейшая стратегическая цель развития «зеленой экономики» — создание экологически и социально здоровой среды проживания человека. Особенно это касается крупных городов. Реализация принципов «зеленой экономики» в городах Китая призвана улучшить их бедственное экологическое состояние. Комплекс государственных мероприятий направлен в первую очередь на экологическую модернизацию жилищной и транспортной инфраструктуры, повышение их ресурсо- и энергоэффективности, а также на реализацию новых концепций «зеленой» мобильности населения: экологически чистый общественный транспорт, новые модели аренды автомобилей взамен традиционного владения, альтернативные виды передвижения.

Китай — крупнейшая автомобильная держава мира. В 2017 г. здесь было зарегистрировано 130 млн автомобилей. При сохраняющихся темпах моторизации число автомобилей достигнет к 2027 г. 700 млн единиц [28]. Китайские города задыхаются от автомобильного смога, страдают от постоянного шума, пробок. Центральное правительство различными мерами пытается изменить существующий тренд. Во-первых, государство целенаправленно поощряет развитие электромобильности. Компания «BYD» (Build Your Dreams), получающая от государственных банков миллиардные кредиты, является крупнейшим в мире производителем электроавтомобилей. В 2016 г. компания продала 100 тыс. электроавтомобилей, что было на 70 % больше, чем у знаменитой «Tesla». По планам правительства к 2020 г. в стране должно насчитываться не менее 2 млн электроавтомобилей, к 2025 г. — 7 млн [Там же]. Для достижения этих целей правительство Китая не только требует от национальных компаний скорейшего перехода на новые производства, но и ввело обязательную квоту выпуска электроавтомобилей для всех иностранных производителей. В 2018 г. данная квота составляет 8 %, с 2019 — 10 %, с 2020 — 12 %. При этом повышаются требования к экологичности традиционных автомобилей. Так, 1 января 2018 г. правительство КНР запретило производство 553 моделей автомобилей с двигателем внутреннего сгорания, которые не соответствовали новым экологическим нормам страны [8]. Спрос на электроавтомобили также во многом регулируется государством: весь городской общественный транспорт страны, включая такси, автомобили государственных служащих, должны быть по планам правительства электрическими.

Во-вторых, государство стимулирует изменение формы собственности используемого транспортного средства — отказ от частного владения и переход к краткосрочной коллективной аренде. В указаниях Министерства городского строительства настоятельно требуется «редуцировать склонность у населения к приобретению личного автомобиля, чтобы снизить транспортную нагрузку в городах страны» [7, 88]. Эта политика реализуется в конкретных мероприятиях. Например, покупка личного автомобиля в крупных городах Китая еще не означает его прямого использования. На это требуется разрешение властей в виде выдачи ими регистрационного автомобильного знака. В Пекине с 2011 г. регистрационные номера разыгрываются в городской лотерее. В августе 2017 г. было разыграно 13 тыс. лицензий (номеров) на поданные 2,9 млн заявок. Это значит, что только 13 тыс. автомобилистов получили в этом году разрешение на использование

автомобилей из потенциальных 2,9 млн человек. Такая практика широко распространена и в других городах Китая [7, 88].

Разнообразные службы аренды, каршеринга автомобилей и других транспортных средств также становятся альтернативой частному автомобилю. Высокий уровень дигитализации таких служб, использование ими программных приложений (Start, Didi) позволяют клиентам найти оптимальный вариант передвижения с низкими финансовыми затратами. Популярность такого вида услуг непрерывно растет. В июле 2017 г. программное приложение компании каршеринга Didi насчитывало 400 млн пользователей, хотя данная компания существует всего лишь с 2015 г.

Все перечисленные мероприятия в рамках «зеленой экономики» призваны экологически модернизировать китайское общество, создают предпосылки его трансформации согласно концепции «экологической цивилизации». Устранение антагонизма между экономикой и экологией, создание более-менее согласованного развития станет важнейшим прогрессивным вкладом в сохранение природных систем, улучшение качества окружающей среды.

Китай делает гигантские шаги в развитии национальной «зеленой экономики». За последние 10 лет страна стала мировым лидером по внедрению принципов экономики замкнутого цикла, становлению альтернативной энергетики, реализации инновационных проектов в области транспортной мобильности, экологических парков, экогородов. Вызванные бурным экономическим ростом серьезные экологические проблемы стали главной причиной трансформации китайской экономики. Переход от количественного, основанного на природных невозобновляемых ресурсах, к качественному, «зеленому», экономическому росту позволит стране сократить энерго- и материалопотребление (input), уменьшить выбросы вредных веществ в природную среду (output). В климатических стратегиях развития Китая поставлена цель редукции эмиссий CO₂ к 2030 г. на 60 %, по отношению к ВВП страны 2005 г. Тем самым упор делается на экологическое совершенствование производственных процессов.

В 2030 г. Китай достигнет своего апогея выбросов CO₂. Его доля в мире, вероятно, возрастет. Это вызывает критику со стороны многих экологических организаций. Поставленные на Парижском саммите глобальные климатические цели (нагревание атмосферы Земли не более 1,8 градуса к 2100 г.) с таким сценарием несовместимы. Кроме того, развитие «зеленой экономики», перевооружение энергетического хозяйства, создание нового флота электроавтомобилей, дигитализация городов потребуют громадных затрат невозобновимых ресурсов. Например, для изготовления одной ветровой офшорной энергетической установки необходимо в среднем 30 т меди. Растущая электромобильность населения потребует новых разработок месторождений лития и кобальта, а также редких металлов — необия, тулия. Их добыча, переработка, изготовление из них продуктов невозможны без крупного вмешательства в природную среду. Переход на принципы «зеленой экономики», возможно, еще более усугубит экологическую ситуацию в отдельных

районах страны, будет способствовать разрушению природных ландшафтов. По мнению немецкого экономиста Н. Печа, единственный путь комплексной экологизации общества — это полный отказ от доктрины экономического роста, создание экономики построста [18]. Однако на сегодняшний день ни одна политическая система в мире не осмеливается реализовать ее принципы. «Зеленая экономика» остается безальтернативным движением в будущем.

1. *Кранина Е. И.* Проблемы экологической безопасности Китая // Азия и Африка сегодня. 2015. № 3. С. 13–18.
2. *Спенсер Г.* Основные начала. М., 2012.
3. *Ушаков И.* XVIII съезд КПК и экологический императив Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 51–56.
4. China Statistical Yearbook, 2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexeh.htm> (accessed: 16.12.2017).
5. China steht vor einem Öko-Kollaps // Wirtschaftswoche. 19.12.2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.wiwo.de/technologie/green/living/umwelt-china-steht-vor-einem-oeko-kollaps/13544904.html> (accessed: 10.12.2017).
6. Chinas Mittelschicht als Versprechen/NZZ 29.07.2014 [Electronic resource]. URL: <https://www.nzz.ch/wirtschaft/chinas-mittelschicht-als-versprechen-1.18352702> (accessed: 11.12.2017).
7. China macht das große, grüne Geschäft // Spiegel. 06.01.2017 [Electronic resource]. URL: <http://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/china-will-weltmarktfuehrer-bei-erneuerbaren-energien-werden-a-1128807.html> (accessed: 10.12.2017).
8. China stoppt Bau von 553 Automodellen- auch VW betroffen // Spiegel 02.01.2018 [Electronic resource]. URL: <http://www.spiegel.de/auto/aktuell/fahrzeuge-schlucken-zu-viel-sprit-china-stoppt-bau-von-553-automodellen-a-1185838.html> (accessed: 02.01.2018).
9. Delegation of the European Union in China: China's 12th Five-Year Plan 2011-2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishchamber.cn/content/chinas-twelfth-five-year-plan-2011-2015> (accessed: 17.12.2017).
10. Factfish. World Statistics and Data Research [Electronic resource]. URL: <http://www.factfish.com> (accessed: 16.12.2017).
11. *Fischer-Kowalski M.* Gesellschaftlicher Stoffwechsel und Kolonisierung von Natur. Ein Versuch in Sozialer Ökologie. Amsterdam, 1997.
12. *Freimuth J., Schädler M.* Chinas Innovationsstrategie in der Globalen Wissensökonomie. B., 2017.
13. *Fuchs J. H., Du M., Gangnus A., Wang L.* Neue Chancen in China. Mit den aufstrebenden Märkten wachsen, aber geistiges Eigentum schützen. München, 2012.
14. *Jiang C.* Chinese leader calls for ecological civilization, Qiushi Journal, Central Committee of the Chinese [Electronic resource]. URL: <http://climateandcapitalism.com/2013/03/31/chinese-leader-calls-for-ecological-civilization> (accessed: 25.12.2017).
15. Kreislaufwirtschaft in China beschleunigt entwickeln // Beijing review. 11.07.2012 [Electronic resource]. URL: http://german.beijingreview.com.cn/german2010/Focus/2012-07/11/content_466416.htm (accessed: 10.11.2017).
16. *Ma K.* The 11th Five-Year Plan: Targets, Paths and Policy Orientation. NDRC 2006 [Electronic resource]. URL: http://www.gov.cn/english/2006-03/23/content_234832.htm (accessed: 27.12.2017).
17. MaterialflowsNet [Electronic resource]. URL: <http://www.materialflows.net/materialflowsnet/data/data-download/> (accessed: 10.12.2017).
18. *Paech N.* Befreiung vom Überfluss. Auf dem Weg in die Postwachstumökonomie. München, 2013.
19. Renewables 2007 Global Status Report [Electronic resource]. URL: http://www.ren21.net/Portals/0/documents/activities/gsr/RE2007_Global_Status_Report.pdf (accessed: 23.12.2017).

20. Renewables 2017 Global Status Report [Electronic resource]. URL: http://www.ren21.net/wpcontent/uploads/2017/06/178399_GSR_2017_Full_Report_0621_Opt.pdf (accessed: 23.12.2017).
21. ScienceAlert. 7 Ways Renewable Energy Totally Kicked Ass in 2017 [Electronic resource]. URL: <http://www.sciencealert.com/7-ways-renewable-energy-totally-kicked-ass-in-2017-power-environment> (accessed: 28.12.2017).
22. *Thommen L.* Umweltgeschichte der Antike. München, 2009.
23. UNEP. Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication [Electronic resource]. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/126GER_synthesis_en.pdf (accessed: 18.12.2017).
24. UNEP. Multiple Pathways to sustainable Development: Initial Finding from the global South, UNEP, 2015 [Electronic resource]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/1986MultiplePathwaysSustainableDevelopment.pdf> (accessed: 18.12.2017).
25. *Übergang in eine Green Economy: Notwendige strukturelle Veränderungen und Erfolgsbedingungen für deren tragfähige Umsetzung in Deutschland.* Umwelt Bundesamt. Dessau-Rosslau, 2016.
26. World Bank [Electronic resource]. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (accessed: 23.12.2017).
27. *Zalasiewicz J.* Die Einstiegsfrage: Wann hat das Antropozän begonnen? // *Das Antropozän.* Hg. Renn J., Scherer B. Berlin. S. 160–181.
28. *Zukunftslabor China* // *Spiegel.* № 37. 09.09.2017. S. 86–88.

Рукопись поступила в редакцию 31 января 2018 г.

УДК 323.1(567) + 342.24 + 342.4

**З. Э. Гумбатов
В. Д. Камынин**

ОСОБЕННОСТИ ФЕДЕРАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ИРАКЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с попытками центрального правительства Ирака решить проблемы сепаратизма в стране, укрепить законодательными мерами федеративное устройство страны, не допустить ее расчленения. Авторы опираются на анализ Основного закона Ирака, принятого в 2005 г., и проекта конституции иракского Курдистана, одобренного парламентом Курдистана 24 июня 2009 г. В качестве источников используются также выступления политических лидеров Ирака и материалы периодической печати. Делается вывод о том, что, поскольку Курдистан обладает достаточным экономическим потенциалом для стабильного развития, его политики думают о возможном отделении от Ирака. Это приводит к обострению отношений не только между курдским регионом и центральным правительством, но и между Ираком и соседними государствами, где имеется значительное курдское население.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Ирак, иракский Курдистан, федерализм, конституция.

Одним из самых взрывоопасных регионов в мировой политике в начале XXI столетия остается Ближний и Средний Восток. События, спровоцированные «арабской весной», распространяются на все новые страны и приводят к появлению новых международных проблем. Экспертное сообщество занято

обсуждением проблемы реформирования региона Ближнего и Среднего Востока и порожденных ею противоречий: новым витком арабо-израильского конфликта, американо-российских противоречий по Сирии, американо-турецких противоречий по сирийским курдам и т. д. В клубок противоречий вовлекаются государства региона, которые, казалось бы, прошли фазу острого противостояния с международным сообществом, такие как Иран и Ирак.

Ирак, до сих пор тяжело переживающий последствия военного вторжения США и их союзников в 2003 г. с целью свержения правительства Саддама Хусейна, а также военной операции против «Исламского государства», продолжают раздирать внутренние противоречия.

Проблема федерализма остается основной для современного Ирака, несмотря на то, что конституция 2005 г. закрепила статус Ирака как федеративной парламентской республики, основанной на консенсусе различных этноконфессиональных общин Ирака, таких как арабы-шииты, арабы-сунниты, курды и т. д. В статье 1 конституции говорится: «Республика Ирак — независимое суверенное государство, системой правления которого является демократическая, федеративная, парламентская республика» [2].

По конституции 2005 г. иракский Курдистан получил достаточно широкую автономию и по существу является самостоятельной частью республики. Статья 137 гласит: «Законы, принятые в Курдистане с 1992 года, и решения властей Курдистана, включая заключенные контракты и судебные решения, остаются в силе, пока они не будут отменены или изменены согласно законам Курдистана и соответствующим органам, при условии, что они не противоречат настоящей Конституции» [Там же].

Проблема федерализма в современном Ираке заключается в том, что теоретически на такой же статус могут претендовать и другие провинции страны. Шиитские исламисты поддержали в свое время принцип автономии курдского региона, полагая, что это станет гарантией против восстановления суннитской диктатуры, а некоторые даже стали требовать для населенной шиитами и богатой нефтью южной части страны такой же автономии, какой обладают курды. Впоследствии такого рода настроения распространились и на центральные районы, населенные в основном суннитами, недовольными доминированием шиитов в центральной власти. В 2011 г. население провинций Дияла и Салах-эд-Дин проголосовало за автономию. Дело дошло до угрозы распада страны, но большинство суннитов и шиитов, осознав опасность, предприняли усилия по преодолению сепаратистских устремлений [3].

Иракский Курдистан является курдским политическим образованием на территории Ирака. В соответствии со статьей 113 конституции Ирака «при вступлении в силу настоящей конституции Курдистан становится федеральным районом и существующие на его территории районные и федеральные органы власти признаются в качестве действующих» [2]. Таким образом, курдское региональное правительство (КРП), образованное еще в 1992 г., получило право управлять Курдистаном, имеющим статус широкой автономии, что делает его позицию аналогичной позиции члена конфедерации.

История разработки и принятия основного закона Ирака тесно связана с последствиями военного вторжения США и их союзников в 2003 г. Во время этой операции Курдистан использовался американскими войсками в качестве плацдарма и таким образом способствовал свержению режима Саддама Хусейна. За время присутствия американских войск в Ираке Курдистану удалось создать армию, организовать экономику и усовершенствовать собственное государственное устройство. Американцы, в свою очередь, в целях поддержания целостного, относительно централизованного Ирака разработали конституцию, которая должна была придать бывшим провинциям статус субъектов Федерации. Хотя первоначально президент Курдистана Массуд Барзани выразил нежелание подписать новую конституцию, он согласился сделать это после того, как в документе были упомянуты более широкие права для Курдистана [7]. Последним этапом в процессе легитимизации курдского государственного образования стало принятие конституции Ирака на референдуме в октябре 2005 г. Две провинции, Салахад-эд-Дин и Анбар, населенные преимущественно суннитами, проголосовали против проекта конституции. Доля их голосов составила одну треть против двух третей, голосовавших «за». С принятием конституции Ирак стал федеративным государством [17, 262].

Иракский Курдистан имеет полную независимость для того, чтобы действовать по своей собственной воле. Сейчас, кроме парламента и правительства, Курдстан располагает собственными вооруженными формированиями — пешмерга численностью до 200 тыс. человек с тяжелым вооружением, бронетехникой и танками, а также имеет частную службу безопасности [15], несколько спутниковых каналов, Kurdistan 24, KurdSat в Сулеймание и др., вузы и университеты в Сулеймание, Эрбиле и Дахуке. Курдский язык признан вторым официальным языком в Ираке. В статье 4 конституции Ирака записано: «Арабский и курдский языки являются двумя официальными языками Ирака» [2].

Эксперты едины в том, что иракские курды добились наибольших успехов в своем самоопределении и социально-экономическом развитии, законодательно получили статус субъекта Федерации с самыми широкими правами и полномочиями. Власти иракского Курдистана получают пропорционально численности своего населения 17 % доходов от иракского экспорта углеводородов. Регион достойно представлен в федеральных органах власти (президент Ирака Д. Талабани и шесть министров, включая министра иностранных дел, являются курдами; у курдов имеется влиятельная фракция в парламенте и т. п.).

Иракский Курдистан выгодно отличается от других частей страны с точки зрения безопасности и благоприятного инвестиционного климата, успехов в восстановлении разрушенных войной экономики, инфраструктуры, систем жизнеобеспечения, здравоохранения и образования. Сохраняющиеся разногласия и противоречия с центральным правительством власти иракского Курдистана, как правило, решают путем переговоров и дискуссий. Более того, лидеры иракских курдов неоднократно выступали в роли посредников между иракскими арабами-шиитами и арабами-суннитами и тем самым способствовали преодолению серьезных правительственных кризисов. Регион стал как бы оазисом стабильности и благополучия в балансирующем на грани гражданской войны Ираке [5].

Тем не менее между центральными властями и властями иракского Курдистана существует немало серьезных противоречий. По словам экспертов, фактическое разделение власти между правительством Ирака и Курдистаном является недостаточно четким. Это относится к таким вопросам, как владение природными ресурсами и контроль над поступающими от них доходами, роль армии Курдистана или пешмерги (ополчения), статус Киркука, а также ряда других спорных территорий, таких как Синджар и Махмур. Самым острым противоречием является вопрос о статусе Мосула, третьего по величине города Ирака с большим курдским населением в его восточной части [21, 40].

24 июня 2009 г. парламент Курдистана одобрил проект конституции курдского региона. История разработки и принятия этого документа также связана с последствиями военного вторжения США и их союзников в 2003 г. Еще в ноябре 2003 г. курдский парламент одобрил два основополагающих документа — конституцию курдского региона и конституцию будущего федеративного Ирака.

Согласно статье 3 проекта конституции курдского региона «конституция и законы курдского региона являются независимыми и заменяют собой все законы, принятые иракским правительством, кроме тех, что относятся к исключительной юрисдикции Федеративной Республики Ирак» [4]. Кроме того, парламент Курдистана самостоятельно устанавливает налоговые ставки и пошлины для своих граждан; КРП принимает решение о том, когда иракские военные могут войти на территорию Курдистана.

Наличие серьезных противоречий между центральными властями и властями иракского Курдистана вызывает дополнительную напряженность между ними, что вылилось, в частности, в целый ряд конфликтов. Российский эксперт В. Трофимов-Трофимов так описывает события, произошедшие в Ираке в 2011 г.: «Иракская осень 2011 г. казалась весьма богатой на политические события. Во-первых, в этой стране наблюдается террористический бум, обусловленный конкуренцией различных проектов дальнейшего обустройства Ирака, в ходе которого различные политические силы активно применяют насилие. Во-вторых, конфликт между центральным правительством и автономным курдским районом углубился как никогда раньше и грозит расколом страны. В-третьих, проект федерализации Ирака если не снят с повестки дня, то отложен на неопределенное будущее» [1].

В 2012 г. произошло прямое противостояние пешмерги и армии Ирака [18]. По словам Элисон Уильямс, «боевые действия являются драматической иллюстрацией более широкой борьбы за автономию, нефть и землю, которая может расстроить непростой федеральный союз Ирака» [6].

Г. Мирский указывает на то, что в основном законе иракского Курдистана записано, что Киркук — столица региона. Но арабы не согласны с этим, тем более что вблизи Киркука расположены вторые по величине в Ираке месторождения нефти и газа, которые могут в ближайшие десять лет принести в казну 1 трлн долл. Но в чью казну — Багдада или Эрбиля (там сейчас, пока не решен вопрос о Киркуке, находится центр иракского Курдистана)? [3].

Вообще, проблема распределения доходов от киркукско-мосульской нефти все последние годы является одной из самых острых.

Несмотря на то что КРП обладает широкими правами на самоуправление, ему по-прежнему приходится делиться доходами от экспорта нефти. В конституции Ирака говорится, что федеральное правительство вместе с региональными органами власти должно взять на себя управление нефтью и газом при условии, что оно будет справедливо распределять нефтегазовые доходы пропорционально числу населения во всех частях страны с выделением части доходов для областей, разрушенных в период военных действий, а также тех, которые были разрушены позже, и таким образом обеспечивать сбалансированное развитие во всех областях страны [2]. Но и КРП должно делиться доходами с центральным правительством, до тех пор пока оно признает власть центрального правительства Ирака. Это положение может быть в одностороннем порядке изменено региональным правительством согласно полномочиям, предоставленным КРП конституцией федерального государства.

Эксперты считают, что для решения спорных вопросов, касающихся территориальной целостности Ирака, Курдистан мог бы делегировать свои полномочия по контролю над войсками пешмерга центральному правительству, однако из-за этнических чисток, произошедших в течение прошлого столетия, а также того факта, что Ирак долгое время был дестабилизирован в связи с тем, что часть его территорий была подконтрольна террористическим организациям, это предложение не является рациональным. По мнению С. Иванова, сегодня на фоне бушующей гражданской войны в Ираке иракский Курдистан остается самым мирным, процветающим и экономически развивающимся регионом в стране [5].

Из-за нестабильной ситуации в других регионах страны в парламенте Курдистана неоднократно поднимали вопрос об отделении от Ирака. Призывы к независимости курдов продолжались в течение многих лет, в результате неофициального референдума 2005 г. 98 % населения иракского Курдистана проголосовало за независимость [10]. Референдум несколько раз объявлялся и несколько раз переносился [19], так как курдские вооруженные силы сотрудничали с иракским центральным правительством для освобождения Мосула [9].

Курдское региональное правительство планировало провести референдум в 2014 г. в условиях разногласий и споров между региональными и федеральными органами власти. Эти призывы приобрели импульс после обострения на севере Ирака гражданской войны, в ходе которой контролируемые Багдадом силы покинули некоторые районы, которые затем были заняты пешмергой и фактически контролировались курдами.

25 сентября 2017 г. был проведен референдум о независимости иракского Курдистана, предварительные результаты которого показали, что за независимость проголосовало около 93 % голосовавших. Законность референдума была отвергнута федеральным правительством Ирака.

После референдума среди курдского населения Ирана начали происходить массовые демонстрации в поддержку независимости иракского Курдистана [14]. Правительство Курдистана приступило к разработке планов государственного строительства и будущих переговоров с центральным правительством до того, как будет опубликовано заявление о независимости Курдистана. Барзани создал

новый орган «политического руководства» для подготовки к независимости, однако три курдские партии отказались войти в него [16]. Через четыре дня после референдума правительство Ирака отменило большинство международных рейсов в обоих международных аэропортах Эрбиля и Сулеймании. Гуманитарные, военные и дипломатические полеты запрещены не были [11]. Спустя пять дней после референдума иракское и иранское правительства объявили, что армии двух стран проведут совместные пограничные учения на пунктах пересечения границы Ирана с иракским Курдистаном [13]. Иранские танки были развернуты вблизи границы с иракским Курдистаном, Иран также закрыл свою общую границу с иракским Курдистаном. Курдские предприятия по всему Ираку подверглись нападениям [8].

15 октября 2017 г. иракские силы начали операцию по захвату Киркука. Иракские государственные средства массовой информации сообщили, что иракские подразделения первоначально не сталкивались с сопротивлением при захвате районов вблизи Киркука, падение Киркука дало толчок к капитуляции курдов на севере Ирака [20]. 25 октября 2017 г. с целью избежания эскалации конфликта с иракским центральным правительством иракский Курдистан предложил, несмотря на результат сентябрьского референдума о независимости, начать диалог с Багдадом. В заявлении также предлагалось прекратить боевые действия «в целях предотвращения дальнейшего насилия», вызванного началом иракской военной операции [22]. 29 октября 2017 г. Масуд Барзани объявил о своем намерении уйти с поста президента иракского Курдистана с 1 ноября, после 12 лет пребывания у власти [12]. В итоге иракская армия вернула контроль над спорными территориями, которые контролировались пешмергой, а проект создания курдского независимого государства был отменен.

Г. Мирский, рассуждая о перспективах федерализма в Ираке, считает, что дело идет к установлению асимметричного федерализма, в рамках которого арабские провинции Ирака будут пользоваться значительно меньшей автономией, чем курдский регион [3].

Подводя итог анализу развития федерализма в Ираке, следует заметить, что центральное правительство узаконило права КРП на референдуме по принятию конституции Ирака в 2005 г. Курдистану удалось сохранить за собой право иметь собственную армию и значительное самоуправление, что делает его регионом с самыми широкими полномочиями в Ираке и позицией, похожей на позицию члена конфедерации. Однако право Курдистана владеть военными силами противоречит исключительным правам центрального правительства [2], что приводит к конфронтации между центральным и региональным правительством. Несмотря на недовольство центральной власти существованием вооруженных сил пешмерга под управлением Курдистана, КРП рассматривает их как необходимое условие обеспечения безопасности курдского населения из-за политической нестабильности в Ираке. Так как Курдистан обладает достаточным экономическим потенциалом для стабильного самоуправления, КРП думает о возможном отделении от федерального правительства, что обостряет напряженность как между курдским регионом и центральным правительством,

так и с соседними странами, где имеется значительное курдское население, например, с такими, как Иран, Сирия и Турция.

1. *Трофимов-Трофимов В.* Ирак между федерализацией и феодализмом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gumilev-center.ru/irak-mezhdu-federalizaciejj-i-feodalizmom/> (дата обращения 18.01.2018).
2. Конституция Республики Ирак [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=1010&page=3> (дата обращения 24.08.2017).
3. *Мирский Г.* Ирак без оккупантов [Электронный ресурс]. URL: https://russian.council.ru/PCMD:Ирак_без_оккупантов (дата обращения 18.01.2018).
4. Проект Конституции Иракского Курдистана [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=1010&page=3> (дата обращения 24.08.2017).
5. *Иванов С.* Курдская проблема и возможные варианты ее решения [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.journal-neo.org/2013/05/28/kurdskaia-problema-i-vozmozhny-e-varianty-ee-resheniya/> (дата обращения 16.01.2018).
6. *Williams A.* Iraqi Kurdish leader says region will defend itself [Electronic resource]. URL: <http://www.reuters.com/article/2012/11/18/us-iraq-kurds-idUSBRE8AG0I220121118> (accessed: 11.01.2017).
7. *Akulov A.* Greater Kurdistan: a New Actor on Middle East Map? [Electronic resource]. URL: <http://www.strategic-culture.org/news/2012/11/29/greater-kurdistan-a-new-actor-on-middle-east-map.html> (accessed: 11.01.2018).
8. A new war in Iraq, now between Shia Arabs and Kurds // *The Economist*. 2017. 16 Oct.
9. PM Barzani: Mosul could be liberated within three months // *Kurdistan*. 2016. 24/31 Oct. [Electronic resource]. URL: <http://www.kurdistan24.net/en/news/e4536e45-41b2-49f7-8cba-bb569cb4a6d3/pm-barzani--mosul-could-be-liberated-within-three-months> (accessed: 12.11.2017).
10. Iraq Kurdistan independence referendum planned // *BBC News*. 2014. 1 July [Electronic resource]. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-28103124> (accessed: 04.11.2017).
11. Iraq halts flights to Kurdistan Region // *BBC News*. 2017. 29 Sept. [Electronic resource]. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-41440747> (accessed: 12.11.2017).
12. Iraqi Kurdish leader Massoud Barzani to step down // *BBC*. 2017. 29 Oct. Retrieved 30 Oct. 2017 [Electronic resource]. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-41794083> (accessed: 12.11.2017).
13. Iran and Iraq to hold joint border drills // *Al Jazeera*. 2017. 30 Sept. [Electronic resource]. URL: <http://www.aljazeera.com/news/2017/09/iran-iraq-hold-joint-border-drills-170930144038863.html> (accessed: 15.11.2017).
14. Iran's Kurds are growing restless, too // *The Economist*. 2017. 30 Sept.
15. *Coles I.* Outgunned and untested for years, Kurdish peshmerga struggle [Electronic resource]. URL: <http://uk.reuters.com/article/2014/08/13/uk-iraq-security-peshmerga-idUKKBN0GD1N820140813> (accessed: 11.01.2018).
16. Jalal Talabani's mediating skills will be much missed // *The Economist*. 2017. 5 Oct.
17. *Fattah H., Caso F.* A Brief History Of Iraq. Facts on File. N. Y., 2008.
18. Kurdish troops fire on Iraqi army helicopter in dispute [Electronic resource]. URL: <http://www.reuters.com/article/us-iraq-kurdistan/kurdish-troops-fire-on-iraqi-army-helicopter-in-dispute-idUSBRE8BH17720121218> (accessed: 04.11.2017).
19. Kurds agree to postpone independence referendum // *TheStar.com*. 2014. 5 Sept. [Electronic resource]. URL: https://www.thestar.com/news/world/2014/09/05/kurds_agree_to_postpone_independence_referendum.html (accessed: 12.10.2017).
20. *Chulov M.* Kurdish forces abandon long-held lands to Iraqi army and Shia fighters // *The Guardian*. 2017. 17 Oct.
21. *Gunter M. M.* The Kurds Ascending: The Evolving Solution to the Kurdish Problem in Iraq and Turkey [1st ed.]. L., 2007.

22. Statement from Kurdistan Regional Government. Retrieved 2017-11-05 [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/oct/17/kurdish-forces-abandon-long-held-lands-to-iraqi-army-and-shia-fighters> (accessed: 12.12.2017).

Рукопись поступила в редакцию 29 января 2018 г.

УДК 321.01(593) + 321.022 + 321.64 + 351/354 + 355/359

П. Таномсакчай

ВЛИЯНИЕ ВОЕННЫХ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ ТАИЛАНДА

В статье рассматривается вопрос о влиянии военных на политику Таиланда начиная с сиамской революции 1932 г. Выясняются причины вмешательства военных в события 2006 и 2014 гг. Анализируется влияние военных на политические институты тайской демократии. Раскрывается суть дискуссии о понятии «государственный переворот». Делается вывод о том, что под предлогом противодействия угрозам государственной безопасности военным удается достичь политической и экономической власти, но это создает условия, порождающие политическую нестабильность и социальный беспорядок.

Ключевые слова: военное влияние, военное вмешательство, государственный переворот, конституционная монархия, политическая власть, политическая кризис.

Как азиатские, так и западные ученые обращают внимание на роль военных в демократическом государстве. В исследовании американского политолога С. Хантингтона, основанном главным образом на анализе влияния военных на Западе, делается вывод, что военные являются инструментом правительства для управления государством и они должны оставаться в казармах, за исключением случаев, когда гражданские власти требуют иного [15, 383]. Тайские исследователи С. Бамрунгсук, П. Пануват, С. Сутхисангиам так же рассматривают роль военных в демократическом обществе. Профессор Чиангмайского университета Таиланда, доктор политических наук Паттанапрассерт Пануват отмечает, что следует четко различать функции военных и гражданского правительства, избираемого народом. Гражданское правительство должно командовать армией, как и другими государственными институтами, определять политику, принимать бюджет и т. д. Военные могут нести ответственность только за состояние вооруженных сил, но гражданское правительство при этом должно иметь возможность отменять военные приказы и требования. Военные не имеют права на принятие политических решений. Если военные подменяют гражданское правительство, то это следует рассматривать как военное вмешательство в политику, что представляет собой отклонение от демократического принципа [18, 97].

Вопросом о роли военных в демократическом государстве занимаются и российские исследователи. Так, Н. Ефимов определяет роль военных в России. По его мнению, армия подлинно демократического правового государства не может

страдать «политической слепотой», ее личный состав призван обеспечить безопасность государства и общества. Это предполагает соответствующий уровень ее политических и юридических знаний, достигаемых повседневным разъяснением государственной политики, российского законодательства, национальных интересов России [1, 42]. Е. В. Пугачева рассматривает роль военных в Таиланде. Она считает, что армия продолжает оставаться единственным институтом в обществе, имеющим особую связь с монархией и выступающим в качестве гаранта сохранения традиционных ценностей и основ тайской государственности «нация — религия — король» [6, 199].

В статье в качестве основного источника для раскрытия проблемы используются конституции Королевства Таиланд.

Очевидно, что в Азии военные гораздо больше, чем на Западе, принимают участие в политике. Это объясняется тем, что военные Индонезии, Мьянмы и Таиланда считают экономические и политические проблемы развития стран частью своих интересов.

Политическая роль военных в Таиланде возросла в 1932 г., когда несколько офицеров вместе с группой высокопоставленных гражданских лиц, называвших себя «Народной группой», решили сменить форму правления страны с абсолютной монархии на конституционную. Первый раз в стране был введен демократический режим, но население к этому оказалось не готово, ибо люди не понимали важности расширения своих прав. Носителями политической демократии в Таиланде были немногочисленные группы высокообразованных и политически активных бюрократов и верхушка военных.

С самого начала политическая роль военных была сведена к поддержке конституции, написанной «Народной группой», и укреплению военной мощи в рамках Конституции 1932 г.

В Конституции Королевства Таиланд 1949 г. впервые раскрывалось понятие «государственная политика». В ст. 58–61 определялась особая роль военных в стране и подчеркивалось, в каком случае военные могут иметь право оказывать влияние на политику. Военные находились под верховным командованием короля и не принадлежали ни к какой политической партии. Их могли использовать в случае войны или для защиты людей и королевской власти во время восстания. Только монарх мог вводить военное положение. Использование военной силы для оказания помощи другим должностным лицам регулировалось положениями закона. Частные лица и политические партии не могли использовать военную силу, прямо или косвенно, в качестве политического инструмента [2].

Конституция Королевства Таиланд 1997 г. являлась первой конституцией, которая разделила понятие «государственная политика» на основную государственную политику и политику государственной безопасности, которая стала прерогативой вооруженных сил. В ст. 71 и 72 Конституции определялась роль военных как организации, ответственной за сохранение института короля, независимости, суверенитета и территориальной целостности страны, в них характеризуются формы использования вооруженных сил для выполнения этой важной миссии [3].

Конституция Таиланда 2007 г., которая была подготовлена группой разработчиков, контролируемых военной хунтой, определила роль военных в ст. 77 второй части гл. 5. В ней говорилось, что государство защищает и охраняет институт королевской власти, независимость и суверенитет и территориальную целостность страны и создает в необходимых и достаточных количествах вооруженные силы, оснащенные современным оружием и технологиями, для защиты независимости, суверенитета, национальной безопасности, института короля, национальных интересов системы правления по принципу конституционной монархии и для целей прогресса страны [4]. В действующей Конституции страны 2017 г. в ст. 52 добавлен пункт о военной обязанности, на основании которой вооруженные силы формируются с целью развития страны [5]. Таким образом, по существу, конституция Таиланда дает военным возможность вмешательства в политику.

Независимо от того, как конституция регулирует роль армии и использование военных сил, военные использовались при проведении переворотов и уничтожении демократии на протяжении всей истории Таиланда.

По мнению тайского исследователя С. Бамрунгсука, после падения абсолютной монархии в Таиланде престиж королевской власти упал, а роль армии усилилась. Тем не менее задачи вооруженных сил всегда включали поддержание безопасности королевских институтов [10, 148].

Идея военных как «костяка страны» по-прежнему остается сильной в Таиланде [19, 326]. В соответствии с концепциями уважения и лояльности к начальству военные пытались вписать свою иерархическую структуру в рамки тайской политики. В Таиланде военные позиционируют себя как профессиональное учреждение, которое отвечает за защиту государства путем вмешательства в политику, когда они сочтут это необходимым. Тайские военные участвуют в проведении военных переворотов, поддерживают созданные военными правительства или управляют государством в качестве временного правительства. За последние 80 лет борьба между людьми в военной форме и гражданским правительством в тайской политике выразилась в частых переворотах и военном контроле над государственной властью. Со времен сямской революции 1932 г. и по сегодняшний день в Таиланде произошло 13 военных переворотов [22].

В Оксфордском словаре государственный переворот определяется как замена государственной власти военной силой, как захват власти у государства и смена ее на власть группы, совершившей государственный переворот [13, 281].

По мнению С. Бамрунгсука, государственный переворот направлен на смену главы правительства с использованием или угрозой использования военной силы [11, 42].

С. Суттхисангиам определяет понятие «государственный переворот» как свержение правящего правительства. Но это не смена формы правления или всего государственного устройства. И совсем не обязательны для этого жесткие меры или кровопролитие. Когда группа, совершившая государственный переворот, захватывает власть, отмена конституции является обязательной [7, 89].

Е. В. Пугачевой разработано собственное определение данного понятия, с нашей точки зрения, наиболее полно описывающее феномен военных переворотов

в Таиланде. Автор отмечает: «Военный переворот в Таиланде — исторически сложившийся и органичный для периода конституционной монархии в Королевстве Таиланд механизм саморегулирования политической жизни в стране. В основе механизма — насильственная смена глав правительств и правящих группировок, не закрепленная конституцией или другими нормативными актами, производимая при решающем участии столичных гарнизонов сухопутных войск Таиланда» [6, 199].

Из данных определений государственного переворота можно сделать вывод, что государственный переворот в Таиланде — нарушение конституции, потому что конституция — главный закон страны, где говорится о недопущении государственных переворотов. В Конституции Таиланда 1932 г., в гл. 1, записано, что суверенитет принадлежит народу и не может принадлежать ни одной группе, ни одному человеку. Государственный переворот позволяет военным постоянно влиять на политические процессы. Поэтому институт вооруженных сил можно считать одним из важных институтов, постоянно влияющих на внутреннюю политику Таиланда.

Период с 1991 по 2006 г. считается самым продолжительным сроком правления гражданского правительства. Для него были характерны: а) в высшей степени влиятельный монарх; б) могучие вооруженные силы, подчиненные монархии, сосредоточенные на решении вопросов внутренней безопасности; в) слабая и элитарная демократия; г) резкий разрыв между богатыми и бедными, д) внешняя безопасность, гарантированная тесным союзом с США с 1947 г.; е) уменьшение влияния военных на внутреннюю политику [21, 4].

Драматичный поворот в политике Таиланда произошел в сентябре 2006 г., когда тайская армия свергла правительство избранного премьер-министра Таксина Чинавата. Это была неконституционная смена правительства страны после пятнадцати лет политики, когда правительства создавались только в результате выборов [20, 140]. Таксин был первым представителем богатой бизнес-элиты, который привлек к открытой политической деятельности других влиятельных бизнесменов через кабинет министров. Он стал лоббировать интересы сельского хозяйства, завоевав тем самым доверие широких народных масс. Таксин сделал Таиланд среди государств с развивающимися рынками страной с впечатляющими темпами экономического роста, сильным руководством, четкими политическими институтами и очевидной демократической консолидацией, которая, казалось, обещала будущее, в котором Таиланд был бы политически стабильным, эффективно управляемым и очень привлекательным для инвесторов. С другой стороны, правительство Таксина обвинялось в коррупции и злоупотреблении властью.

Сильные внутривнутриполитические противоречия в Таиланде имели место в период с 2006 по 2010 г. Это был период разногласий между представителями двух политических движений, а именно между сторонниками и противниками премьер-министра Таксина Чинавата. События сентября 2006 г., в результате которых таксинская тайская партия «Тай Рак Тай» (ТРТ) с ее популистской, перераспределительной платформой вновь была избрана в парламент, привели к политическому кризису. Уличные демонстрации против правительства Таксина

начались в Бангкоке уже в сентябре 2005 г., когда Таксин распустил парламент, объявил досрочные выборы, а затем был свергнут армией.

Тайские военные объясняли свои действия тем, что Таксин привел к расколу общества, что вызвало рост насилия. Были представлены доказательства коррупции, политического вмешательства в деятельность неправительственных организаций. Помимо этого появились утверждения о том, что Таксин противодействовал королю. Военные считали, что политическое развитие в направлении достижения эффективной демократии может быть обеспечено только благодаря их способности воспрепятствовать коррумпированному правительству [25].

После государственного переворота основное внимание было сосредоточено на политическом контроле со стороны военных за гражданскими властями. Некоторые конституционные нормы, такие как парламентские процедуры, постановление о выборах, были обновлены и изменены в соответствии с распоряжениями хунты [23, 245].

Генерал Сonti Буньяратклин, который назвал свою хунту Советом национальной безопасности, контролировал разработку и обнародование новой конституции в 2007 г. Но до того как тайские военные ушли из политики после выборов 2007 г., хунта узаконила свою власть и укрепила свой правящий аппарат. Оборонный бюджет, программы по закупкам оружия и зарплата военных все увеличивались. Перед выборами военные смогли настоять на принятии нового закона о внутренней безопасности, который предоставлял генералам широкие полномочия за счет основных гражданских свобод.

В настоящее время в Таиланде существует военный режим, созданный после захвата власти хунтой премьер-министра Праюта Чан-о-ча, свергнувшего правительство премьер-министра Йинглак Чинават, сестры Таксина — первой в тайской истории женщины премьер-министра. Недавно сформированная партия «Пхья Тай» стала последней партией, поддерживающей Таксина. Партия «Пхья Тай» смогла получить 296 мест из 480 в парламенте, предоставив Йинглак большую поддержку, когда она вступила в должность [9].

Усиление протаксиновской партии противоречило интересам старой элиты, бюрократии, столичного среднего класса. Показательным было то, что проект закона об амнистии премьер-министра Йинглак Чинават был отрицательно воспринят многими слоями населения страны. Противники законопроекта указывают, что его основной задачей является амнистирование бывшего премьер-министра Таксина Чинавата, чтобы открыть ему путь на родину.

В октябре 2013 г. начались демонстрации, направленные на свержение правительства Йинглак. Силы во главе с Сутепом Тыаксубаном, бывшим главой Демократической партии Таиланда, создали Народно-демократический альянс. В начальный период демонстрации проводились с участием большого числа демонстрантов. Руководители протеста путем организации боевых действий, вплоть до захвата многих правительственных и министерских офисов, пытались оказать давление на правительство. Политическая ситуация зашла в тупик в декабре 2013 г. Лидер Демократической партии Абхисит Вэджаджива провел пресс-конференцию, объявив об отставке всех 153 депутатов от партии, чтобы

оказать давление на правительство Йинглак с целью роспуска парламента. Действия Демократической партии привели к решению премьер-министра Йинглак распустить парламент, чтобы ликвидировать конфликт и найти выход из политического тупика, а также остановить уличные протесты и позволить людям определить новых лидеров страны через выборы [16, 8].

Но ситуация не разрешилась, как на это надеялся лидер правительства, потому что 22 декабря 2013 г. Демократическая партия приняла решение бойкотировать выборы, не выставив кандидатов во всех округах (единственная партия, объявившая бойкот выборам). Между тем лидер протеста Сутеп Тьяксубан заявил, что он «не будет голосовать по существующим правилам», поскольку, если выборы будут проведены, партия «Пхья Тай» снова их выиграет [24, 14]. Саботаж выборов шел под лозунгом «реформы перед выборами».

Противники правительства пытались убедить военных быть на их стороне и использовать их помощь для продолжения всестороннего давления на правительство, в то время как временное правительство пыталось склонить армию на свою сторону.

Армия, возглавляемая генералом Праютом Чан-о-ча, решила провести государственный переворот 22 мая 2014 г. Хунта Национального совета мира и порядка во главе с генералом Праютом прибыла в мае в столицу. Премьер-министр Прают вернул старую модель «бюрократического правления», в которой бюрократия и военные сотрудничают, чтобы доминировать в политике под покровительством монархии [14]. Вооруженные силы утвердились в качестве новой правящей элиты, расширив свою мощь, бюджет и размеры. Прают также стремился сохранить свое доминирующее положение, ослабив мажоритарную систему выборов, подорвав влияние политических партий и гражданского общества. Таким образом, армия вновь вернула Таиланд к правлению военных и остановила демократический процесс.

Военные аргументировали свою позицию тем, что они должны были вмешаться, чтобы восстановить мир и порядок, что было не под силу «нормальному» демократическому правительству. Гражданские свободы были резко ограничены, политические противники подвергались угрозам и преследованиям, а пресса — запугиванию и цензуре. Первоначально эти меры использовались для противодействия угрозе того, что союзники Таксина могут поднять восстание или ответить на переворот организацией повстанческого движения, и хотя эта угроза угасла, хунта не ослабила давление на общество.

Ответом на вопрос, почему авторитарный режим остается в Таиланде, могут стать следующие аргументы: во-первых, хунта стремится укрепить свое положение путем улучшения материального положения населения и достижения реальных результатов; во-вторых, она пытается легитимизировать свое существование, изображая себя защитником тайской монархии. Военные пытаются доказать, что в истории Таиланда военные всегда были тесно связаны с монархией. В соответствии с этим хунта активно использует закон *Lèse majesté* (фр. «оскорбление величества»), который предполагает, что для борьбы с оскорблениями и неуважением к монархии арестованные могут быть привлечены к военному суду,

а не к гражданскому [17]. В-третьих, хунта пытается завоевать популярность, связав свою деятельность с понятием «реформа». В тайском контексте «реформа» — это понятие, которое означает не только преобразование, но и серьезность, разумность.

Таиланд находится под контролем тайских военных более 80 лет, и их роль во внутренней политике очень велика. Почему военные вмешиваются в политику Таиланда? По мнению автора статьи, существует несколько причин этого.

Во-первых, борьба за власть среди лидеров в тайском правительстве. Борьба политических лидеров приводит к постоянному военному вмешательству в тайскую политику с самого начала демократии в Таиланде. В результате демократический режим не продвинулся или не стал широко распространенным среди тайского народа.

Во-вторых, тайские граждане слабо интересуются политическими делами. Этому способствуют невысокий экономический статус большей части населения, небольшая возможность для граждан получения политического образования и отсутствие политических институтов, которые позволяли бы людям реально участвовать в политике.

В-третьих, деятельность некоторых политических партий и высших должностных лиц по вовлечению армии в политику для того, чтобы заручиться поддержкой высших чинов офицерства. Это делается путем либо вовлечения их в бизнес, либо назначения военных на важные политические позиции.

В-четвертых, военные не уверены, что гражданское правительство сможет хорошо управлять страной. Военные считают, что гражданские политики не могут решить социально-экономические и политические проблемы, поскольку подвержены коррупции. Так же, по мнению военных, гражданское правительство не может сохранить спокойствие и мир в стране.

По мнению Е. В. Пугачевой, существование в Таиланде представлений о могущественном триумvirате «монархия — армия — бюрократия» отражает основы сформировавшейся в это время системы «нестабильной стабильности». Эта система обуславливала политическую обстановку в Королевстве Таиланд на протяжении XX в. и актуальна сегодня. Ее главный принцип — удержание власти в руках трех узких элитарных групп: бангкокских военных (фактически это группа генералов Главного штаба и Первой армии), приближенной к ним бюрократии, а также «королевской сети», включающей членов королевского двора и советников монарха [6, 199].

Очевидно, что ключевым фактором, способствовавшим возвращению военных в политику Таиланда в XXI в., стала «система Таксина». Она представляла угрозу сложившимся в XX в. параметрам системы управления данным традиционным триумvirатом. Таксин Чинават нарушил баланс сил между давними соперниками — полицией и армией, лишил власти часть старой военно-бюрократической элиты и привлек народное внимание благодаря своим «популистским» программам. С. Суттхисангиам рассматривает вмешательство Таксина в военное дело. Он отметил, что противоречия между военными и бывшим премьер-министром Таксином возникли на почве желания Таксина вмешиваться во внутриармейские

дела, в частности, контролировать назначение высокопоставленных армейских чинов, изменять стратегию национальной безопасности вплоть до попыток лично контролировать различные военные мероприятия. Это вызвало недовольство властной группировки «старых» военных, которые считали Таксина опасным для незыблемости института короля [7, 182].

Система Таксина была связана с появлением новых идей, таких, как прямой контакт с избирателями, проведение популярной программы «премьер-министр — генеральный директор», которая стала альтернативой старому политическому порядку в Таиланде. Традиционная власть боялась, что популярный и бесстрашный лидер мог бы привести в самом радикальном случае к смене формы правления с конституционной монархии на республику. Поэтому роль армии в перевороте 2014 г. очень велика. По сути, военная хунта утвердила себя во власти, начала чистку бюрократического аппарата и планирует остаться у власти на неопределенное время.

В результате исследования автор пришел к выводу, что попытка военных доказать, что они не намерены держаться за власть и просто хотят восстановить власть народа, является пропагандистской уловкой. Начиная с 1932 г. вооруженные силы представляют собой группу людей, претендующих на власть. Они хотят сохранить власть и наследовать ее в пользу самих себя и своей группы, используя конституцию.

Можно считать, что любая тайская конституция — это инструмент, позволяющий установить авторитарный режим в стране. Тайская диктаторская система всегда привязана к конституции. Это одна из причин того, почему в Таиланде существует множество конституций. После завершения переворота каждое диктаторское правительство прежде всего отменяет старую конституцию и формирует новую. Военная хунта не может создать демократическую конституцию, так как военные непосредственно и косвенно вмешиваются в деятельность как Национальной законодательной власти, так и Редакционной комиссии Конституции. Они также диктуют идею составления конституции, чтобы она находилась в соответствии с их собственными потребностями сохранения и наследования власти. Конституция не так демократична, как ожидал народ. Хотя принятие конституции проходит через референдум, но это лишь акт для завершения процесса принятия закона, ибо люди действительно в его принятии не участвуют.

Это приводит к тому, что такие черты демократической системы в Таиланде, как постоянная борьба за власть в тайских элитах с целью управления государством, огромная коррупция в гражданских правительствах, отсутствие каналов для участия в политике народа, так или иначе влияют на желание военных вмешиваться в политику. Когда государство чрезвычайно нестабильно, военные стремятся играть бóльшую роль в политике. По нашему мнению, военное вмешательство в политику не лучшее средство восстановления стабильности тайской демократии. Установление настоящей избирательной демократии даже не предусматривается организаторами переворотов [8, 5].

Понятно, что тайская демократия еще не выработала эффективный механизм управления государством. Это видно по снижению степени защиты

административной целостности, некомпетентности в решении системы патроната, неэффективной экономической политике с 1990-х гг. до нынешнего времени [12, 265]. В современной тайской политике частые изменения в определении приоритетов политической и экономической политики негативно влияют на успех восстановления консолидированной демократии.

Таким образом, государственный переворот никоим образом не помог решить политические конфликты в тайском обществе. Военные только отодвинули решение проблем и заблокировали общественное мнение. Политические конфликты в Таиланде должны решаться политическими лидерами. Военные не должны вмешиваться в политический процесс. Следует поощрять людей к участию в политике для развития демократии согласно западным идеям, т. е. осуществить правление народа, избранное народом и для народа.

По нашему мнению, вмешательство военных в политику является одним из основных препятствий, затрудняющих развитие демократии после сиамской революции 1932 г. Военные в Таиланде обладают большой политической властью, потому что они имеют право вмешиваться в политику, как написано в Конституции, военные отвечают за сохранность института короля, независимость и территориальную целостность страны. Но каким образом это им дозволено, в Конституции не определено. Это приводит к тому, что трудно говорить о развитии демократии в стране, где нарушен баланс сил. Другие общественные институты, такие как политические партии, имеют мало шансов вырасти до уровня конкурентов с военными.

Хотя много раз в прошлом военное вмешательство в политику было направлено на защиту конституционной монархии, институт военных должен признать, что он сам не может этого сделать: необходимы совместные действия с другими политическими институтами. Каждый политический институт должен сформировать политическую культуру общества, способствующую демократическому развитию. Успех политического развития как демократии зависит от усилий по созданию демократической политической культуры для людей на всех уровнях. Это процесс, который требует как принятия эффективных мер, так и готовности к этому политических лидеров. Вооруженные силы должны быть профессиональными, чтобы предотвращать политическое вмешательство тайских военных в политику и не совершать государственные перевороты.

Развитие Таиланда характеризуется возрастанием роли военных в обществе и политике. Последний военный переворот, направленный на восстановление демократии, держит демократию под военным контролем. Все перевороты свидетельствуют о том, что военное вмешательство в политику никогда не является хорошим способом решения внутриполитических проблем. Военные, получив власть, склонны держаться за нее.

1. *Ефимов Н.* Армия, общество, реформы // Свободная мысль. М., 1995. № 9.

2. Конституция Королевства Таиланд 1949 г. : официальный текст [Электронный ресурс]. URL: http://www.parliament.go.th/ewtadmin/ewt/parliament_parcy/ewt_w3c/ewt_dl_link.php?nid=7223 (дата обращения: 15.11.2017).

3. Конституция Королевства Таиланд 1997 г. : официальный текст [Электронный ресурс]. URL: <http://gad.kku.ac.th/main/th/wp-content/uploads/2013/10/2-3-2540.pdf> (дата обращения: 15.11.2017).
4. Конституция Королевства Таиланд 2007 г. : официальный текст [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mua.go.th/users/he-commission/doc/law/Constitution2550.pdf> (дата обращения: 15.11.2017).
5. Конституция Королевства Таиланд 2017 г. : официальный текст [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ratchakitcha.soc.go.th/DATA/PDF/2560/A/040/1.PDF> (дата обращения: 15.11.2017).
6. *Пугачева Е. В.* Феномен военных переворотов в новейшей истории Таиланда в контексте системы национальной и региональной безопасности (XX–XXI вв.) : дис. ... канд. ист. наук / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2016.
7. *Суттхисангуам С.* Власть и оппозиция: особенности политического процесса в Таиланде (2001–2010 гг.) : дис. ... канд. полит. наук / Рос. ун-т дружбы народов. М., 2015.
8. *Albritton R. B., Bureekul T.* Developing democracy under a new constitution in Thailand // Taipei: Asian Barometer. 2004. № 28.
9. *Bamrungsook S.* “Coups and Thai politics,” in *Matichon*. 2015 (Feb., 15).
10. *Bamrungsook S.* Military democracy: military coups in the politics of Thailand. Bangkok : Matichon, 2015.
11. *Bamrungsook S.* Military Trilogy, Coup, and Thai Politics. Bangkok : Pridi Banomyong Institute Press, 2008.
12. *Case W. F.* Low-quality democracy and varied authoritarianism: elites and regimes in Southeast Asia today // *Pacific Review*. 2009. Vol. 22, № 3. P. 69–255.
13. *Concise Oxford Dictionary*. 5th edition. The Clarendon press, 1964. P. 281.
14. *Crispin S. W.* The Staying Power of Thailand’s Military. 10.02.2016 [Electronic resource]. URL: <https://thediplomat.com/2016/02/the-staying-power-of-thailands-military/> (accessed: 04.10.2017).
15. *Huntington S. P.* Civilian control of the military: A theoretical statement. Free Press. Illinois, 1956.
16. *Kongkirati P.* Thailand in no transitions: The anti-election movement: the 2014 military coup and democratic breakdown // Southeast Asia Research Centre Working Paper Series. 2015. № 168. P. 1–22.
17. *Panduprasert P.* Legitimacy and Military Rule in Today’s Thailand. 20.01.2017 [Electronic resource]. URL: <https://kyotoreview.org/yav/legitimacy-military-rule-thailand> (accessed: 09.10.2017).
18. *Pattanaprasert P.* The Democrats and Democrats after 14 October // *Journal of Political Science and Public Administration*. 2013. Vol. 4, № 1. P. 89–123.
19. *Phongpaichit P., Baker C.* Thailand economy and politics. Oxford University Press, 1997.
20. *Pongsudhirak T.* Thailand since the coup // *Journal of democracy*. 2008. Vol 19. P. 140–153.
21. *Rakson K.* Explaining possible motivations for military intervention in Thai politics // Rakson Katsamaporn. The influence of the military in Thai politics since the 1990s. Deakin University Press, 2010. P. 1–19.
22. *Royal Thai Army.* The ideology of Thai Army. 30.08.2009 [Electronic resource]. URL: http://www.rta.mi.th/data/article/thai_02 (accessed: 01.10.2017).
23. *Smith B. C.* Understanding Third World politics: theories of political change and development. Indiana University Press, 1996.
24. Suthep leads mobs to disrupt voting registration. Bangkok : Khao Sod, 2013.
25. What Thaksin had done wrong. Bangkok : The Nation, 2006.

Рукопись поступила в редакцию 27 декабря 2017 г.

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 75.01:115 + 75.051(494)

Е. А. Голуб
С. П. Пургин

«УНИВЕРСУМ ВРЕМЕНИ» В ИСКУССТВЕ ПАУЛЯ КЛЕЕ: ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

В статье предпринимается попытка раскрыть то представление о времени, которое, реализуясь в художественных работах мастера, будучи предметом рефлексии в его теоретических очерках, приобретает черты последовательно проводимой концепции и лежит в основе художественной системы Пауля Клее. Методологическим основанием такой попытки выступает предположение о единстве в синтетическом искусстве Клее художественного и интеллектуально-философского содержания. Исходя из этого, объектом анализа выступают в равной мере как живописные произведения, так и его тексты — статьи, доклады. Они образуют единство, в котором выражается философия Клее. Время в творчестве Клее раскрывается как сложное и многостороннее явление. На основе анализа художественных произведений мастера выделяются отдельные измерения времени, которые, взаимодействуя друг с другом, образуют своего рода «Универсум времени». В результате появляется возможность проведения параллелей между концепцией времени у Клее и философскими концепциями времени, созданными в XX столетии. Вместе с тем это целое вовсе не обладает устойчивостью, стабильностью. Рассматривается природа того конфликта, который вносит в творчество Клее драматизм и создает ощущение ненадежности: столкновение времени самого творения (бытие) и индивидуального времени, времени художника. В заключение с точки зрения темы времени исследуется мотив ангелов, по-своему завершающий весь творческий путь Клее.

К л ю ч е в ы е с л о в а: искусство Пауля Клее, движение, творение, время, измерение времени, ангелы.

Вероятно, не будет преувеличением сказать, что из всех мастеров живописи в XX в. наибольшей любовью среди философов пользовался швейцарский художник Пауль Клее. Два хорошо известных эпизода этого романа: акварель Клее «Angelus Novus» («Новый Ангел»), к которой обращается В. Беньямин в важном

месте своих тезисов «О понятии истории» [1, 84], а также зачин доклада М. Хайдеггера «Время и Бытие» (1962), в котором автор вспоминает две поздние работы мастера в технике темперы — «Святая из окна» и «Смерть и огонь» [6, 391]. Дело, впрочем, не в отдельных эпизодах: высказываниях, оценках. Развернутый анализ и веские характеристики, посвященные творчеству швейцарского мастера, можно найти у целого ряда именитых философов: Т. Адорно, М. Мерло-Понти, М. Фуко, Ж. Делеза, Дж. Агамбена и др. Пьеру Клоссовски, который был не только философом и художником, но и маститым переводчиком философской и художественной литературы, принадлежит, наряду с переводами Ницше и Хайдеггера, перевод на французский язык знаменитых Tagebücher, «Дневников» Клее [8]. История философских рецептов творчества Клее стала уже самостоятельным предметом исследовательского интереса: ей специально посвящена книга американского философа С. Уотсона «Растущий месяц над рациональностью» [14].

Интерес к творчеству Клее среди философов обусловлен характером его искусства и теми задачами, которые Клее сам как художник перед собой ставил. Важнейший («программный») текст его, «Schöpferische Konfession», «Творческое кредо», открывается знаменитыми словами: «Kunst gibt nicht das Sichtbare wieder, sondern macht sichtbar», «Искусство не воспроизводит видимое, но делает видимым» (здесь и далее перевод текстов Клее, как и других иноязычных текстов, кроме особо оговоренных случаев, наш. — Е. Г., С. П.) [10, 28]. Без анализа или по крайней мере упоминания этой формулы, выражающей в наиболее сжатом виде понимание задач живописи, не обходится ни одно исследование, посвященное мастеру. Вместе с тем в ней опытный взгляд без труда различит знакомый мотив, тот, который не только свидетельствует о философской природе творчества Клее, но еще и позволяет распознать близость его некоторым философским традициям в XX в.

Действительно, если задача искусства (живописи) в том, чтобы делать вещи видимыми, не причастно ли искусство той области, в которой вещи приходят к своей зримости, становясь *явлениями*? Той, которую М. Хайдеггер в своих работах называет областью непотаенного? Именно это имеет в виду Клее, когда говорит о «творении» или «становлении» (die Schöpfung, das Werden). Произведение искусства не отражает, не повторяет реальность — оно само творит или участвует в творении. Оно помогает реальности явиться, стать видимой. «Сотворить» — это и значит «сделать видимым» или, говоря языком онтологии М. Хайдеггера, «привести в непотаенное». Искусство, таким образом, включено в бытие, и онтологическая его роль является, согласно Клее, важнейшей.

Для того чтобы определить отношение искусства к реальности или место искусства в ней, он использует образ дерева. Этот образ появляется в так называемой «йенской лекции» Клее — докладе «О современном искусстве», который был прочитан в йенском Художественном обществе (Kunstverein) в 1924 г. и который справедливо считается одним из важнейших его теоретических высказываний [12]. Если уподобить опыт форм природы и человеческой жизни корням дерева, то тогда собственное место художника как творца, место, где творится его работа, будет соответствовать стволу. Производимые же художником новые формы

подобны ветвям дерева и его кроне. И так же, как у обычного дерева, форма и строение кроны не повторяют форму и строение корней, подобным же образом и произведение искусства вовсе не должно и не может повторять поверхностные формы природы и человеческой жизни [12, 11–13].

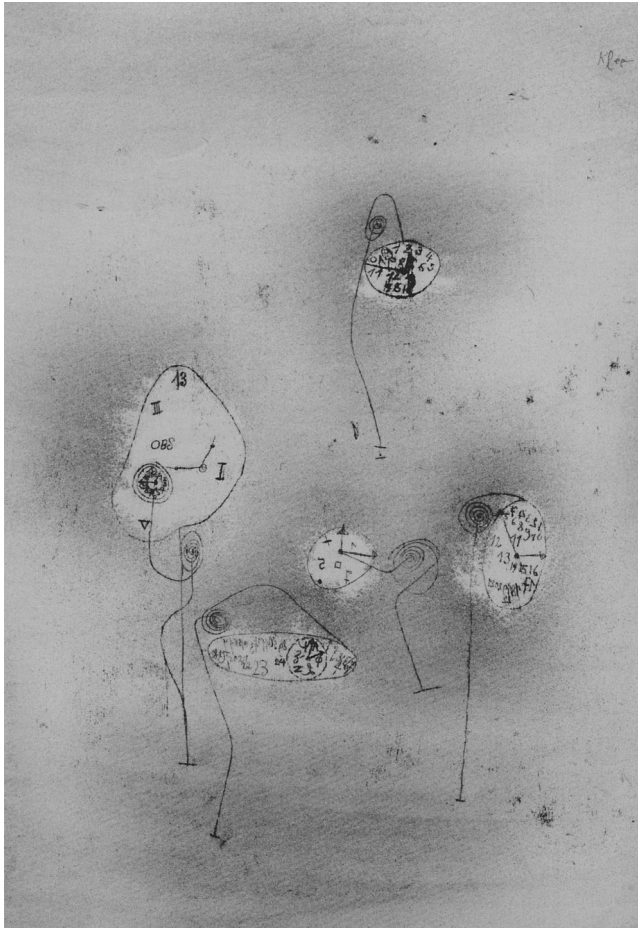

Рис. 1. Часы-растения. Оттиск маслом и акварель на бумаге и картоне. 1924

Время является главным героем всего творчества мастера. Под «творчеством», уточним сразу, мы в данном случае имеем в виду не только созданные им произведения — живопись или графику, но и те его мысли об искусстве, которые он изложил в виде статей и в докладах (многие из них относятся ко времени его преподавания в Баухаузе). Как и в современной поэзии, размышления по поводу искусства сливаются у него с самим искусством, образуя одно органическое целое. Нельзя не признать, что время в качестве термина нечасто появляется в лаконичных по языку, но чрезвычайно выразительных и емких его текстах. Чаще он использует такие термины, как «движение», «динамика», «формирование»,

«становление», «творение» (die Bewegung, die Dynamik, die Formation, das Werden, die Schöpfung). Но использование этих терминов уже предполагает развернутое и продуманное представление о времени. Прячась за другими понятиями, время выступает в его теоретических очерках понятием базовым, таким, благодаря которому становится возможным функционирование всех остальных. Потому мы считаем, что тема времени является важнейшей для понимания как искусства, так и философии Пауля Клее. Свидетельствует об этом, с другой стороны, также и интерес, который она вызывает у исследователей его творчества.

Большая книга статей, посвященная различным аспектам творчества Клее, выпущенная в Париже в 2016 г. по следам большой выставки его работ в Центре современного искусства Жоржа Помпиду, включает две статьи, посвященные проблеме времени у Клее. Это статья Реми Лабрюса (Rémi Labrusse) «Материя времени» [7] и Марии Ставринаки (Maria Stavrinaki) «Момент настал: Пауль Клее и опыт истории» [13]. Несмотря на различие подходов, оба автора удивительным образом совпадают друг с другом в основных выводах, касающихся темы времени.

Наша задача сводится к тому, чтобы ответить на вопрос, как художник Пауль Клее понимает время, какова его *концепция времени*. Эта концепция выражена в первую очередь в самих живописных и графических произведениях мастера, — во многом они основываются на ней. Но она выражена также в его теоретических очерках. Конечно, мы ни в коем случае не имеем здесь дело с «чистой метафизикой». Философские вопросы занимали швейцарского художника, как правило, в связи с искусством и поиском новых путей в нем. Но в этих поисках он (как и многие другие новаторы в искусстве первой половины XX столетия) далеко переступает условные границы «художественного». В действительности искусство и философская рефлексия образуют у него нерасторжимое единство: философское осмысление вырастает из самой живописи, стимулируется практическими задачами, а творчество с самого начала «заряжено» мыслью. Во многом это было обусловлено характером его духовного развития.

Как художник Клее рождался медленно. Овладевая мастерством и пытаясь найти свой путь в искусстве, он, по его собственному свидетельству, видел главную свою задачу не в том, чтобы «создавать скороспелые произведения, но в том, чтобы быть человеком, или... им становиться» [11, 145]. Путь к искусству для него был и «путем к мирозерцанию (Weltanschauung)» [Там же]. В этом нужно искать исток синтетического характера живописи Клее, в которой сошлись разные грани его личности и реализовались разные его дарования. Указанное единство философской рефлексии и самого искусства Клее послужит нам далее методологическим ориентиром. Не только по символическому содержанию его картин, но и в их формально-абстрактных структурах мы можем «прочитать» его философию времени, выраженную порой сознательно, а порой — безотчетно. С другой стороны, его теоретические работы, как правило, представляют вербально-понятийный аналог тому постижению времени, которое раскрывается в его живописи.

Раскрывая тему времени в творчестве Пауля Клее, мы будем основываться в равной мере как на картинах, так и на теоретических очерках. Между теми и другими существует замечательное *равновесие*. Литературное достоинство текстов

Клее очень высоко. Особняком стоят Tagebücher, «Дневники» [11], которые являются единственным в своем роде автобиографическим романом, в котором воспоминания о детстве, выполненные в форме изящных литературных новелл с характерным для Клее юмором, сменяются записями о волнениях, тревогах молодости, впечатлениями путешествий и далее — уже более уверенными и глубокими суждениями об искусстве, которые свидетельствуют о том, что понимание своей судьбы в целом достигнуто. Бытовое («документальное»), художественное и философское неповторимым образом сочетаются и переплетаются в них.

Конечно, при всех индивидуальных особенностях в первую очередь Клее остается художником-живописцем. Художник же работает в пространстве и с пространственными формами. Какое значение имеет время в отношении к самим условиям существования живописи как вида искусства? Кроме пространственных видов искусства существуют временные — поэзия, музыка. Между ними имеется важное различие, — это известно со времен Лессинга. В живописи и скульптуре история передается эпизодом, существующим в один момент времени, но выражающим самое существенное в ней. В поэзии, как и в музыке, содержание развертывается во времени. Гению Клее были равным образом присущи черты, свойственные, с одной стороны, музыкантам, с другой — художникам. В молодости он выбирал между музыкой и изобразительным искусством, и хотя выбор был сделан в пользу последней, музыка оставалась любимым искусством и сопровождала его всю жизнь. Не эта ли особенность его творческой личности противится в нем разлучению обоих искусств? Именно это разделение Клее оспаривает: практически — как художник, теоретически — как мыслитель. Он утверждает: «Ибо также и пространство есть временное понятие», «Denn auch der Raum ist ein zeitlicher Begriff» [10, 33]. Это утверждение лежит в основании всей художественной концепции Клее.

В первую очередь оно решительно отменяет возможность статической трактовки формы. Дело не только в динамическом решении сюжета (когда этот сюжет в картине имеется). Дело не только в особенном, синтетическом, подходе к изображению — является ли предметом изображения человеческий характер, природный объект, пейзаж. Важнее то, что сама форма у Клее развертывается как процесс. Мы видим, как строится изображение, как оно *возникает*. Картина словно рассказывает историю себя самой. Для художника исключительно важно, чтобы отдельные элементы (в первую очередь — графические) «оставались различимыми в произведении» [Там же, 31]. Теперь мы видим, как движение точки рождает линию, линия переходит в плоскостную фигуру, вступают цвет, различные модуляции его яркости и т. д. Так из живописных элементов рождается форма. «Хороша та форма, которая является движением, творением, хороша активная форма. Дурная форма — та, которая погашается, как просроченный долг. *Форма* — прекращение, смерть. *Формирование* — Жизнь», — резюмирует Клее в небольшом очерке «Философия творчества» [9, 60].

Он мог бы воспользоваться понятиями кантовской философии, чтобы с их помощью выразить свой подход к решению вопроса о том, как возникает форма в искусстве. Действительно, кажется, что в концепции Клее пространство как

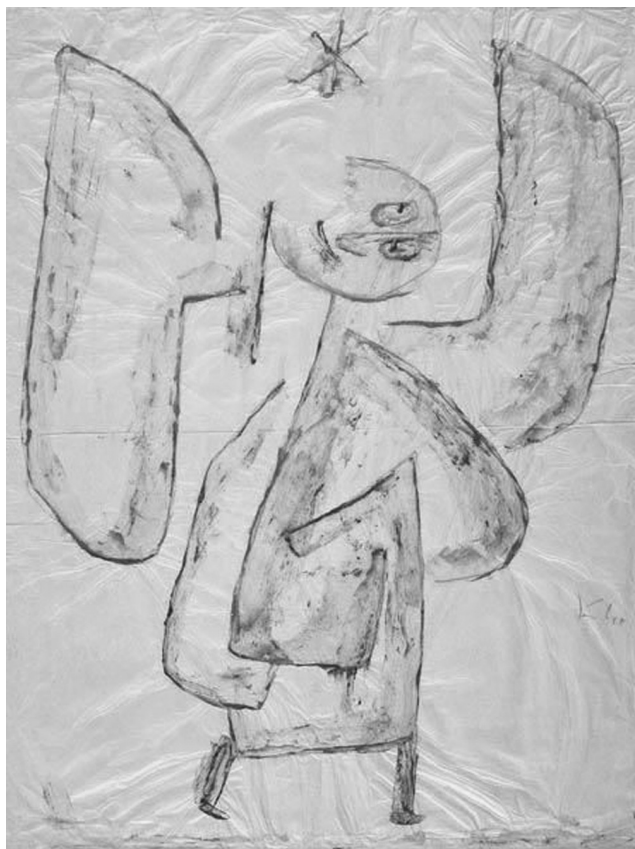

Рис. 2. Ангел звезды. Карандаш, гуашь на бумаге. 1939

форма внешнего созерцания подчинена времени как форме созерцания внутреннего, выводится из нее. Если это так, это позволит объяснить то, что мы отметим далее как одну из важнейших черт восприятия времени у Клее: время природы и мира, включая в себя человеческое, вместе с тем взято в перспективе взгляда из субъекта и погружено в поток индивидуального переживания. С другой стороны, подчинение пространства времени и включенность пространства во время приводит к тому, что само-то время также начинает принимать пространственные очертания. Время отражается в геометрических фигурах: то это бегущая волнистая линия, то вздымающаяся вертикаль, то молниеносный зигзаг...

Динамический подход к форме у Клее настолько радикален, что живопись действительно становится у него временным искусством. Мы *видим* на его картинах или графических листах, как ритмически живет, простирается, пульсирует время. Но многозначительным и подробным рассказ о времени становится тогда, когда абстрактная структура находит для себя предметные ассоциации, когда произведение наполняется выразительным *содержанием*. Образы Клее — местность, звезды, растения, живые существа, люди — играют роль символов, всегда

говорящих о целом, воссоздающих, как он требует в йенской лекции, «одновременность» (Gleichzeitigkeit) разных измерений предметного мира. Но эта целостность или одновременность, в свою очередь, всегда динамична и как таковая всегда обращена ко времени, говорит о времени.

Попробуем теперь передать в общих чертах основное содержание этого «рассказа о времени».

В первую очередь, время в представлении Клее многосложно, многослойно. Время складывается из многих времен, которые мы далее будем называть «измерениями времени». («Измерение», Dimension, один из часто употребляемых Клее служебных терминов.) Перечислим эти измерения. Первое — время мира, «большое время». Это время непосредственно соотносится с бытием как таковым и с *началом*. Нет ничего удивительного поэтому, что в связи с ним Клее вспоминает Genesis — «Книгу Бытия» [10, 34]. Здесь важнейшей является мысль о *творении*. Второе измерение — это общее время человеческой истории, историческое время. В первую очередь оно включает эпохи великих культур и великого искусства: Греция, Рим, Италия в эпоху Ренессанса. В целом же эта общая человеческая история является художнику и мыслителю как *la comédie humaine*, «человеческая комедия», и его реакцией на нее становится сатира или карикатура. В 1933 г. эта история ворвется в его жизнь вовсе уже не комедией, но охватившим целый народ безумием, а также относящейся к нему лично угрозой, вызвав произведения, отмеченные горечью, гневом, сарказмом. Третье измерение — время индивидуального человеческого существования, время сознания. Какие бы темы ни разрабатывал Клее, какими бы масштабными ни были его замыслы, они всегда помещены у него в лирический контекст, связаны с индивидуальным опытом. Четвертое измерение — время художественного процесса, сознание художника и время в произведении искусства. Разумеется, третий и четвертый планы связаны, но сохраняют при этом свою специфику: творческое никогда не растворяется в экзистенциальном, но и экзистенциальное никогда не может быть исчерпано творческим.

Самым существенным в таком восприятии времени, пожалуй, является то, что сами эти отдельные измерения времени оказываются вложенными друг в друга, как то демонстрирует одна из центральных работ мастера, которая так и называется: *Die Zeit*, «Время». Причем эта их «вложенность» имеет вид *прямой и обратной связи*: время, названное «большим», вбирает в себя индивидуальное (почти пересказывая историческое), идя далее к времени художника, и, наоборот, художественное и индивидуальное, минуя историческое, вбирает в себя «большое»! В этом обратном движении освобождением от фарса исторического времени становится у Клее выход в доисторическое. Но настоящим, определяющим парадоксом в восприятии времени является то, что обе эти перспективы, оба «движения» — от «большого» к «малому» и от «малого» к «большому» — не сменяют друг друга, они как бы синхронны, накладываются друг на друга. Именно эта «синхронность» прямого и обратного движений и определяет особый драматизм и напряженность мировосприятия Клее.

Попробуем последовательно описать отдельные измерения времени, учитывая при этом указанный выше парадокс их взаимодействия.

Большое время связывается у Клее с мыслью о творческом акте. В текстах, где речь идет о движении, следовательно о времени, постоянно появляется аллюзия на библейское предание о творении. Таким образом, представление о времени непосредственно сочетается с представлением о творческой силе. Такая позиция родственна пониманию времени в философии А. Бергсона. Для автора «Творческой эволюции» творчество присуще самому времени, длительности (*durée*), и заявляет о себе в процессе эволюции, в котором все прошлое непрерывно сохраняется, но каждое настоящее ознаменовано рождением нового. В философии Ницше, напротив, творческая воля (*Wille zur Macht* — «воля к власти» или «воля к могуществу») противопоставлена времени, побеждающему, уносящему в прошлое победы и одоления воли: «Не может воля волишь вспять: то, что не может она пересилить время и напор и желание времени, — вот в чем воли потаенная печаль» (пер. Я. Э. Голосовкера) [4, 173].

Время, понятое как творческое могущество, не есть ли это Бог? Клее не дает прямого ответа, оставляя нас перед тайной многозначительной и грандиозной. Очерк «Философия творчества» открывается словами: «Творческая сила не поддается определению в слове, она остается при самом глубоком анализе невыразимой тайной» [9, 57]. Важным символом творческой силы в художественной системе Клее выступает огонь. В «Творческом кредо» этот огонь называется «неким» (*ein gewisses*) [10, 34], и, при всей неопределенности, нейтральности такого определения, оно оказывается в этом случае наиболее знаменательным, служа сохранению неприкосновенности тайны.

Другой символ той же силы — глаз. Он связан с огнем: «Некий огонь оживает, проходит через руки, струится на плоскость и по плоскости и, как искра, замыкая круг, влетает туда, откуда пришел: обратно в глаз, и далее» [Там же]. Чей это глаз? Предвечного творца или художника? Вопрос снова останется без ответа, и нам даже нет нужды пытаться доискиваться его. Главное, что глаз принимает огонь, что он — солнечный, огненный. Старая, восходящая к «Эннеадам» Плотина и повторенная Гёте в «Фаусте» мысль о том, что глаз лишь постольку может видеть солнце, что он сам солнце в себе содержит.

В чем проявляется творческая сила времени? Прежде всего в его бесконечной жизненной производительности. Мы видим невероятное обилие форм и сущностей живой природы. Из картины в картину у Клее переходят разнообразные, с невероятным искусством и фантазией создаваемые формы: растения, цветы на скалах или в пещерах, мир подводный с ведомыми и неведомыми существами, птицы и наземные обитатели («Ботанический театр», «Цветы пещер», «Лесная ягода», «Эльфы», «Пейзаж с золотыми птицами», «Ритмы роста», «Рыбное чудо», и др.). Творческая сила проявляется также в творении пейзажа как такового, где время постепенно формирует геологические структуры: пласты, изгибы, складки. Речь идет, таким образом, о творчестве форм так называемой «неживой природы» («Пейзаж в начале», «Пейзаж с небесными телами», акварели путешествия в Тунис, многочисленные «Сады» («Южный сад», «Сад на востоке», «Парк в Люцерне»), «Южный берег вечером» и др.). Но за всем этим богатством, в котором обнаруживается творческая мощь времени, стоит главное: она находит

свое выражение прежде всего в формировании самого *пространства*. До сих пор мы приводили в качестве примера те работы художника, в которых открывается многообразие *природных* форм. Но принципиальные для него, раскрывающие само существо его концепции работы — абстрактные, по отношению к которым те, что только что перечислялись нами, являются «прикладными».

Задача абстракции Клее состоит в том, чтобы показать, как из творческого (музыкального) ритма возникает пространство. (Уже не нужно говорить о том, что «показать» для художника означает одновременно — «создать».) Например: «Древний звук, абстрактное на черном», «Главная дорога и боковые пути», многочисленные «города» и «окна» («Сон-город», «Городской вид с красно-зелеными акцентами», «Окно», «Стекланный фасад»), «Героические удары смычка» и др. Всякое изображение начинается с абстракции, которая не уводит от реальности. Напротив, в абстракции дан внутренний, глубинный ее план. Абстракция образована чистыми функциями. Поэтому в ней зритель видит ту энергию, благодаря которой возникает пространство как таковое со всеми скрытыми в нем формами, какие только могут существовать в природе. *Формирование* пространства выходит в абстракции на первый план.

Сила времени абсолютно избыточна. Но обнаруживается здесь же обратная ее сторона — разрушительная. Могущество времени превращает оазисы в пустыни, акрополи в развалины. Время — единственная «вещь», которая существует *до и после*. Предшествуя всему, завершая все, само время уже ни от чего не зависит, ничем не определяется, не терпит над собой власти закона. Если попытаться представить в картине то, что «собой представляет» время, то, вероятно, единственным, хотя бы в какой-то степени соответствующим безмерной его природе образом, был бы образ реки в разливе, когда она захватывает и топит всё и вся. Но это уже не пресловутое гераклитово «*panta rhei*», ибо у Гераклита течение времени подчинено определенному ритму и в нем правит закон. Творения Пауля Клее внушают нам мысль о том, что единственным законом времени может быть только *возможность* быть всему, но также и не быть. В первую очередь это относится к пространству. Стирание пространства и всего временного во времени открывает поток большого времени. Время старше любого закона, в этом смысле оно беззаконно. По-своему об этом идет речь и в текстах Клее: «Раньше изображались вещи, которые можно было видеть на земле, на которые человек любил смотреть или хотел бы смотреть. В наше время относительность всего, что видимо, стала понятна, побеждает мысль о том, что видимое в отношении к мировому целому представляет собой лишь изолированный случай, что существуют в численном превосходстве другие скрытые истины. Вещи наполняются более широким и многообразным смыслом, который, как правило, находится в противоречии с прежним рациональным опытом. Случайное возводится в ранг существенного» [10, 35].

Время само не знает о своей разрушительной силе. Разрушительность времени открывается взгляду, направленному в его сторону, взгляду, направленному против него, взгляду человека, художника. Не художники ли и поэты более всего чувствительны к разрушительной силе времени? Этому посвящены оба «Памятника» — Горация и Пушкина. Выше мы говорили о том, что оба направления

движения измерений времени у Клее синхронны. Перспектива движения от «большого» времени к «малому» — индивидуальному, человеческому — совпадает с обратным движением. Открытие «большого времени» — достижение последних столетий, в особенности двадцатого. Об этом Клее говорит в одном из разделов «Творческого кредо»: «Древний человек — словно моряк на корабле, который захвачен управлением и ценит хитроумное удобство оснащения. Этому соответствует способ изображения у древних. Сейчас: что сознает современный человек, передвигаясь по палубе парохода? — 1) Свое собственное движение, 2) курс корабля, который может быть противным, 3) направление течения и скорость реки, 4) вращение земли, 5) ее движение по орбите, 6) ход лун и светил вокруг. Итог: система движений во вселенной, центр — я на пароходе» [10, 37]. Другая бесконечность открывается взгляду современного человека (художника), когда он заглядывает в микроскоп. Об этом Клее также говорит — в заключительной части доклада «О современном искусстве» [12, 45]. Но эта новая привилегия, возможность осознать себя в истории «большого рассказа» (*le grand récit*), если воспользоваться здесь выражением М. Серра, влечет за собой и новый драматизм существования художника.

Наряду с темой творения также и тема уничтожения, разрушения является лейтмотивом в творчестве Клее. В произведениях 1910-х гг. она отсылает и к историческим реалиям: работа 1920 г. «Разрушенная местность», «*Zerstörtes Ort*», где здания с темными провалами окон и мрачный сумеречно-серый колорит напоминают о только что отгремевшей на полях Европы войне. Но картина 1934 г. «Разрушенная земля», «*Zerstörtes Land*», уже не содержит прямых отсылок к историческим обстоятельствам. На картине 1924 г. «Разрушенный Египет», *Zerstörtes Aegypten*, знаки, в которых запечатлелась память прошлого, размываются паводком Нила, становясь уже почти неразличимыми. Вместе с уходящей памятью о прошлом растворяется, тонет, кажется, и сама земля. В итоге обнажается самое глубокое русло — времени.

Времени историческому в этом смысле Клее предпочитает время доисторическое. В движении творческого взгляда навстречу «большому времени» это важный этап. Реми Лабрюс в блестящей статье, посвященной теме времени у Клее, пишет об этом: «Клее в течение его жизни не раз обнаруживал желание избежать той тревоги, которая вызывается встречей с культурными формами прошлого с их непоправимой условностью, предпочитая им формы естественной жизни. Был случай, например, в Каире в январе 1929-го года, когда он почувствовал потребность оставить пирамиды и мумии Музея Египта для растений и животных зоологического сада. Та же самая потребность выражается и в его произведениях, где он достигает понимания себя самого. Она запечатлевается тогда иронически в фантазиях: то античные колонны превращаются в растения (*se végétalisent*) и становятся пальмами, то — пирамиды трансформируются в острова или горы, и т. д. <...> Явления истории казались ему с этих пор ничтожными, обреченными на разрушение, в облике того “разрушенного Египта”, который он написал в 1924-м г. в виде рядов влажных псевдоиероглифов, которые словно растворяются в тумане, или уносятся потоком, или мало-помалу уходят в “исторический слой почвы”,

в которой предметы и тела безнадежно разлагаются на части, теряют свою способность быть символами значений и возвращаются в бесформенность» [7, 173].

Мы подходим к самому важному. Встреча двух временных перспектив («встреча двух взглядов») рождает в художнике чувство ненадежности существования. Его знаками выступают уходящие вверх зыбкие лестницы, шаткие стремянки, дома, которым, кажется, грозит опасность обрушиться, будто это карточные домики, трапедии, канатоходцы, ступающие по канату над пустотой... Чувство ненадежности, хрупкости внушает иногда сам (обыкновенно небольшой) формат работ Клее. И дело, как нам думается, не столько в сознании несоизмеримости человека и обступившего его мира — трагическое противоречие, которое так занимало романтиков. Не в сознании бренности творений или конечности человеческой судьбы.

В пределах своих композиций Клее с помощью безошибочного расчета всегда находит спасительную точку равновесия. О виртуозах обычно говорят в отношении к музыкальному искусству: пианисты-виртуозы, скрипачи-виртуозы... Клее же виртуоз в сфере живописи. В ней власть художника достигает предела: он овладел всеми материалами своего искусства, выходя за рамки обычно используемых мастерами средств. Даже поверхности, на которых пишет Клее, — и те созданы им самим. Они неоднородны: он использует все подручные средства (ткани, картон, бумагу) в различных комбинациях. Он грунтует, красит, склеивает; сминает и натягивает; использует декалькоманию; бесконечно разнообразит текстуру. Обретая власть в пределах искусства, он ощущает себя демиургом. (О демиургической теме в творчестве Клее см. [2].) Художник — бог своего мира. Только ли своего?.. Здесь решающий момент. Он наследник времени творения: его «малое время» входит в «большое». (При этом, заметим, не покидая границ искусства ради «жизнетворчества», — в этом отличие Клее от многих других мастеров Баухауза.) Сама мощь художника и полнота его власти странным образом открывают ненадежность его творений и жизни самого создателя. Они являются причиной той особой меланхолии, которая пропитывает творчество Клее. «Допустим, как поэт я не умру, зато как человек я умираю», — говорит Георгий Иванов. Но поэт остается человеком всегда, даже в моменты наивысшей захваченности поэтической стихией. Близость его к «сердцу творения» (вспомним знаменитую автоэпитафию Клее), его взлетающие «полеты» (о которых он говорит в очерке, посвященном «собрату» — Эмилю Нольде) [3, 41] не только не спасают его, но, напротив, обрекают на физическую и небесную хрупкость.

Оба времени, идя навстречу друг другу, не могут соединиться, стать *одним* целым эпическим временем. Время остается многосложным. Два измерения — «библейское» время творения и время человеческого творчества — никогда не совпадают. Тема разрушительной мощи времени в работах Клее сама по себе уже свидетельствует о расколе, о ране, которая проходит по сердцу творения. Этот раскол наполняет картины швейцарского мастера особым трепетом, напряжением и странной красотой.

Последней главой этой истории становятся знаменитые *ангелы* его поздних работ. Есть все основания полагать, что на концепцию ангелов у Клее в немалой

степени повлияли ангелы «Дуинских Элегий» Р. М. Рильке. Правда, в отличие от этих, последних, воплощающих собой ein stärkeres Dasein, «более сильное бытие», ангелы Клее чрезвычайно близки земным созданиям. Да, некоторые из них являются грозными, готовыми к битве, как Angelus Militans, «Вооруженный (или Воюющий) Ангел», но они часто являются и смущенными, неловкими, порой смешными... Кажется, эти ангелы не менее хрупкие и бранные создания, чем мы сами: Забывчивый ангел, Сомневающийся ангел, Ангел, полный надежды и др.! В средневековой схоластической традиции у ангелов вполне определенное отношение ко времени. Они, участвуя в событиях, происходящих в тот или иной момент времени, вместе с тем принадлежат *всему* его кругу с самого начала творения. Они «первенцы бытия». Таковы и ангелы Рильке. «Истинная жизнь простирается по обе области, большой круг кровообращения проходит через обе: нет ни этого, ни того света, но лишь одно огромное единство, в котором пребывают стоящие над нами существа, “ангелы”...» (пер. М. Баранович) [5, 534], — пишет Рильке по поводу «Дуинских Элегий» польскому переводчику В. фон Гулевичу. Ангелы Клее выполняют ту же задачу. Вместе с тем они ближе ускользящему моменту времени, ближе бранным существованию, ближе нам самим, чем могучие ангелы Рильке. Именно будучи такими, они несут утешение и надежду уже смертельно больному художнику.

Было ли достигнуто окончательное примирение? Очевидно, нет. Драматизм и напряжение присущи работам Клее в его последний период. Именно в этот период он создает наиболее прекрасные, но и наиболее трагичные свои вещи. Наряду с циклом ангелов это «Смерть и Огонь», *Insula Dulcamara*, «Суровый лик», «Эта звезда учится смирению», «Заключенный»... Весть о спасении приходит не из некоей условной сферы неподвижного бытия — она приходит из времени и раздается во времени. Она столь же «динамична», как и все творчество мастера. Его ангелы странствуют из времени во время. На его путях они распутывают те узлы, которые могли бы затруднить неловкому легкий и безболезненный переход из одной сферы бытия в другую. Согласно стихотворению-автоэпитафии Клее — из области живых в ту область, которая является общей для мертвых так же, как и нерожденных: «ближе к сердцу творения, но еще недостаточно близко».

Нет сомнений в том, что проблема времени была одной из самых важных проблем в философии XX столетия. Она звучала как основной мотив в музыкальном произведении, во многих отношениях определяя содержательную разработку других тем. В этом смысле творчество Пауля Клее хорошо вписывается в общую картину духовных исканий столетия. Но интеллектуальный и художественный потенциал этого творчества еще далеко не исчерпан. Помимо других достижений швейцарского художника дело также и в исключительной многогранности той «концепции времени», которую мы пытались описать выше, опираясь как на его художественные произведения, так и на теоретические работы. Мы не смогли бы свести ее ни к одной из известных философских интерпретаций. При этом подход мастера вовсе нельзя назвать эклектичным. Мир представлен как динамический универсум, включающий в себя множество входящих друг в друга или пересекающихся измерений времени. Это похоже на множество голосов в полифоническом

произведении. Не нужно специально говорить о том, насколько такой образ мира в его временном аспекте оказывается близким как современным научным представлениям, так и современным философским поискам. Но сама эта полифония базируется на главной встрече, встрече драматической, определяющей одновременно и космический характер творчества Клее, и невероятную личностную интимность в ощущении мира: неизвестной творческой силы, охватывающей все и проявляющейся повсюду — и порыва человеческой творческой воли.

-
1. *Беньямин В.* О понятии истории // Новое лит. обозрение. 2000. № 46. С. 81–90.
 2. *Голуб Е. А., Пургин С. П.* Аналогия художник — Творец в искусстве Пауля Клее // 30 лет кафедре религиоведения Уральского федерального университета. Екатеринбург, 2017. С. 114–125.
 3. *Клее П.* Пауль Клее об Эмиле Нольде по случаю его 60-летия // Нольде Э. Полотно. Акварели. Графика: Из собрания Фонда Эмиля Нольде в Зебюлле. М. ; Л., 1990.
 4. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. М., 1994.
 5. *Рильке Р.-М.* Проза. Письма. Харьков ; М., 1999.
 6. *Хайдеггер М.* Время и бытие // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 391–406.
 7. *Labrusse R.* La matière du temps // Klee P. L'Ironie à l'oeuvre. P., 2016. P. 168–174.
 8. *Klee P.* Journal. Trad. par Pierre Klossowski. P., 1959.
 9. *Klee P.* Philosophie de la création // Klee P. Théorie de l'art moderne. Denoël, 1985. P. 57–62.
 10. *Klee P.* Schöpferische Konfession. B., 1920.
 11. *Klee P.* Tagebücher. Bern, 1988.
 12. *Klee P.* Über die moderne Kunst. Bern — Bümpliz, 1945.
 13. *Stavriniaki M.* «Le moment est venu». Paul Klee et l'expérience de l'histoire // Klee P. L'Ironie à l'oeuvre. P., 2016. P. 228–233.
 14. *Watson S. H.* Crescent moon over the rational. Philosophical interpretation of Paul Klee. Stanford, 2009.

Рукопись поступила в редакцию 22 февраля 2018 г.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 24 + 2-5 + 2-11:141.78

Е. В. Иванова
Д. О. Рачитских

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИЛОСОФСКИХ ШКОЛ ИНДИЙСКОГО, КИТАЙСКОГО И ЯПОНСКОГО БУДДИЗМА В СВЕТЕ АБЕРРАЦИИ ОРИЕНТАЛИСТСКИХ МОТИВОВ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА

Статья посвящена сравнению школ индийского, китайского и японского буддизма для выявления возможностей аберрации в философской культуре постмодерна. Рассматривая вероучение индийской школы вайбхашика, можно увидеть идейных продолжателей буддийской философии в Китае и Японии. Изучая историю школы вайбхашика, можно проследить, как философия данной школы оказывала сильнейшее влияние на развитие концептуального пласта в составе других школ, включая большинство школ махаяны. Анализируя школы «Фасян» (Китай) и «Куся» (Япония), можно заметить, что они придерживаются теории реальных дхарм и их классификации, но при этом каждая школа привнесла что-то новое в изучение «абхидхармы». Выявляются возможные причины устойчивого интереса к религиозной философии неоориентализма в России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: буддизм, философия вайбхашики, Энциклопедия Абхидхармы, буддийская школа, буддийское образование, ориенталистские культы, религиозная аберрация.

В современной культуре новые религиозные движения являются частью религиозного ландшафта. Многие религиоведы акцентируют внимание на мировоззренческом синкретизме адептов новой религиозности, их «личной религии», «практической духовности» в противовес традиционным, официальным мировым религиям. В последнее время прослеживается большой интерес и, как следствие этого интереса, распространение в странах Западной Европы, Америке и России ориенталистских движений, в основе которых лежат индийские религиозно-философские идеи. Тем не менее в современных исследованиях, посвященных изучению новых религиозных движений, не так много работ, анализирующих ориенталистские истоки. За анализом причин обращения адептов к мировоззрению

новых религиозных движений остаются малоизученными базовые традиционные концепты мировых религий, являющиеся фундаментальными ориентирами в формировании новой религиозности. По мнению Е. В. Зудова, говоря о религиозной культуре постмодерна применительно к образованию новых религиозных движений ориенталистского толка, «правомернее рассматривать включения восточных религиозных мотивов как аберрацию» [4, 13]. Под аберрацией он понимает насыщение первоначального религиозно-философского смысла какой-либо традиции «дополнительными смыслами в различных вариантах их конфигурации, комбинации или переориентации» [Там же]. Этот процесс связан с социальными запросами культуры постмодерна и возможностями индийской религиозной философии, в частности буддизма, отвечать на важные жизненные вопросы индивида. Для выяснения популярности аберрации буддизма (как на Западе, так и в России) прежде всего необходимо обратиться к сравнению школ индийского, китайского и японского буддизма и выявить особенности аберративных инноваций в восточной религиозной мысли.

Для этого, во-первых, проанализируем учение школы вайбхашика. Во-вторых, сравним данную школу с идейными продолжателями в Китае и Японии (школами Фасян и Куся). И наконец, покажем, как встраивается учение Абхидхармакоши в современное обучение буддийским доктринам. На основе этого анализа увидим значимость школы вайбхашика для различных буддийских школ — как исторических, так и современных. Данный анализ поможет выявить особенности аберрации ориенталистской религиозной философии применительно к отечественным и западноевропейским религиозным нарративам.

1. Исторические сведения о времени и условиях зарождения буддийских школ позволяют современным исследователям философских оснований буддизма приобщиться к богатой истории Востока. «В 322 г. до н. э. Чандрагупта Маурья основал в центральном регионе Северной Индии империю Маурьев, которая была известна как Магадха, родина буддизма. Империя быстро выросла, достигнув наибольшего размера при императоре Ашоке (Mauryan med-ya) в 268–232 гг. до н. э. Во времена Ашоки империя Маурьев растянулась от современного восточного Афганистана и Белуджистана до Ассама и занимала большую часть Южной Индии. В период правления императора Ашоки, в 237 г. до н. э., школа сарвастивады тоже откололась от тхеравады из-за некоторых философских разногласий» [1].

Школа сарвастивады откололась от тхеравады после третьего буддийского собора. Одним из главных философских вопросов, из-за которого произошел раскол, был вопрос о возможности обсуждать существование явлений в прошлом, настоящем и будущем по их локальности. В тексте А. Берзина об истории буддизма мы находим прямое указание на этот факт: «Сарвастивада утверждала, что все существует — больше не происходящие явления, происходящие явления и еще не происходящие явления, — потому что все состоит из вечных атомов, и меняется только форма, которую они принимают. Таким образом, атомы могут принимать разные формы: превращаться из еще не происходящих явлений в происходящие явления и затем в больше не происходящие явления. Но каждое из этих явлений состоит из одних и тех же вечных атомов... И тхеравада, и махасангхика утверждали,

что существуют только происходящие явления и больше не происходящие явления, которые еще не произвели результат. Последние существуют потому, что все еще выполняют свою функцию... Однако сарвастивада согласилась с махасангхикой в том, что архаты имеют ограничения — следы тревожащих эмоций» [1].

Первый раскол внутри буддийской общины послужил как бы исторической моделью дальнейших судеб этого мощного религиозно-идеологического движения. Так, сарвастивада заложила ту концептуально-идеологическую основу, на которой вскоре возникла разветвленная система школ хинаяны, а махасангхика через несколько веков трансформировалась в численно преобладающее и по сей день направление буддизма — махаяну, которая прочно утвердилась в странах Центральной Азии и Дальнего Востока [2, 14].

После этого школа сарвастивады со временем развивается и становится одной из самых почитаемых и влиятельных школ в буддизме [9, 64]. С развитием абхидхармистских доктрин сарвастивада стала ведущей школой абхидхармы, способной отвергать и возражать возникшей Махаяне [Там же]. Развивая свои идеи на территории современного Кашмира и получая новых последователей с появлением трактата Махавибхаша, сарвастивада становится известна как школа вайбхашика. Основателем школы является Васумитра, возглавлявший авторов «Вибхашы». Автор «Абхидхармакоши» Васубандху не раз ссылается на главу вайбхашики.

Крупнейший вклад в литературу Абхидхармы был сделан сарвастивадой (вайбхашикой), главной школой хинаянского направления. Философия сарвастивады оказала сильнейшее влияние на развитие концептуального пласта в составе других школ, включая большинство школ махаяны. «Как видно и из названия школы, ее фундаментальной посылкой была концепция “sarvam asti” (всё, т. е. все дхармы, реально существует), на основании которой возникла в высшей степени рационалистическая и детализированная теория дхарм» [2, 51].

Философия вайбхашики опирается на теорию дхарм (dharma) потока сознания, реально существующих в прошлом, настоящем и будущем. «По буддийскому вероучению частицы-дхармы, выведенные из состояния покоя, группируются в тела и души, но потом распадаются (развоплощаются) и снова образуют тела (перевоплощаются)» [7, 425]. Пока действует дхарма, мир сансары существует, прекращение же дхарм означает уход в мир успокоения, в нирвану «пустота блаженная» [Там же, 125], которая так же реальна, как и сансара «пустота мучительная» [Там же]. «Нирвана — конец цепи перерождений, абсолютный покой, уход из мира причинности» [Там же, 425].

Наиболее известна систематизация парадигмы дхарм из пяти групп (skandha), или пяти частей потока сознания (santana) человека, индивида: 1) частицы чувственного содержания потока (rupa); 2) частицы чувственного ощущения (vedana) приятного, неприятного, нейтрального; 3) частицы знаково-понятийного содержания (Samjña); 4) частицы сил и влияний сделанного прежде (sanskara, или karma); 5) познавательные частицы (vijñana).

Философия вайбхашики последовательно развивала идеи «индивидуальных устремлений», которые были обусловлены причинно-следственной цепью взаимозависимости (Вторая благородная истина — пратитья-самутпада). Личность

и душа уступают в этом отношении место потоку дхарм индивида. Но последние таковы лишь в феноменальном мире сансары, когда же волнение дхарм спокойно, они суть недвижимы и самосуци (svabhava), они вне зависимости и причинности. Поскольку оба мира равны онтологически (тем самым реальны) и состоят из одинакового набора дхарм, постольку природа 72 классов их в сансаре сильно отличается от их природы в нирване. Сансара есть лишь потоки движимых энергий, неизвестные источники которых такие же, как и в нирване, но в ней они сами по себе, самосуци (svabhava-dhamma), самостоятельны (swadharma). Они не суть субстанция, как и движение, пульсация не есть присущее им качество, так как при подобном предположении частицы нирваны нельзя было бы признать абсолютно недвижимыми и независимыми.

Потоки эмпирических жизней индивида безначальны, индивидуализируются особой объединяющей силой (prapti) [6], и эти перерождения индивида могут прекратиться только в нирване. Прапти действует совместно с другими силами, присущими каждой дхарме, а именно силами возникновения, пребывания, распада и исчезновения, действующими одновременно и ежемгновенно. В феноменальной действительности дхармы проявляются во времени и пространстве в сочетаниях согласно законам причинности и соответственно сопутствующим условиям. Такие положения в онтологии открывали огромные возможности не только аналитикам вайбхашики, но и мистикам для самоуглубления, медитации над пластами психики индивида.

Наиболее продуктивным путем к достижению нирваны считалось отчетливое знание системы потока дхарм в теории и практике, ясное и чистое представление о законах их взаимодействия и умение управлять ими, постепенно подавляя движение, пульсацию. В этой связи для адепта главным становится интуитивное знание (prañña) [2, 79] или, как говорят сами буддисты, истинное знание, мудрость, которое освещает поток сознания и своим присутствием противодействует вредным частицам, атомам.

2. Активное проникновение буддизма в культуры других народов произошло только тысячелетие спустя после основания буддизма Буддой Шанкьямуни. «История буддизма в Китае начинается, согласно традиции, уже в первом веке нашей эры, о действительном же расцвете буддизма, о существенном влиянии буддизма говорить можно только начиная с IV в. Но уже к VI в. в Китай успели проникнуть почти все направления индийской религии, основная часть священных текстов была уже переведена, и в Китае успела уже образоваться китайская секта буддизма, известная под названием Тяньгайской, по японскому произношению — Тэндайской» [6].

«В Японии в это время еще не было ни письменности, ни достоверной истории, начало которых принято относить в VI–VII вв. н. э. Этому периоду предшествует, по официальному летосчислению, целое тысячелетие — полумифическое, полупоэтическое, полубоготворческое; собственно же история Японии начинается только в VI в. в связи с явлением религиозного характера, т. е. с введением буддизма из Кореи. А наряду с проникновением буддизма наблюдается и внезапное усиление влияния китайской цивилизации» [Там же].

Абберрация представляет собой процесс изменений и трансформаций в зависимости от социокультурной среды. Как происходил данный процесс в школах китайского и японского буддизма, которые продолжили идеи вайбхашики? Профессор Щербатской писал о том, что логика буддистов дважды импортировалась из Индии в Китай: «первый раз — в VI в. н. э. индийским миссионером Парамартхой, а второй — в VII в. китайским паломником Сюань Цзяном (Hsuen Tsang). Парамартха привез с собой и перевел три произведения, приписываемых Васубандху, а именно: Yu-shih-lun (=tarka-sastra), Fan-chih-lun Opariprccha-sastra), Tr-fu-lun (=nigraha-sthana-sa'stra), которые были включены в китайскую Трипитаку под тремя различными названиями» [3, 105].

В VII в. логика буддистов проникает из Китая в Японию при помощи японского монаха Дошо. В следующем столетии монах по имени Гембо (Gemboh) привез из Китая «Великий комментарий» и другие сочинения по логике. Он стал основателем новой школы японских логиков, получившей название «Школы Северного Зала» [Там же, 107].

Таким образом, сложившиеся в VI–VIII вв. школы китайского буддизма, определившие своеобразие буддийской традиции всего Дальнего Востока, можно разделить на три основные группы: Школы трактатов, Школы сутр и Школы дхьяны, созерцания.

«Школы трактатов базировались на одной из индийских шастр и занимались по преимуществу изучением и комментированием текстов философии индийского буддизма (мадхьямика, йогачара, классическая Абхидхарма). К ним относятся такие школы, как саньлунь-цзун («школа трех трактатов» — мадхьямика), фасян-цзун («школа свойств дхарм» — йогачара), чэнши-цзун (близкая к хинаяне школа трактата «Сатьясиддхи-шастра», написанного Хариварманом) и цзюйшэ-цзун (школа трактата Васубандху «Абхидхарма-коша»). Эти школы, представлявшие собой островки индийского буддизма в Китае, были малочисленны, маловлиятельны и рано прекратили свое существование (частично сохранившись, однако, в Японии), хотя некоторые их представители (самый яркий пример — Сюань-цзан) сыграли огромную роль в истории китайского буддизма» [Там же, 278].

«Школы сутр базировались на том или ином доктринальном тексте, приписывавшемся традицией Будде и считавшемся в данной школе высшим выражением буддийской истины. Хотя школы данного типа основывались не на философском, а на религиозно-доктринальном тексте, тем не менее мы можем утверждать, что они занимались теоретическими философскими проблемами, разработали сложные системы, несводимые к учению того или иного индийского текста. После расцвета в VII — первой половине IX в. их влияние ослабло, хотя философия «школ сутр» сохраняла свою актуальность в течение всей истории буддизма в Китае и на Дальнем Востоке» [Там же]. В большей степени в данных школах затрагивались сотериологическая и практическая стороны буддизма, даже в случае философии буддизма. В школах трактатов в большей степени затрагивается философская составляющая, в них также изучаются логика и теория познания индийского буддизма.

Говоря о школе «фасян-цзун», можно заметить, что она продолжает идеи школы йогачара, а именно отрицание реальности феноменального мира рассматривала как порождение индивидуального сознания. Но при этом также изучает абхидхарму наравне со школой «цзюйшэ-цзун». Обычно термин «цзюйше-цзун» указывает не на Сюань-цзана, а на его учеников, Пу-гуана и Фа-бао [5, 88]. Дело в том, что вклад Сюань-цзана рассматривается, наряду с его переводами и толкованиями, как вклад основателя школы Фасян. Не случайно некоторые из учеников Сюань-цзана занимались изучением Абхидхармакоши, так как система Васубундху отлична от системы виджнянавады, представленной в школе Фасян. Сюань-Цзан считал, что Энциклопедия Абхидхармы не противоречит Виджнянавады, по сути противоборствующих направлений Хинаяны и Махаяны, и глубокое изучение первой необходимо для понимания последней [Там же, 89], отмечал П. Д. Ленков.

Доктрина о бытии школы Фасян во многом базируется на «Абхидхармакоше» Васубундху. В школе Фасян, как и в Абхидхармакоше, дхарма означает элемент бытия. То есть дхарма — это то, что мы можем осторожно назвать феноменальной реальностью. Однако то, как познаются элементы бытия, описывается по-разному в Абхидхармакоше и в поздней традиции школы Фасян. Абхидхармакоша идентифицирует ум (чита) как источник, который производит ощущения. Подробный анализ процесса познания включает понятия зрения, слуха, запаха, вкуса и сенсорного сознания, т. е. того, что мы можем логически и эмпирически проверить в действительности. С другой стороны, мы можем назвать подход йогачары к разуму «феноменологическим». Хотя йогачара логична и эмпирически ориентирована как Абхидхармакоша, их методологии и предположения отличаются, они частично основаны на медитативных практиках. В некотором смысле Абхидхармакоша отображает ум в терминах элементов бытия, двигаясь снаружи вовнутрь; йогачара делает то же самое, двигаясь изнутри наружу [10, 302]

Учение школы Фасян занимает промежуточную позицию между традицией сарваствивады и йогачары. Познание включает четыре элемента: во-первых, воспринимаемое; во-вторых, воспринимающий; в-третьих, осознание воспринимающим собственного восприятия и, наконец, в-четвертых, осознание этого осознания [Там же, 303].

Многие буддологи и историки религии, указывая на принадлежность к течению махаяны, обычно не учитывали изучение школой фасян космологии и теории познания Абхидхармакоши, так как исследование школы на стыке двух течений может привести к разному рода проблемам и противоречиям. Отчасти можно согласиться с данными исследователями, но при этом важно указать, что философия буддизма развивалась и в плане теории познания, и в плане космологии, и в плане логики. Изучая буддийское течение махаяна, нельзя не учитывать знания, на которых они основываются, все современные течения вышли из раннего буддизма, после чего образованные школы продолжали развивать свою философию, но при этом корни раннего буддизма остаются в них до сих пор. Важно заметить, что, как и корни раннего буддизма, своего рода переплетения есть и между школами махаяна и хинаяна.

Важным продолжателем идей хинаяны являлась японская школа «Куся», которая пришла через Китай и Корею в Японию в переводах Сюань-цзана.

В Японию этот текст проник в VII в. в китайском варианте в переводе Сюань-цзана. Интересно, что школа Куся, относящаяся к хинаяне, была привнесена в Японию махаянистами. Также стоит упомянуть школу Хоссо-сю, которая является идейным продолжателем китайской Фасян. В учении Хоссо немало внимания уделяется анализу дхарм; эта важнейшая категория буддийской философии «занимает центральное место в доктринах Куся, которые базируются на философских концепциях ведущего направления — сарвастивады» [4, 206]. Но так как Хоссо-сю является продолжателем учения Фасян, в большей степени как йогачаров, то и изучение Энциклопедии Абхидхармы у них было на втором месте после изучения Виджнянавады.

«Куся» является японской транслитерацией санскритского «коша», «а последнее — в данном случае сокращением от “Абхидхарма-коша”, названия трактата крупного буддийского мыслителя Васубандху» [Там же]. Центральный текст Абхидхармакоши в переводе Сюань-цзана канонизирован именно в этой школе. «Собственно японских сочинений, специально посвященных разбору доктрин Куся, очень мало. Можно назвать “Трактат о прояснении рассуждений о “Ко-ше” (в японской транскрипции “Куся-рол мёган её”) Сюкая и наиболее значительный, по мнению О. О. Розенберга, комментарий “Важнейшие пояснения к ”Абхижхарма-коше” (в японской транскрипции “Абидацима Куся-рон ёкэцу”) монаха Фукудзюку (VIII в.) в десяти томах» [Там же, 206–207]. Последователи махаяны говорили об особой ценности данного учения, потому что «они давали исчерпывающее представление о структуре данного уровня, ее элементах, взаимосвязях» [Там же, 207].

Основой учения сарвастивадинов является теория дхарм и их классификация, составляющие сложную космологическую систему. Исходное положение школы Куся говорит о том, что все дхармы существуют реально в настоящем, прошедшем и будущем времени, что и подтверждается в тексте Васубандху. В целом школа Куся различала 76 разновидностей дхарм [Там же, 208], которые подразделялись на пять категорий: четыре «подверженные бытию» (яп. «уихо») (дхармы, относящиеся к чувственному, к сознанию, к психическим и непсихическим процессам) квалифицировались как причинно обусловленные, подверженные изменениям в каждое мгновение; и одна — как «неподверженная бытию» (яп. «муихо»), как категория причинно необусловленных дхарм, куда причислялись две дхармы, прекращающие действие эмпирической причинности, и дхарма, устраняющая условия для протекания потока причинно обусловленных дхарм в пространстве. И те и другие дхармы вечны и в первом случае именуется «непостоянными» (яп. «мудзё») и в последнем — «постоянными» (яп. «дзё»). Они в соответствии с Абхидхармой имеют «волнение», но их волнение не имеет начала, и, как описано в индийском варианте, чтобы достичь нирваны, нужно прекратить «волнение».

Такое понимание теории дхарм является классическим и изучается в большинстве буддийских школ как хинаяны, так и махаяны. Школа Куся в соответствии с учением хинаяны рассматривала движение и образование конфигураций дхарм,

подверженных рождению, пребыванию, изменению и исчезновению, как причину и следствие иллюзии феноменального бытия и существования «я» и интерпретировала нирвану как прекращение движения дхарм (успокоение дхарм). Школа Куся также восприняла учение Васубандху о «мирах» более расширенно. Классификация «миров»-состояний соответствовала в учении Куся Первой Благородной истине буддизма — истине страдания. Вторая Благородная истина (о причинах страдания) соотносилась с делением причин движения дхарм на внешние, соотнесенные с действиями, и внутренние, связанные с заблуждениями. Доктрина о восхождении по «восьми ступеням святости» (хассэ) [4, 218], в процессе которого происходит последовательное успокоение дхарм, завершающееся прекращением цепи перерождений и нирваной без остатка, подходит к Третьей Благородной истине — о возможности избавления от страданий. В учении о соблюдении заповедей и типах медитации конкретизировалась Четвертая Благородная истина — о наличии пути избавления от страданий.

3. Каковы пути процесса аберрации в восточной культуре? Для этого выявим лишь один из небольших аспектов проблемы — современное понимание буддийской мысли через преподавание в университетах. Примером для нашего исследования стали Центр буддологии Гонконгского университета (Center of Buddhist Studies, The University of Hong Kong) и Институт буддийских исследований в Калифорнии (Institute of Buddhist Studies). Предметом анализа стали методы обучения и особенности преподавания Энциклопедии Абхидхармы, а также учебные материалы Чарли Корина (Korin Charlie Pokorny) по Абхидхармакоше для Института буддологии в Калифорнии (Institute of Buddhist Studies).

Чарли Корин является одним из ведущих монахов школы Сото-дзен, имеет степень магистра Стенфордского Университета по курсу религиоведения. Кроме преподавания в дзен-центре Сан-Франциско (Stone Creek Zen Center), также является ведущим преподавателем Института буддийских исследований в Калифорнии.

Профессор Джаммаджоти — ведущий специалист по учению Абхадхармы школы сарвастивады, а также монах из Куала-Лампур, Малайзия, ставший одним из самых известных буддийских профессоров в Азии. Джаммаджоти преподавал в Индии, Тайване, Шри-Ланке и на данный момент является профессором в Центре буддологии Гонконгского университета.

Рассмотрение данных авторов, относящихся к разным ответвлениям буддизма, преподающих также и другие буддийские курсы, является значимым для осмысления учения вайбхашики в современности. Обучение во всех университетах и буддийских школах значительно отличаются, так что сложно показать длительность конкретного курса. При этом с курсом Абхидхармы преподают логику и множество других аспектов буддизма совместно с иными курсами (не буддийскими по характеру и содержанию).

К. Л. Джаммаджоти в предисловии к своему курсу по Абхидхарме пишет, что данный курс могут использовать как в аспирантуре (дополнительный курс или один из основных), так и на курсах магистратуры и бакалавриата на кафедрах религиоведения. Данный курс был издан в Университете Гонконга, но

использовался также в других университетах. В своем курсе автор осмысляет историю сарваствивады и вайбхашики в сравнении с различными концепциями понятий в Абхидхарме. Данный курс поделен на 16 глав, где постепенно разбираются основные понятия Энциклопедии Абхидхармы, каждая из тем соответствует определенному разделу энциклопедии либо комплексу связанных друг с другом «карик» в разделе. В первых четырех главах описываются происхождение, история, фундаментальные основы школы, в последующих двенадцати рассматриваются важные аспекты учения Абхидхармы, такие как теория причинности, космология, доктрина кармы и т. п. Но при этом нет четко отведенного времени для изучения каждой главы, так как главы были написаны в разное время и разнятся по объему, в связи с этим курс можно и растягивать, и сжимать, если нужно [9, 5]. Дхаммаджоти, используя систему Васубандху, не только описывает ту или иную карикю, но и серьезно относится к переводу того или иного буддийского термина для глубокого понимания философской мысли Абхидхармы.

Важно указать, что обучение проходит как для буддистов, так и для исследователей, интересующихся буддизмом. Обучение проходит в формате лекций и семинаров. Профессор, указывая на принадлежность к хиньяне, все равно затрагивает разного рода аспекты, которые есть и в махаяне. Изучая методологию, космологию буддийской философии, рассматриваются также проблемы соотношения течений хиньяны и махаяны. Это хорошо заметно при рассмотрении, анализе эволюции некоторых понятий в абхидхармакоше. К. Л. Дхаммаджоти своим курсом показывает не просто историю и разбор Энциклопедии Абхидхармы, но и эволюцию, развитие учения философии буддизма.

Профессор Корин (Kogin) специально создавал свой курс для улучшенного обучения в институте буддологии, объясняя его значение тем, что структура, созданная Васубандху, систематически более удобная и наглядная [11, 3]. Свой курс автор делит на 10 глав и одну дополнительную для подробного разъяснения конкретных терминов. В среднем дает на каждую главу по 90 минут для более сжатого объяснения и более быстрого уяснения материала [Там же, 4]. Главы структурированы, вместе со сравнительными таблицами, для наглядного объяснения. Также структура курса Корина отличается от курса Дхаммаджоти. Материал профессора Корина более систематичен, каждая глава начинается с обзора и библиографии, даются определения всем важным терминам и понятиям, которые анализируются в той или иной главе. Например, третья глава — это глава о космологии, описывающая мир циклических страданий, где главными понятиями являются «дхату» (три сферы бытия), «антарабхава» (промежуточное бытие), «рупа» (материя), «меру» (центр всех вселенных) и т. п.

Таким образом, проанализировав примеры современных обучающих материалов профессоров Джамаджотти и Корина, можно сделать вывод о том, что Энциклопедия Абхидхармы является основой буддийского образования. Учение о Мире Абхидхармакоши — обязательный материал для изучения в авторитетных буддийских школах.

Охарактеризовав историю и процесс аберрации учения китайской и японской школ буддизма, можно отметить, что одни уделяли больше внимания изучению

Абхидхармакоши (Куся), а другие использовали ее как основу для развития собственной философской системы (Фасян). Таким образом, изучение Абхидхармы является основой буддийской космологии и теории познания не только для направления Хинаяны и Тхеравады, но и для любой буддийской школы, так как содержит неотъемлемые и сущностные черты буддизма как мировой религии. Ярким примером этого является школа Фасян в Китае, представляющая собой симбиоз школ сарвастивады и йогачары. Рассмотрев данную школу, можно заключить, что даже школа махаянского направления включает хинаянскую космологию и теорию познания. Трактат Васубандху благодаря своей систематизации философского учения до сих пор остается одним из самых удобных инструментов для теоретического познания космологии Буддизма.

4. Универсализм религиозно-философских доктрин буддизма (своеобразное толкование законов кармы, реинкарнации) позволил интегрироваться в западноевропейский и российский мировоззренческие дискурсы. Буддизм как совокупность «даршан» стал основой для формирования у индивида в культуре постмодерна личных религиозных нарративов, которые при этом через процесс аберрации меняют значение первоначальных, классических понятий буддийской философии. Мозаичность личных духовных исканий и предпочтений переходит в элементы религиозной мифологии (Е. В. Иванова), в мифологическое смыслообразование индивидуальной самореализации через «как бы» приобщение к истокам буддийских традиций. Происходит процесс «упрощения, искажения, онаучивания первоначальных идей буддизма, что связано с запросами культурных парадигм Востока и России» [4, 15].

Таким образом, если процесс аберрации буддийской религиозной философии в Китае и Японии происходил плавно и постепенно, эволюция и развитие основных понятий и терминов прослеживается в современном буддийском образовании, а также в самой модели мира, то потребности западноевропейского «нового верующего», а вслед за ним и российского, находящего смысл в «практической духовности», направлены на поиски решения личных мирских проблем, самоздоровления.

1. Берзин А. Краткая история буддизма в Индии до вторжений в 13 веке [Электронный ресурс]. URL: http://www.berzinarchives.com/web/ru/archives/study/history_buddhism/buddhism_india/history_buddhism_india_before.html (дата обращения: 23.01.2018).

2. Васубандху Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы). Раздел 1: Анализ по классам элементов / пер. с санскр., введ., коммент., историко-философ. исслед. В. И. Рудого. М., 1990.

3. Духовная культура Китая : энцикл. : в 5 т. Том «Мифология. Религия» / гл. ред. М. Л. Титаренко. М., 2009.

4. Зудов Е. В. Характер и причины аберрации восточных религиозно-философских мотивов в новых религиозных движениях : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2016. 19 с.

5. Игнатович А. Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М., 1987.

6. Ленков П. Д. Философия сознания в Китае: буддийская школа фасян (вэйши). СПб., 2006.

7. Розенберг О. О. Труды по буддизму. М., 1991.

8. Пивоваров Д. В. Философия религии : в 3 т. Т. 1 : Онтология религии : [учеб. пособие]. Екатеринбург, 2012.

9. Щербацкой Ф. И. Избранные труды по буддизму. М., 1988.
10. *Dhammajoti K. L. Sarvastivada Abhidharma*. Hong Kong, 2007.
11. *A Companion to Buddhist Philosophy* / Ed. Steven M. E. Oxford, 2013.

Рукопись поступила в редакцию 23 января 2018 г.

УДК 141.4(470) + 347.23 + 17.022

Н. А. Шестовских

ПРОБЛЕМА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ТРУДАХ РУССКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ФИЛОСОФОВ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

В статье представлен анализ трудов русских религиозных философов конца XIX – начала XX в., посвященных проблемам собственности. Выявлено наличие двух противоположных точек зрения по этому вопросу. Подробно анализируются работы русских религиозных философов, обосновывающих необходимость частной собственности. Делается вывод о том, что большинство русских философов считали частную собственность совместимой с христианским идеалом и связывали относительный принцип собственности с необходимостью подчинения абсолютному принципу нравственной личности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: собственность, хозяйство, русская религиозная философия.

В условиях экономического и политического кризиса, наблюдающегося в настоящее время в российском обществе, обостряется традиционная для нашей страны дискуссия между модернизаторами и консерваторами, между западниками и сторонниками русской самобытности. Альтернативы развития экономической жизни общества включают в себя решение вопроса об одном из важнейших элементов хозяйствования — собственности, что актуализирует исследование культурно-исторических оснований формирования философии хозяйства в целом и осмысления аксиологического статуса собственности в частности. В этой связи обращение к философской мысли поможет избежать социальных катаклизмов, связанных с обостряющимся в социуме неравенством, и способствовать экономическому развитию общества, не разрушая при этом исторически сложившихся отечественных мировоззренческих установок и ценностных ориентиров.

Проблема собственности довольно долго не стояла в центре внимания русской философской мысли. За исключением узкоцерковного спора о монастырских владениях «стяжателей» и «нестяжателей» в конце XV – начале XVI в., вызвавшего всплеск богословских мнений, систематическое рассмотрение имущественной проблематики в академической церковной среде началось только в конце XVIII в. Примерно к этому же периоду можно отнести начало обращения к данной теме русских ученых просветителей, юристов, экономистов и историков (С. Е. Десницкий, Я. П. Козельский, А. П. Куницын, Н. И. Новиков, А. Я. Поленов, И. П. Пнин,

И. А. Третьяков, Д. И. Фонвизин), рассматривавших в своих работах понятия условного и естественного права, справедливости, собственности, бедности. В XIX в. вопросы социальной справедливости, частной и государственной собственности находили место в работах П. Л. Лаврова, Н. П. Огарева, Б. Н. Чичерина и др.

Философско-религиозную и общественно-политическую мысль конца XIX — начала XX в., изучающую имущественную проблематику, весьма условно можно поделить на две полярные точки зрения — сторонников и противников частной собственности.

Такие выдающиеся русские философы, как Б. А. Кистяковский, Н. Ф. Федоров, В. Ф. Эрн и др., считали несовместимыми христианский идеал и частную собственность. Опираясь на толкования Священного Писания и христианские положения, они придерживались мнения, что освобождение от имущества и раздача его нуждающимся является необходимым, хотя и недостаточным условием для того, чтобы быть совершенным христианином.

Несмотря на различное понимание природы имущественных отношений, сторонники частной собственности, наоборот, считали, что она является основой для творческого и духовного развития личности, без чего невозможно развитие общества.

Религиозная философская мысль Серебряного века опиралась на В. С. Соловьева. В своей работе «Оправдание добра» философ указывает, что «неотъемлемое основание собственности заключается в самом существе человеческой личности» [4, 429]. По его мнению, существует два способа создания собственности: завладение, или «право первого занимающего», — все реже встречающийся случай, когда захватываемое есть предмет, никому не принадлежащий, и труд — существенное основание собственности.

Соловьев отмечает, что труд не может быть субстанцией собственности, так как он создает лишь потребительную стоимость, а не сам материал, из которого вещь изготовлена: «труд, производящий не вещь, а только некоторое частное свойство в ней, неотделимое, однако, от целой вещи, не может давать право собственности на то, чего не производил и что от него не зависит» [Там же, 433].

По мнению В. С. Соловьева, собственностью работника является капитал, так как именно он по своему существу «есть чистое произведение человеческой воли, ибо первоначально от нее зависело отложить часть заработка или же употребить и эту долю на текущие потребности» [Там же, 434]. Поэтому именно капитал по справедливости должен быть признан собственностью по преимуществу.

Признавая собственность, Соловьев решительно отвергает возможность злоупотребления своим имуществом в ущерб общему благу или общественной правде.

Говоря о преемственной собственности, то есть наследстве, В. С. Соловьев отмечает, что непрерывная цепь прогресса в человечестве держится сознательно преемственностью ее звеньев. «Без намеренной и добровольной передачи нажитого будет только физическая смена поколений, повторяющих прежнюю жизнь, как у животных» [Там же, 435]. Более важным в этом случае, безусловно, является передача духовного наследия, но так как лишь немногие люди могут завещать потомству прочные духовные приобретения, то для большинства людей

остаются право и обязанность заботы о материальном улучшении жизненных условий для своих личных преемников. Ссылаться на евангельскую беззаботность могут только те, кто «прямо отдается всемирной будущности и уже предваряет ее идеально» [4, 436]. «Для подражания лилиям нужно иметь их чистоту и для подражания птицам небесным нужно иметь высоту их полета. А при недостатке того или другого житейская беззаботность может уподобить нас не лилиям и птицам небесным, а разве лишь тому животному, которое в своей беззаботности о будущем не только подкапывает корни благодетельного дуба, но при случае вместо желудей пожирает и свои собственные порождения» [Там же].

Наследственная собственность, считает философ, является реализацией нравственного взаимоотношения в самой коренной общественной сфере — семейной. Наследственное состояние «есть, с одной стороны, воплощение переживающей, чрезмогильной жалости родителей к детям, а с другой стороны, реальная точка опоры для благочестивой памяти об отошедших родителях» [Там же, 437]. Особенно это касается земельной собственности, так как понимать и любить природу дано немногим, но каждый человек привязывается «к своему родному уголку земли, к родным могилам и колыбелям» [Там же]. В этом и заключается нравственная связь, которая не только оправдывает существование наследственной собственности, но и является основанием для ее дальнейшего нравственного упорядочения.

По мнению В. С. Соловьева, сама по себе собственность вообще не имеет нравственного значения. «Никто не обязан быть богатым, а также никто не обязан обогащать других. Равенство всех имуществ так же невозможно и ненужно, как одинаковая окраска или густота волос» [Там же, 355]. Однако, отмечает мыслитель, есть условие, при котором имущественное положение лица становится нравственным вопросом: когда человек не может поддерживать свое существование или на поддержание своего существования он должен тратить столько сил, что у него не остается достаточно времени и сил для забот о своем человеческом, умственном и нравственном совершенствовании. В этом случае человек перестает быть целью для себя и других, становится только материальным орудием. Задача общества, желающего быть нравственно нормальным, — обеспечить всем и каждому тот минимум благосостояния, который необходим для поддержания достойного человеческого существования. Но это уже вопрос не нравственности, а экономической политики.

В целом В. С. Соловьев дает следующее определение собственности: «Собственность сама по себе не имеет ничего абсолютного. Это — ни священное благо, которое надо защищать любой ценой и во всех его проявлениях, ни зло, которое должно обличить и уничтожить. Собственность — это относительный и обусловленный принцип, который должен подчиняться принципу абсолютному — принципу нравственной личности» [5, 448].

Идеи В. С. Соловьева были унаследованы и творчески развиты многими русскими религиозными философами, среди которых С. Н. Булгаков и Н. А. Бердяев особенно глубоко интересовались социальной проблематикой.

Крупнейший русский философ и богослов С. Н. Булгаков в своем фундаментальном труде «Философия хозяйства» под хозяйством подразумевает творчество,

синтез свободы и необходимости. По его мнению, всякая хозяйственная эпоха имеет свой дух и сама является порождением этого духа, а каждая экономическая эпоха имеет свой особый тип «экономического человека», порождаемый духом хозяйства.

С. Н. Булгаков осуждает идею экономизма, которая, по его мнению, основывается на беспредельном эгоизме, гедонизме и сенсуализме. Идея «экономического человека» — современного предпринимателя — заключается в особом понимании человека как механизма, чуждого свободы и творчества, не подлежащего никакому высшему суду в своей экономической деятельности, лишённого чувства греха и трагедии поврежденности мира и человека при создании.

При решении проблемы собственности С. Н. Булгаков исходит из христианского понимания богатства, в соответствии с которым осуждается не собственность как таковая, а недостойный и грабительский способ ее приобретения и использования. В статье «Церковь и социальный вопрос» С. Н. Булгаков, рассматривая проблему собственности, отмечает, что собственность капиталиста на фабрику означает то, что он владеет ею как предметом личного потребления, но что он заведует данной отраслью общественного производства для пользы общества. «Богатство в социальном смысле, социальная мощь и власть обязывают ее носителей, как и всякая власть» [2].

Совершенно справедливо Булгаков различал «чувство собственного» и собственность как социально-экономический институт. Первое связано с жадностью, любостыжанием, духовным пленом у собственного имущества, чувство собственного «осуждается бесповоротно христианством как коренным образом противоречащее основной заповеди любви» [Там же]. Напротив, с собственностью как институтом связана важная и ответственная функция — общественное производство для пользы общества. Собственность является как правом, так и обязанностью. Победа над собственностью должна быть не экономической, а нравственной, совершаемой в глубине души. Можно иметь собственность и быть от нее духовно свободным, а можно быть бедным, лишённым собственности, но сгорающим от зависти к богатым и жадности.

Таким образом, по мнению С. Н. Булгакова, осуждается не сама собственность, а «чувство собственности, духовный яд ее, сладострастие мамона, и осуждается бесповоротно христианством, как коренным образом противоречащее основной заповеди любви» [Там же]. Христианство призывает не погружаться в хозяйство до конца, не давать овладеть собой его инстинктам, но по возможности и живя в хозяйстве осуществлять свою свободу от богатства, подчинять его религиозно-этическим нормам.

В отличие от С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяев рассматривал проблемы социально-экономической этики через призму персонализма. Поэтому в основе его этики, в том числе социально-экономической, лежит идея личности.

В своей работе «Философия неравенства» Н. А. Бердяев отмечает, что «собственность, по природе своей, есть начало духовное, а не материальное» [1, 304]. Философ связывает начало собственности с метафизической природой личности. Собственность родилась в борьбе человеческой личности со стихийными силами

природы. «Свободный дух человека налагает свою волю на стихийную природу, и от этого акта рождаются неотъемлемые права и обязанности» [1, 305]. Связь человека с собственностью одухотворяет его отношение к материальной природе, делает это отношение не потребительским.

Частная собственность на землю, по мнению Н. А. Бердяева, делает возможной «любовь к земле, к полю и лесу, вот к этому дереву, около которого сидели деды и прадеды, к дому, к воспоминаниям и преданиям, связанным с этой землей и ее прежними владельцами, она поддерживает связь времен и поколений» [Там же]. Изъятие земли, национализация и социализация приводят к потребительскому, корыстному отношению к земле, «лишенному всякой душевной теплоты» [Там же, 306], что сделает «невозможной интимную связь с прошлым, с предками, убьет предание и воспоминание» [Там же]. Более одухотворенное и личное отношение к хозяйственной деятельности предполагает частную собственность, устойчивую перспективу, переходящую за пределы эмпирической жизни людей.

Н. А. Бердяев отмечал, что Христос не отрицал частной собственности, когда он предлагал раздать свое имение бедным, чтобы стать совершенными. По мнению мыслителя, этим он даже утвердил существование собственности. Если совершенно уничтожить собственность, то не останется места для христианского подвига отречения, он будет не нужен и невозможен. В коммунистическом обществе невозможен подвиг св. Франциска, как невозможен никакой культ бедности.

Утверждая необходимость частной собственности, Н. А. Бердяев отмечает, что с ней же могут быть связаны великие злоупотребления, «начало собственности подвержено гниению и разложению» [Там же]. Он отказывается признавать собственность абсолютным и высшим началом, она должна быть ограничена и подчинена началам более высоким, связанным с космической жизнью. Духовное отношение к хозяйству предполагает аскетику, «ограничение похоти жизни» [Там же, 307]. Безграничный рост потребностей создает индустриально-капиталистическую цивилизацию, которая чревата великими потрясениями и катастрофами и «обозначает убыль духа в европейском человечестве» [Там же]. Русский философ призывает к аскетическому самоограничению и одухотворению хозяйственной жизни.

В русской философии первой половины XX в. оригинальная концепция «функциональной собственности» была разработана С. Л. Франком. В своей статье «Собственность и социализм» он отмечает, что «злосчастный русский эксперимент», произведенный над Россией и доказавший полную несостоятельность социализма, одновременно показал очевидную необходимость строя, основанного на частной собственности. «Те немногочисленные упрямы — староверы, которые не хотят признать этой очевидности, суть безнадежные педанты-книжники, которые не по фактам оценивают теории, а из тупого пристрастия к теории, ставшей для них священным догматом, не хотят видеть очевидных фактов» [6, 309].

Одновременно с критикой социализма С. Л. Франк выступает с критикой капитализма, так как лежащие в его основе идеи, главным образом понимание собственности, принятые в чистом виде, «ведут к жесточайшим несправедливостям и величайшим хозяйственным бедствиям» [Там же, 310].

Подтверждая элементарную экономическую необходимость частной собственности, С. Л. Франк тем не менее не может удовлетвориться одним ее утилитарно-экономическим оправданием и ставит перед собой задачу согласования принципа собственности с религиозно-нравственным и социально-философским мировоззрением. Необходимость обоснования настоящей, не утилитарной, а абсолютной, религиозно-нравственной правды принципа частной собственности связана с опасностью рецидива социализма. По его мнению, с которым невозможно не согласиться, если «в России частная собственность была так легко, почти без сопротивления, сметена вихрем социалистических страстей, то только потому, что слишком слаба была вера в правду частной собственности, и сами ограбляемые собственники, негодуя на грабителей по личным мотивам, в глубине души не верили в свое право, не сознавали его “священности”, не чувствовали своей обязанности его защищать, более того, втайне были убеждены в нравственной справедливости последних целей социалистов» [6, 311].

С. Л. Франк утверждает, что непосредственного нравственного оправдания право личной собственности не имеет. Не может претендовать на абсолютную нравственную авторитетность требование того, чтобы никто не мешал мне пользоваться и даже злоупотреблять моим достоянием. При этом С. Л. Франк отмечает, что право частной собственности не имеет непосредственного морального основания потому, что «никакое вообще человеческое право (в субъективном смысле) не имеет первичной, имманентной, моральной силы. Смысл человеческой жизни не может заключаться в эгоизме, в отъединении от других, в защите своих личных интересов, он заключается только в служении Богу и людям» [Там же, 312]. Отсюда вытекает вывод, что «человек как отдельная личность, как природное существо не имеет и не может иметь никаких вообще “прирожденных”, “неотъемлемых” и “священных” прав» [Там же, 313]. Всякое субъективное право может быть нравственно оправдано сведением его к обязанности. Человек имеет только одно «священное» право — «право требовать, чтобы ему дана была возможность наилучшим образом исполнить его обязанность, чтобы никто не препятствовал ему в этом исполнении» [Там же].

Из этого утверждения С. Л. Франк выводит очень важную, на наш взгляд, нравственную ценность частной собственности: я обязан не нарушать чужого достояния и уважать чужое право. Таким образом, культурно-воспитательное и историческое значение института частной собственности содержится не в культе моего права, а в сознании незыблемости моих обязанностей в отношении других, то есть в ограничении индивидуальных притязаний признанием правомерности чужих притязаний.

По мнению С. Л. Франка, идея собственности целиком принадлежит к области права и вне ее не имеет никакой силы. Всякое субъективное право имеет функциональное, служебное значение. Вместе с тем «именно в этом своем служебном значении, как условии исполнения обязанности, оно необходимо и именно поэтому облекается святостью и незыблемостью, присущей каждой обязанности» [Там же, 317]. Из этого следует, что не может быть никакого природного, абсолютного права собственности. «Но с другой стороны, право частной собственности

настолько связано с возможностью самого права вообще, что не зависит ни от какого частного законодательства и поэтому в своем принципе и существе действительно является “естественным правом”» [6, 317].

Право частной собственности, создавая вокруг человека сферу материального мира, непосредственно связанного с ним и принадлежащего ему, тем самым ограждает его свободную личность. Все, что необходимо человеку для жизни — вещи, среда, жилище, любимое дело, все это необходимая составная часть человеческой личности. Именно поэтому право собственности является для человека правом на неприкосновенность личности — прежде всего телесную, а затем душевную и духовную.

«Для того чтобы человек мог существовать как человек, а не как животное, которое либо живет постоянным хищением, истреблением окружающей его жизни, либо питается кормом, который ему подают люди, он должен быть обеспечен в свободе и неприкосновенности своей личной человеческой связи с вещами, на которые распространяется его воля» [Там же, 319]. Только при условии утверждения права на всю полноту бытия, права «не голого человека, а человека одетого, имеющего жилище, клочок земли, личные материальные блага» [Там же, 320], человек оказывается подлинным субъектом права.

Анализируя соотношение между личным и «соборным» началом в сфере нравственной жизни и права, С. Л. Франк приходит к следующим практическим выводам в теории собственности. Отдельная личность не может быть высшей целью общественной жизни и строительства. Точно так же не может быть высшей целью и общественное единство. Такой целью является только лишь «сама правда, само Божественное бытие, осуществление которого в человеческо-общественной жизни достигается через солидарное служение обоим начал и, следовательно, через максимально-согласованное развитие и углубление их обоих в их исконной взаимозависимости» [Там же, 323]. С. Л. Франк отмечает, что цель общественной жизни не в интересах личности и не в ее самоутверждении, а также не в интересах и самоутверждении общественного единства. «Цель ее — истинное бытие бого-человеческого единства...» [Там же]. Каждое из этих двух начал включает в себя другое и не соперничает с ним, а на нем утверждается и служит ему на пользу.

В области права личная свобода формально противостоит общественному единству, и государство вынуждено ограждать как личную свободу от деспотизма принудительного объединения, так и единство общественного порядка от произвола личных эгоистических вожделений. Согласование этих двух противоборствующих начал протекает неизбежно в форме обуздания притязаний каждого из них, ограждения одного от другого и разграничения законных сфер того и другого. «Правовой строй должен быть проникнут идеей, что как государственный порядок, так и система частнопроводных отношений суть лишь взаимно зависимые и служебные моменты одного цельного соборного строя народной жизни» [Там же, 324].

Таким образом, С. Л. Франк делает вывод, что частная собственность необходима как условие личной свободы и истинно человеческого бытия индивидов, при этом она утверждается не в интересах собственников, а в интересах общества

и необходимо ограничивается, поскольку им противоречит. Государственное единство и планомерность совместной жизни также необходимы и распространяются на сферу имущественно-хозяйственную, но они утверждаются не для самих себя, а как необходимый корректив в личной свободе, в тех случаях, когда ее неограниченность приводит к своей противоположности — рабству. Государственное вмешательство в имущественные отношения ограничивается необходимостью сохранять неприкосновенность системы свободных частно-правовых отношений.

Частным лицам собственность принадлежит не как прирожденное и абсолютно-неотъемлемое право, а как право владения и управления долей общего достояния в целях свободного, примиряющего личные интересы с общими благами, соучастия в народно-хозяйственном организме, как право, основанное на обязанности. Государству принадлежат право и обязанность объединения и корректирования этого органического единства. Частная собственность должна быть утверждена в своей свободе и неотъемлемости, но вместе с тем она должна быть проникнута идеей служения, иметь не абсолютное, а функциональное значение. «Частный собственник, оставаясь собственником и именно в качестве такового, при полной обеспеченности своих прав тем самым осознает себя слугой государства, отправителем служебной функции в целостном организме народной жизни» [6, 327]. Государственная власть имеет права и обязанности в сфере частно-правовых отношений, «осуществляет свое верховное право только через надзор и корректирование системы частновладельческих отношений» [Там же].

Как и В. С. Соловьев, С. Л. Франк особо выделяет право наследования как составной момент права собственности. Он указывает, что свобода наследования по завещанию принципиально не может быть признана безграничной. Но наследственное право по своему существу основывается не на индивидуалистическом, а на соборном начале, то есть на начале соборного единства последовательных поколений. «Право наследования выражает собою не личную прихоть собственника, а принцип единства наследственного социального служения, который, разумеется, должен сочетаться с правом личности на свободный выбор своего индивидуального служения» [Там же, 330].

Известный русский философ И. А. Ильин в своей работе «Путь духовного обновления» защищает право частной собственности, показывает его необходимость для человека, жизненную целесообразность и духовную верность. Мыслитель считает, что право частной собственности — естественное право человека, которое должно ограждаться законами, правопорядком и государственной властью. «Человеку необходимо вкладывать свою жизнь в жизнь вещей» [3, 126]. Идея частной собственности заключена в самом человеке, «подсказана ему самой природою» [Там же, 125]. «Тело человека есть вещь, находящаяся среди других вещей и нуждающаяся в них» [Там же]. Для того чтобы жить, человек должен заниматься этими вещами, при этом он связывается с ними не только материально, но и «волею к совершенству, и творчеством, и любовью» [Там же]. В процессе труда человек приспособливает к себе окружающие его вещи, посвящает им свое время, силы, совершенствует их, вкладывает в них себя и свои ценности, тем самым превращает их в продолжение собственной личности.

По мнению Ильина, частная собственность развивает хозяйственную предприимчивость и личную инициативу, приучает человека творчески любить труд и землю, свой очаг и семью, свою родину. Одновременно с этим человек привыкает к «правовой взаимности, уважению чужих полномочий» [3, 127], строгому различению «моего» и «твоего», к гражданскому порядку и гражданственной самостоятельности. При этом каждый собственник, богатея, обогащает и свое окружение, и все народное хозяйство.

Обосновывая частную собственность, И. А. Ильин не одобряет наличие распределения имущества и богатства. Он четко разделяет два вопроса: с одной стороны, институт частной собственности, который необходим, целесообразен и верен, а с другой стороны — наличное распределение имущества, которое может быть неверным и нецелесообразным. Ильин указывает, что «совсем не необходимо, чтобы люди делились на сверхбогачей и нищих или на монопольных работодателей и незащитных наемников» [Там же, 124]. Все отрицательные проявления частно-правовой дисгармонии капиталистического строя — несправедливое деление на классы, завистливая и мстительная классовая борьба, безработица — отнюдь не преодолеваются отменой частной собственности. Социализм и коммунизм отвергают естественное право людей на хозяйственную самостоятельность, тем самым «люди практически приравниваются к каторжным или становятся в положение хозяйственных кастратов», «коммунизм создает государственный капитализм», что приводит к небывалому порабощению и нищете, углубляет чувство зависти и мести и приводит к еще большей эксплуатации трудящегося человека.

Решение проблем, возникающих в связи с частной собственностью, И. А. Ильин видит во внутреннем воспитании человека и в проведении целесообразных государственных мероприятий, которые могли бы исправить последствия несовершенства людей, в необходимости «сочетать строй частной собственности с “социальным” настроением души: свободное хозяйство с организованной братской справедливостью» [Там же, 129]. Имущественное неравенство, по его мнению, преодолевается не переделом богатств, а освобождением души от зависти, «помышлением не о тех, кто “богаче” меня, а о тех, кто “беднее” меня, искусством довольствоваться тем, что есть» [Там же].

Владение частной собственностью, по мнению И. А. Ильина, обязывает человека. Это не просто «право», а нравственно обязывающее право. «Только сильный и духовно воспитанный дух сумеет верно разрешить проблему частной собственности и создать на ее основании цветущее и социальное хозяйство» [Там же, 132].

Подводя итоги, следует отметить то общее, что характерно для взглядов на собственность рассмотренных нами русских религиозных философов. Большинство из них считают, что человек как духовное существо не может существовать без частной собственности, так как без нее он не может реализовать себя как свободное и творческое существо. Многие из русских философов считают, что идея частной собственности вложена человеку его природой, это естественное право человека, которое должно ограждаться законами, правопорядком и государственной властью. Частная собственность необходима, целесообразна, способствует свободе и творческой реализации духовной сущности человека.

Вместе с тем существующее распределение имущества может быть неверным и нецелесообразным. Преодоление этого неравенства возможно с помощью воспитания и духовного обновления человека. При этом крайне важным, на наш взгляд, является нравственная ценность института частной собственности, заключающаяся в осознании незыблемости собственных обязанностей в отношении других, в уважении чужого права.

Русские философы конца XIX — начала XX в. связывали относительный принцип собственности с необходимостью подчинения абсолютному принципу нравственной личности, считая его необходимым для реализации человеческой свободы, призывали к аскетическому самоограничению и одухотворению хозяйственной жизни, считали собственность не только правом, но и обязанностью, видели решение проблемы собственности во внутреннем воспитании человека.

1. Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 2010.

2. Булгаков С. Н. Два града // Христианство и социальный вопрос [Электронный ресурс]. URL: http://www.golden-ship.ru/_ld/11/1144____.htm. (дата обращения: 20.12.2017).

3. Ильин И. А. О частной собственности // Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб., 1993.

4. Соловьев В. С. Оправдание добра // Соч. : в 2 т. Т. 1. М., 1990.

5. Соловьев В. С. Социальный вопрос в Европе // Соч. : в 2 т. Т. 2. М., 1989.

6. Франк С. Л. Собственность и социализм // Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб., 1993.

Рукопись поступила в редакцию 8 февраля 2018 г.

АВТОРЫ НОМЕРА

АБИЛЬМАЛИКОВ Куаныш Кабдулович — специалист кафедры истории Казахстана социально-гуманитарного факультета Костанайского государственного педагогического университета (Казахстан). E-mail: abilmalikov.kuanych@yandex.ru

БОБЫЛО Андрей Михайлович — начальник Управления экспорта образования Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (Москва), кандидат политических наук. E-mail: sibiryak_84@mail.ru

ГОЛУБ Елена Андреевна — студентка департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: lena.golub2009@yandex.ru

ГУЗИКОВА Мария Олеговна — заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках департамента лингвистики Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: m.o.guzikova@urfu.ru

ГУМБАТОВ Зия Эльчин Оглы — магистрант 2 курса кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: zhumbatov@hotmail.com

ИВАНОВА Евгения Владимировна — профессор кафедры онтологии и теории познания департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: ieviev@mail.ru

ИШУКОВ Александр Александрович — аспирант кафедры международной экономики и менеджмента Института «Высшая школа экономики и менеджмента» Уральского федерального университета. E-mail: alex-xz5@yandex.ru

КАМЫНИН Владимир Дмитриевич — профессор кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор исторических наук. E-mail: kamyninv@yandex.ru

КЕМЕРОВ Вячеслав Евгеньевич — профессор кафедры социальной философии департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: Kemerov1444@yandex.ru

КОВАЛЕВ Юрий Юрьевич — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: ukowaljaw@pochta.ru

КОЧЕВА Ольга Леопольдовна — старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках департамента лингвистики

Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: kochevaolga@list.ru

ЛИБЕРМАН Самсон Александрович — аспирант кафедры социальной философии философского факультета Казанского федерального университета. E-mail: samsonliberman@gmail.com

МАРКОВА Дарья Сергеевна — магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург). E-mail: ds.markova@mail.ru

МЕТЕЛЕВ Алексей Витальевич — доцент кафедры социальной философии, онтологии и теории познания факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета (Барнаул), кандидат философских наук. E-mail: metalex10@mail.ru

МИХАЙЛЕНКО Валерий Иванович — заведующий кафедрой теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, профессор, доктор исторических наук. E-mail: valermik@gmail.com

МИХАЙЛЕНКО Екатерина Борисовна — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: ekamikhaylenko@gmail.com

ПУРГИН Сергей Петрович — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: s_purgin@list.ru

РАБАЙА Фуад — аспирант кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: rabaia_f@mail.ru

РАЧИТСКИХ Дмитрий Олегович — аспирант кафедры онтологии и теории познания департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: redfox1691@gmail.com

САВКОВИЧ Евгений Владимирович — профессор кафедры востоковедения Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор исторических наук. E-mail: Savkovic@sibmail.com

СЕРДЮК Татьяна Геннадьевна — доцент кафедры социальной философии, онтологии и теории познания факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета (Барнаул), кандидат философских наук. E-mail: tata_s3007@mail.ru

СТЕПАНОВ Анатолий Владиславович — заведующий кафедрой экономики и права Института по переподготовке и повышения квалификации Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат географических наук. E-mail: anatoly_stepanow@mail.ru

ТАБАРИНЦЕВА-РОМАНОВА Ксения Михайловна — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат филологических наук. E-mail: kmromanova@mail.ru

ТАНОМСАКЧАЙ Припранг — аспирант кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: g.preeprang@gmail.com

ШЕСТОВСКИХ Наталия Александровна — соискатель кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: natshe@mail.ru

SUMMARY

INTERNATIONAL CONFERENCE «EUROPEAN INTERREGIONALISM AND A GREATER EURASIA: THEORY AND PRACTICE OF REGIONAL INTEGRATION»

Mikhaylenko E. B., Mikhaylenko V. I. European Interregionalism in Latin-Caribbean America5

In its external regional policy (European interregionalism), the European Union attaches great importance to Latin-Caribbean America, taking into account its enormous economic, market, human and raw material potential. The European Union is developing cooperation with Latin American countries in a very competitive environment. The United States have the traditional influence in the region. The US for centuries have been involved in the formation of the region. Since 2014, China has pushed the EU to the third place in terms of economic cooperation with Latin American countries. The European Union responds to this competition with a well-structured policy of investment and offers mutually beneficial cooperation to Latin American regional institutions. The EU heeds the new requests of the Latin American regional community. This creates certain competitive advantages for the European Union in the region.

Key words: European Union, Latin-Caribbean America, European Interregionalism, MERCOSUR, UNASUR, the Andean Community, the San Jose Group, the Rio Group, ALBA, CELAC.

Savkovich Y. Vl., Markova D. S. Chinese-Russian Investment Cooperation within “One Belt and One Road” Initiative18

The article examines the Chinese initiative “One Belt and One Road” briefly. Particular attention is paid to the Russian-Chinese investment cooperation in the project, the agreements that were signed are fully described; the main investment flows and the current investment mechanisms are analyzed. Moreover, the integration of the Eurasian Economic Union and “One Belt and One Road” is examined; investment opportunities and difficulties are investigated. In conclusion it is shown that Russia and China are actively developing investment cooperation within “One Belt and One Road” initiative, including the Silk Road Fund. The main fields of cooperation are transport, mining and processing industries.

Key words: Russia, China, “One Belt and One Road”, investment cooperation.

Ishukov A. A. Economic Potential of Population in the EAEU Countries and Great Eurasian Partnership: Problems and Prospects28

The article is devoted to the study of the economic potential of population in EAEU countries’ regions in the context of the formation of Great Eurasian Partnership. Based on the analysis of key statistical indicators, the regions with the highest and least economic potential of their population were identified. In the latter category, problems and prospects for the development were assessed. In particular, the share of labor resources employed in the agricultural sector there is quite high. At the same time, enterprises in agrarian regions are characterized by outdated technologies and underdeveloped infrastructure. However, such regions of the EAEU, as a rule, have a large number of natural and mineral resources that the population of regions can use to achieve a competitive advantage in the development of tourism and industry.

Key words: Great Eurasian partnership, regions of the EAEU, economic potential of population.

Abilmalikov K. K. French Energy Policy in the Caspian Region.....35

French energy policy in the Caspian Sea is being studied by Russian experts from the point of view of the existence of certain difficulties and obstacles to the activities of French energy companies such as «Total» and «Gaz de France» in the region. The relations between France and the Caspian countries in the field of energy have not been the subject of close study among the scientific community. This article is an attempt to consider the vital economic interests of France in the Caspian region. The importance of the Caspian region in French politics is increasing exponentially. France gains the first role here, displacing even American and British oil and gas giants such as «British Gas» and «Exxon Mobil». By 2020, the focus of France's energy policy is gradually shifting to the two countries of the region, to Iran and Turkmenistan, which may become a threat to the export of Russian gas, as a result, the Caspian region might become an arena for armed conflicts in the battle for control over the Caspian resources.

Key words: energy, politics, Caspian region, total, hydrocarbons.

SOCIAL THEORY AND SOCIOLOGY

Kemerov V. E. Philosophy is a Floating Continent42

In a wide context of social transformations history of philosophy is dependent on a set of stimuli and causes that arise from shifts in practice, interaction of practice and scholarship, from disciplinary combinations and separations, and also because of the need to change people's relation to their everyday experience. New forms of philosophical engagement with scholarly and practical problems emerge. As a result, tasks and functions of philosophy as well as its status evolve, while its prospects are renewed. At the present moment, an attempt to overcome current system of spontaneous division of labor along with a search for novel ways to integrate people's activities and for new approaches to relate nature, society and technology are necessary.

This move should include the consideration of interaction of different social subjects and an analysis of cooperation of academic disciplines and practical and technological ways of being in the world. Methodologically, this move would imply an emphasis on transgressing and overcoming boundaries rather than on policing lines of demarcation. Therefore, not the delineation of social spaces, but the projects that foster coordination and synthesis come to the fore. The very possibility of social space is now founded on the capacity of the society to set out the paths that bind it and stabilize it. Philosophy is called for to bring up this dynamics and determine its prospects.

Key words: dynamics of philosophy, philosophy of tradition & philosophy of transformation, the shifts in integration of social knowledge, evolution of foundation and factors in philosophy; crises of the twentieth century and the transformations in philosophy.

Lieberman S. A. Virtuality is the Possibility of the Social.....51

The aim of this work is to consider new ways of constructing social theory and philosophy. The author considers existing variants of social philosophy, combining them conditionally in two projects of philosophy — modern and postmodern. Both projects have their own characteristics, advantages and disadvantages. However, they both, from the point of view of the author, are not able to grasp the essence of modern social relations in a full way. An attempt was made to create bases for building a new social philosophy.

Key words: sociality, modern, posmodern, history, virtuality.

Meteev A. V., Serdyuk T. G. Merton's Individual Adaptation Typology and Anomie: Critical Appraisal...61

This article critically analyses the premises of Merton's individual adaptation typology and anomie theory. It concludes that Mertonian conception is immediately applicable either for a homogenous society, or for that society which is on its way to homogeneity under total ideological pressure. On the other hand, this conception can be considered as generalized and idealized model, which is valid for a heterogeneous society with some adjustment. In the article, the claim is made that, for the post-Soviet society, including Russia, Merton's conception can be substantially developed by a few 'steps'. In order to do that, it is recommended to apply Mertonian approach to analyzing concrete society while taking into account its civilizational features, cultural peculiarities and diversity, along with its specific mentality.

Key words: individual adaptation types, anomie theory, postmodern society, social change, mentality, civilizational specific.

INTERNATIONAL RELATIONS

- Guzikova M. O., Kocheva O. L.* Multicultural and Multilingual Learning Environment as a Context of Teaching Foreign Languages74
- The article argues for creating a learning environment, the so-called ‘third learning space’, which contributes to cultural intelligence which is a prerequisite for successful life in the fast-changing global landscape. Based on the data obtained with such qualitative methods as focus groups and in-depth interview and analysed by the Miles and Huberman research method, the article demonstrates that the new “third” space is impossible to emerge under the current methods of teaching foreign languages. The research proposes rethinking teacher’s position as a creator of new multicultural communities.
- Key words:** multicultural and multilingual learning environment, foreign language teaching, ‘third educational space’, cultural intelligence.
- Bobylo A. M.* Internationalization of Education: Theoretical Models and National Practices83
- In this article, the author conceptualizes and analyzes the theoretical education of internationalization models, typical for a number of Asia-Pacific countries. The author applies the methods of comparative analysis and case study. The proposed classification of internationalization models is based on the identification of the specific features in national reforms of higher education as well as the strategic goals of these states in the world. Describing national practices in education internationalization allows to define the advantages and disadvantages of the models, and to suggest the further steps of Russia on the way to effective educational policy in the Asia-Pacific direction.
- Key words:** education internationalization, internationalization models, Asia-Pacific region, reform of education.
- Tabarintseva-Romanova K. M., Pashkevich O. Y.* Hedging Strategies in Political Discourse: UN Security Council Meeting on the Libyan Civil War of 201193
- The article is devoted to the political discourse in the framework of the UN Security Council. It discusses theoretical aspects of verbal “hedging”, which is a communicative tactic aimed at making the public speech less aggressive. In particular, the article illustrates the correlation between hedging and the foreign policy of France regarding Libya. By analyzing Libyan conflict in 2011, the author unravels the hidden intentions of France expressed at the verbal level, which allow to distinguish the features of communicative diplomacy in the international arena in conflict situations.
- In this case, France’s permanent representative in the UN Security Council uses hybrid diplomacy when thoughts, words and actions do not correspond to each other. In conclusion, the author emphasizes that in order to achieve France’s goals the permanent representative in the UN Security Council used various techniques of hedging with the view to presenting the Libyan regime in a negative light. An emotionally presented facts prompted other members of the Security Council to agree with the position of France.
- Key words:** hedging, Libya, UN Security Council, Permanent Representative, manipulative verbal means, international community.
- Rabaia F.* Conceptual Approaches to the Study of International Terrorism99
- The article is devoted to the definition of international terrorism in international law and in Western and Arab historiography. The reasons for the lack of a common definition of the concept of “international terrorism” are analyzed. The author comes to the conclusion that Western powers apply the policy of “double standards” in relation to national liberation movements in the Middle East region. The marker “terrorist organization” is used by Western experts not only in relation to terrorism, but also national liberation movements operating in the Arab world. The author also uses Arab language sources in describing the criteria of international terrorism.
- Key words:** international terrorism, double standards, armed struggle, national liberation movement, Arab world, Middle East region.
- Mikhaylenko E. B., Chernavskikh V. D.* North Korean Nuclear Crisis: Trump’s Cabinet’s Potential Strategies: Policy Analysis106
- The North Korean nuclear missile crisis came in 2017 as a result of DPRK improving their missile capabilities. The crisis exacerbated the tension in the relationship between the US and North Korea. Both sides now openly declare that they are ready to use nuclear weapons. The purpose of this article is to conduct a comprehensive

study of possible US strategies of tackling North Korean nuclear crisis and to identify the most probable option. The research is based primarily on statistical data as well as on the analysis of the official US political discourse. In the course of this study, we come to the conclusion that the likelihood of a military escalation of the crisis is extremely low. The strategy chosen by the US is that of economic and military pressure, and the US intends to coerce its counterpart to negotiations from a position of strength. Russia's involvement in the negotiation process is extremely unlikely. The US has chosen to act unilaterally.

Key words: North Korea, USA, nuclear missile crisis, policy, Trump, Kim Jong-Un, international security.

Kovalev J. J., Stepanov A. V. Rethinking Social Development in the Anthropocene: China's Economic Growth and Ecological Transformation 121

The article deals with the evolution of relations between natural and anthropogenic systems, the persisting contradiction between the logic of economic growth and the development of the biosphere, the need for transition to the co-evolutionary paradigm of social development. The formation of the concept of «green economy», its principles, features of realization are investigated. The relationship between China's economic growth and the degradation of its ecological systems is shown. The main directions of environmental transformation of the China's economy are characterized. A conclusion is made that model of the «green» economic transition is ambivalent.

Key words: anthropocene, co-evolution of territorial systems, socio-natural metabolism, China, «green economy», ecological civilization.

Gumbatov Z. E., Kamynin V. D. Federalism in Modern Iraq 135

The authors analyze the problems connected with Iraqi Central government's attempts to battle separatism and to strengthen federal institutions through legislative measures. The authors rely on the analysis of the Constitution of Iraq adopted in 2005 and the draft Constitution of Iraqi Kurdistan, approved by the Kurdistan Parliament on June 24, 2009. Speeches of Iraq's political leaders and the press are also used. It is concluded that due to the fact that Kurdistan has sufficient economic potential for the sustainable development its policy makers contemplate possible secession. This leads to strained relations not only between the Kurdish region and the Central government, but between Iraq and its neighboring countries with a significant Kurdish population.

Key words: Iraq, Iraqi Kurdistan, federalism, the Constitution.

Thanomsakchai P. The Influence of the Military on the Political Life of Thailand 142

The article examines the question of the influence of the military on the politics of Thailand, starting with the Siamese revolution in 1932. The reasons for the intervention of the military in the events in 2006 and 2014 are elucidated. The influence of the military on the political institutions of Thai democracy is analyzed. A discussion on the concept of a coup d'état is opened. It is concluded that under the pretext of countering threats to state security, the military manages to achieve political and economic power, but this creates conditions that give rise to political instability and social disorder.

Key words: Military influence, military intervention, coup d'état, constitutional monarchy, political power, political crisis.

AESTHETICS AND PHILOSOPHY OF CULTURE

Golub E. A., Purgin S. P. Universum of Time in the Art of Paul Klee: Philosophical Reflections and Art Practice 152

The article seeks to unravel the conception of time that underlies Paul Klee's aesthetics. The authors discuss Klee's theoretical texts such as his articles and presentations as well as his paintings. These written and painted works constitute a totality that expresses Klee's philosophy. Klee emphasizes the dynamics of and the very formation of totality. The authors analyze conceptual relations between motion, creation, and time. Time is a creative force, the principle of creativity. It is complex and multidimensional reality in Klee's view. The authors consider in detail the nature of the conflict that endowed Klee's oeuvre with dramatism and feelings of insecurity. This conflict is in fact a clash between the time of creation, which is being itself, and the individual time, which is the time of an artist. In the final part the authors focus on the motive of angels, that is in a way a consummation of Klee's artistic development.

Key words: Paul Klee, motion, creation, time, time measurement, angels.

HISTORY OF PHILOSOPHY

- Ivanova E. V., Rachitskikh D. O.* Comparative Analysis of the Philosophical Schools of Indian, Chinese and Japanese Buddhism in the Light of the Orientalist Motivation Aberration of Religious Philosophy of Postmodernity..... 165

The article is devoted to the comparison of Chinese, Japanese and Indian Buddhist schools. This research is based on one of the most important schools of Buddhism — Hinayana — Vaibhāṣika (Sarvastivada). This school has followers in China and Japan (Fa-hsiang school and Kusha-shu school). “Abhidharmakosa” doctrine has also affected modern Buddhist education. By studying the history of Vaibhāṣika school the authors observe the great influence of philosophy of this school on the development of doctrines in other schools, including the majority of Mahayana schools. Vaibhāṣika philosophy is based on the “dharma stream of consciousness theory,” which exists in the present, future and past. This philosophy differs from Mahayana and Vajrayana schools and it is the least popular of schools, but despite of all, “Abhidharmakosa” is the classic school of thought which is taught in the majority of Buddhists schools. By comparing Fa-hsiang and Kusha-shu schools the authors demonstrate that both these schools adopt the theory of the real dharma and its classification, but each of these schools brought something new to the study of abhidharma. Kusha-shu school developed the “Loka-nirdesa” doctrine of the cyclic nature of the samsara, but Fa-hsiang school combined the study of abhidharma with the ideas of Yogacara school. When studying Chinese and Buddhists schools it is hard to find sources and critics on “Abhidharmakosa,” but we can see the development of the ideas of the doctrine of the world of cyclic suffering by Vasubandhu. Today, there is a tendency of development of Buddhist education. Earlier monks and laymen were educated in Buddhist pagodas, but today there are many specialized Universities.

Key words: Buddhism, Vaibhashika philosophy, Abhidharma encyclopedia, Buddhist school, Buddhist education, aberration, religious orientalism.

- Shestovskikh N. A.* Problem of Private Property in Russian Religious Philosophy in the End of the Nineteenth and the beginning of the Twentieth Century..... 175

The article presents an analysis of the works of Russian religious philosophers of the late nineteenth and early twentieth centuries with regard to the problems of property. Among the analyzed works the author identifies two opposing points of view. The author analyses in detail those texts of Russian religious philosophers that argue for the private property. It is concluded that most Russian philosophers considered private property compatible with the Christian ideal and linked the relative principle of ownership with the necessity of subordinating the absolute principle of a moral personality.

Key words: property, economy, Russian religious philosophy.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3
Общественные науки

2018. Т. 13

№ 2 (176)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-48321 от 27.01.2012.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 29.06.2018. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 16,1. Усл. печ. л. 15,93. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 201.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета.
Серия 3. Общественные науки»!*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;

- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 13 июня 2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227-2291;

- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **философии, социологии, политологии** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;

- в лице главного редактора представлен в Секции философских научных периодических изданий Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ);

- включен в подписной каталог «Пресса России» ОАО «Агентство “Роспечать”». Подписной индекс 43144.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/ru/science/scientific-journals/izvestija-urfu/>), на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3/index>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@urfu.ru), по почте или лично автором предоставляются текст статьи (в двух экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.

2. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

3. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

4. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Правила рецензирования статей

1. После прочтения материала главным редактором текст, при условии, что он удовлетворяет основным требованиям к содержанию и оформлению научных статей, направляется для оценки внутреннему (журнальному) рецензенту.

2. На основании заключения рецензента главный редактор или редколлегия выносят решение о публикации статьи, о необходимости доработки материала или о его отклонении.

3. О принятом решении ответственный секретарь журнала извещает автора по электронной почте. При этом при принятии решения о необходимости доработки текста или о его отклонении к извещению прилагается копия или подробное изложение рецензии.

4. Журнал использует так называемое одностороннее анонимное рецензирование, при котором личность автора становится известна рецензенту, а автору персональные данные рецензента не сообщаются.

5. В исключительных случаях, а именно при наличии у автора очень серьезных и достаточно убедительных для редакции возражений против тех критических замечаний рецензента, на основании которых статья была отклонена журналом, текст по решению главного редактора или редколлегии может быть направлен на дополнительное рецензирование другому специалисту.

6. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

7. Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

- а) шрифт — Times New Roman, кегль — 14, интервал — 1,5. Поля — все по 2 см;
- б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в том числе сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

- в) инициалы и фамилия автора на русском языке;
- г) заголовок статьи на русском языке;
- д) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

- конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;
- научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;
- основные этапы анализа или аргументации;
- главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация и ключевые слова должны отражать специфику работы и быть максимально конкретными;

- е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);
- ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;
- з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;
- и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbк.ru> (дата обращения: 15.10.2013).

.....

21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] — означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. **Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.**

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Департамент философии.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу.*

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна.* Телефон для справок (343) 389-97-34).

Электронный адрес: izvestia_3@urfu.ru